

КИТАЙ

РОМАН

ЭДВАРД РЕЗЕРФОРД

От автора
мирового
бестселлера

ПАРИЖ

The Big Book

Эдвард Резерфорд

Китай

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Резерфорд Э.

Китай / Э. Резерфорд — «Азбука-Аттикус», 2021 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-21275-6

XIX век. Китай – гордая древняя империя, закрытая для иностранцев. Однако от Гонконга до Великой Китайской стены, от Летнего дворца с его потрясающими ценностями и Запретного города до убогих деревенских лачуг – по всей Поднебесной разворачивается драматическая борьба. Рассказывая о судьбах британских, американских и китайских семей, Резерфорд представляет масштабную историю, в которой колониальный Запад встречается с богатым и сложным Востоком. Это роман о мощном столкновении мировоззрений, о взаимном непонимании, о сражениях и потерянной любви. Эта книга для тех, кто побывал в Китае и полюбил эту страну, и для тех, кому еще предстоит там побывать. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21275-6

© Резерфорд Э., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Предисловие	9
Красное солнце над желтой рекой	11
Опиум	43
Макао	88
Гонконг	123
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Эдвард Резерфорд Китай

*С глубоким уважением посвящаю памяти Артура Уэйли,
награжденного Орденом кавалеров чести, поэта и ученого, чьи переводы
китайской классики вдохновляют меня вот уже пятьдесят лет*

Edward Rutherford

CHINA

Copyright © 2021 by Edward Rutherford

First published in Great Britain in 2021 by Hodder & Stoughton, an Hachette UK company

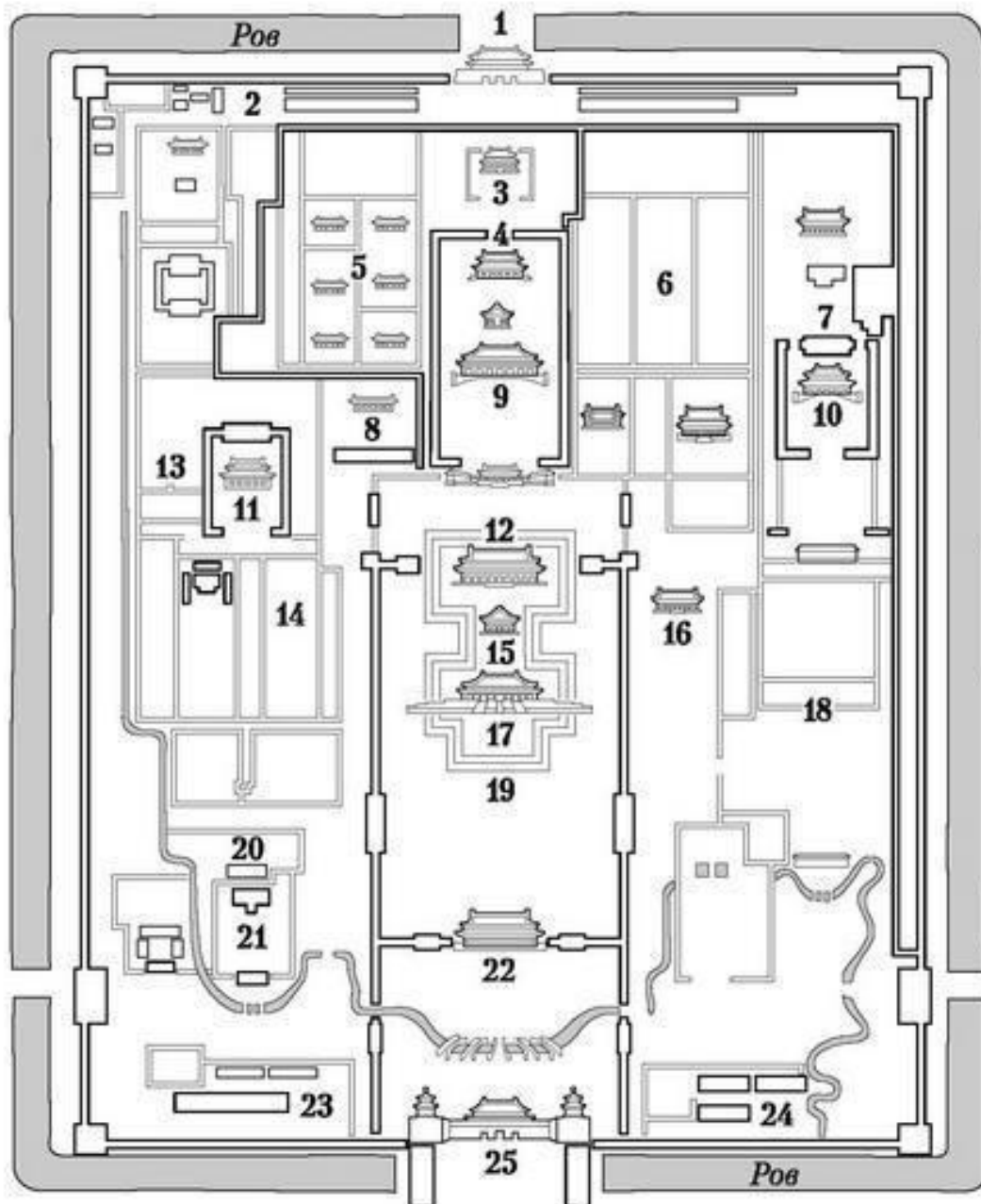
All rights reserved

© Н. Н. Власова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

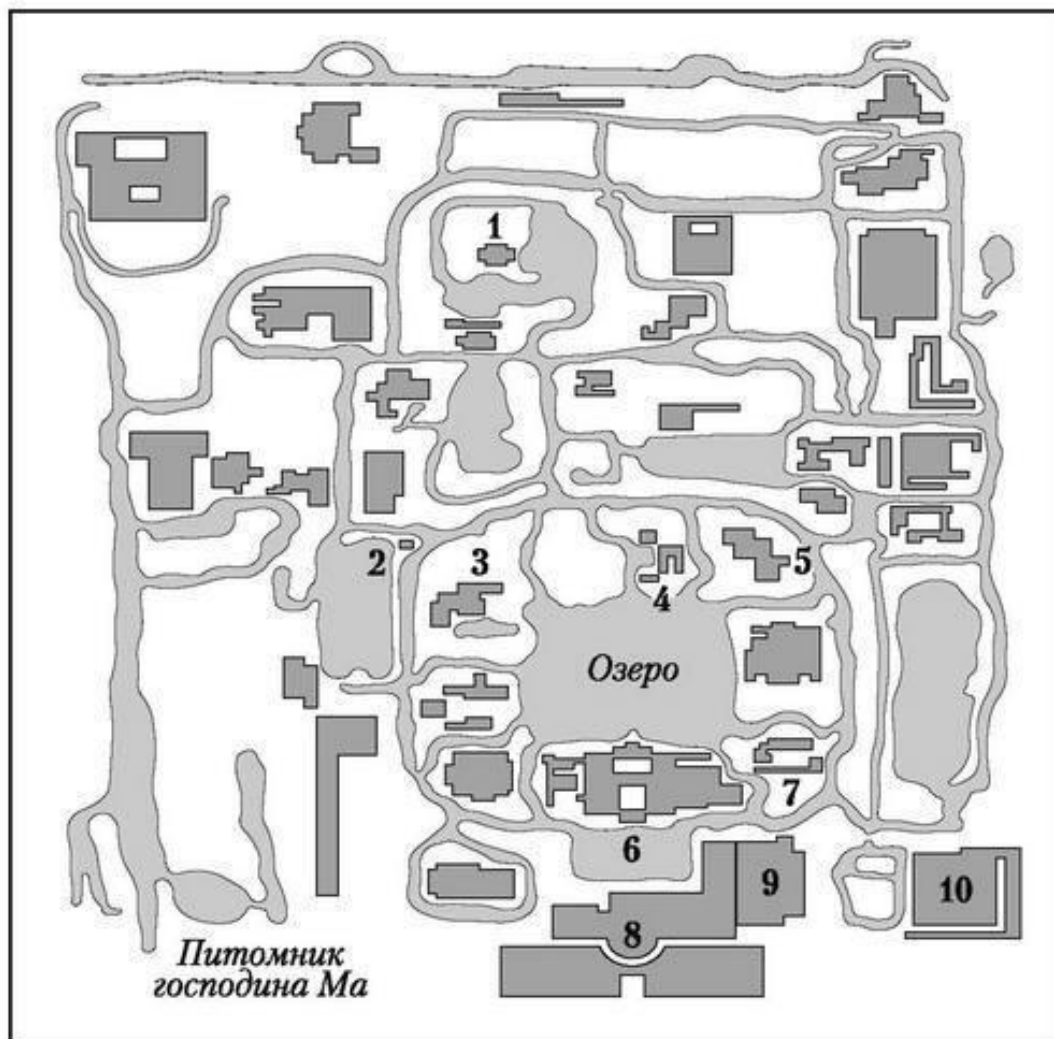
Издательство АЗБУКА®

Запретный город

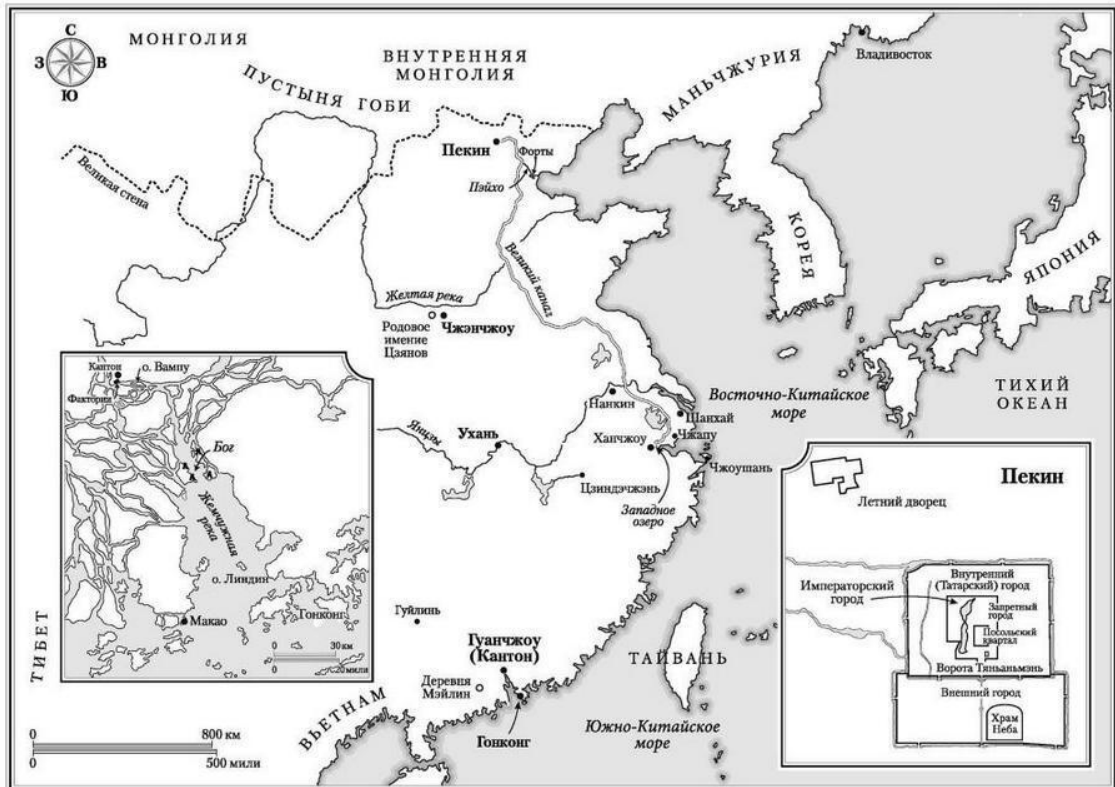

1 Ворота Божественной Мощи (Шэньумэнь)	12 Зал Сохранения Гармонии
2 Дворцовые кухни и сады	13 Место обитания призрака
3 Зал Императорского Покоя	14 Хозяйственные помещения
4 Дворец Земного Спокойствия	15 Зал Центральной Гармонии
5 Покои императрицы и императорских наложниц	16 Лучники
6 Жилые дворцы	17 Зал Высшей Гармонии
7 Дворец Безмятежного Долголетия	18 Дворцы юных принцев
8 Покои императора	19 Стена девяти драконов
9 Дворец Небесной Чистоты	20 Казначейство
10 Зал Императорского Превосходства	21 Императорские склады
11 Дворец Мира и Безмятежности	22 Ворота Высшей Гармонии
	23 Жилье евнухов и слуг
	24 Императорский секретариат
	25 Меридианные ворота

Летний дворец

- 1 Место увеселений Ляньси
- 2 Храм Всеобщего Мира
- 3 Весенняя Резиденция Абрикосового Цветения
- 4 Остров Святынь
- 5 Академия Зеленого Тунгового Дерева
- 6 Личные покои императора
- 7 Пионовая терраса
- 8 Зал приемов
- 9 Зал Усердного Правления
- 10 Школа для принцев

Предисловие

«Китай» – это прежде всего художественное произведение, но действие романа разворачивается на фоне реальных исторических событий.

Когда в повествовании появляются исторические личности, то их описания принадлежат моему перу, надеюсь, они правдивы. Однако все главные персонажи: Трейдер, Чарли Фарли, братья Одсток, Нью, Шижун, Мэйлин, Лаковый Ноготь, господин Лю, господин Ма, Гуаньци, их семьи и друзья – вымышленные.

Я хочу выразить особую признательность следующим авторам и ученым, на чьих масштабных исследованиях, часто в первоисточниках, основан этот роман.

Что касается общих сведений, я благодарю Джона Кея за наиболее удобоваримое введение в историю Китая, Кэролайн Бланден и Марка Элвина за замечательный справочник «Культурный атлас Китая» и Марину Уорнер за подробнейшую биографию Цыси «Императрица-дракон».

Что касается узкоспециальных работ, то хотелось бы сказать спасибо Джулии Ловелл за сведения об Опиумной войне 1839 года, Питеру Уорду Фэю за дальнейшие подробности войны и торговли опиумом, Чжан Янвэню за информацию о потреблении опиума в Китае. Подробности о жизни евнухов я почерпнул из работы Цзя Инхуа о жизни Сунь Ятина¹, о наложницах и рабстве из работ Се Бао Хуа, о жизни слуги узнал из записей Иды Прюитт о старой бабушке Нин в «Дочери Хань». В описаниях бинтования ног я опирался на работы Дороти Ко. Я благодарен Марку Эллиотту и прежде всего Памеле Кайл Кроссли, чье детальное исследование трех поколений одной маньчжурской семьи помогло мне создать вымышленную семью Гуаньци. За описания Летнего дворца я приношу благодарность Го Дайхэну, Юнцу Вонгу и особенно Лилиан М. Ли и работе о Юаньминъюане². При рассказе об имперской системе правосудия и пыток я опирался на прекрасную монографию Нэнси Парк. За понимание фэншуй и устройства деревень на юге Китая я благодарен статье Сяосинь Хэ и Цзюнь Ло. Рассказывая о тайпинах, я опирался на исследования Стивена Р. Платта и Джонатана Спенса. Огромное спасибо Дайане Престон за ее хронику осады дипломатических миссий во время Боксерского восстания, давшую столь богатый материал для работы.

Я обязан выразить благодарность лично Джулии Ловелл за ее мудрые и полезные советы, направившие меня на путь истинный; доктору Джеймсу Гринбауму, Тесс Джонстон и Май Цао за полезные беседы; Син Цунлин и Хан Лю за внимательное прочтение первоначальных набросков и Линн Чжао за тщательную проверку всей рукописи на историческую достоверность.

Все оставшиеся ошибки мои, и только мои.

Я признателен Родни Полу за подготовку карт с такой образцовой скрупулезностью и терпением.

Еще раз благодарю своих редакторов Уильяма Томаса из «Doubleday» и Оливера Джонсона из «Hodder» не только за такую замечательную команду, но и за их огромную доброту и терпение во время долгого и технически сложного написания черновика. Я также хочу поблагодарить Майкла Виндзора в Америке и Аласдера Оливера в Великобритании за два совершенно разных, но одинаково великолепных дизайна обложки. Большое спасибо также команде Хари Докинз, Марии Карелле, Рите Мадригал, Майклу Голдсмиту, Лорен Вебер и Кэти Хури-

---

¹ *Сунь Ятин* – последний выживший имперский евнух. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² *Юаньминъюань* – Старый Летний дворец, разрушенный в 1860 г. садово-дворцовый комплекс в восьми километрах к северо-западу от Запретного города.

ган из «Doubleday». Как всегда, огромное спасибо Каре Джонс и всей команде литературного агентства «RCW».

И наконец, я, разумеется, благодарен своему агенту Джилл Колридж, перед которой последние тридцать шесть лет в неоплатном долгу.

Китайские топонимы в этой книге в основном даны в их современной форме.

Красное солнце над желтой рекой

Январь 1839 года

Сначала он даже не услышал голоса за своей спиной. Красное солнце ярко светило в лицо, пока он ехал по самому центру Срединного государства³.

С рассвета он преодолел сорок миль, а впереди еще сотни. Времени совсем мало, а то и вовсе не осталось. Он не знал.

Скоро огромное багровое солнце зайдет за горизонт, стугятся меланхолично-пурпурные сумерки, и ему придется сделать передышку. А на рассвете снова отправиться в путь, не переставая размышлять: успеет ли он добраться до дома отца, которого так любил, и попросить прощения, пока не поздно? Ведь в письме тетушки совершенно четко говорилось: отец умирает.

– Господин Цзян! – услышал он на этот раз. – Цзян Шижун!

Он обернулся. Одинокий всадник подгонял лошадь. После красного солнца, бившего прямо в глаза, у Цзяна ушло какое-то время, чтобы разглядеть, что это Вон, слуга господина Вэня. Что бы это значило? Цзян натянул поводья и остановил лошадь.

Вон, пухлый лысый коротышка, выходец с юга, управлял хозяйством стареющего ученого, который полностью ему доверял, и взял молодого Цзяна под свое крыло, как только тот перебрался туда. Вон вспотел. Должно быть, он гнал, как имперский посланник, чтобы перехватить меня, подумал молодой человек.

– С господином Вэнем все в порядке? – с беспокойством спросил Цзян.

– Да-да. Он велит вам немедленно возвращаться в Пекин.

– Возвращаться? – Цзян с тревогой уставился на Вона. – Но мой отец умирает. Мне нужно ехать к нему.

– Вы слышали о князе Лине?⁴

– Разумеется.

Весь Пекин только и говорил о скромном, ранее никому не известном чиновнике, который произвел настолько сильное впечатление на императора, что тот поручил ему ответственную миссию.

– Он хочет видеть вас. Прямо сейчас.

– Меня?

Цзян был никем. Даже меньше чем просто никем. Жалким неудачником.

– Господин Вэнь написал князю Линю о вас. Они знакомы еще со студенческой скамьи. Но господин Вэнь не стал вам говорить, не хотел, чтобы вы питали какие-то надежды. Когда князь Линь не ответил... – Вон состроил грустное лицо. – А сегодня утром после вашего отъезда господин Вэнь получил послание. Может быть, князь Линь возьмет вас в свое услужение, но сначала ему нужно познакомиться с вами. Поэтому господин Вэнь приказал мне скакать, словно тысяча дьяволов, чтобы вернуть вас. – Вон пристально посмотрел на молодого человека. – Это огромный шанс для вас, Цзян Шижун, – тихо произнес он. – Если князь Линь преуспеет в своей миссии, а вы ему понравитесь, сам император услышит ваше имя. Вы снова станете на тропу, ведущую к успеху. Я рад за вас. – Он слегка поклонился, чтобы обозначить будущий статус молодого человека.

---

³ *Срединное государство* – самоназвание Китая.

⁴ Линь Цзэсюй (1785–1850) в 1838 г. был назначен на пост Высочайше уполномоченного эмиссара по борьбе с опиумной контрабандой в провинции Гуандун.

– Но мой отец...

– Возможно, он уже скончался. Вы не знаете.

– А может быть, он еще жив. – Молодой человек отвернулся; на его лице застыло страдание. – Мне стоило съездить раньше... – пробормотал он себе под нос. – Мне очень стыдно. – Затем он снова обратился к Вону: – Если я вернусь, то потеряю три дня. Может, больше.

– Если вы хотите преуспеть, нельзя пренебрегать возможностями. Господин Вэнь говорит, что ваш отец непременно хотел бы, чтобы вы увиделись с князем Линем. – Вон сделал паузу, а потом добавил: – Господин Вэнь сообщил князю Линю, что вы владеете кантонским. Важный довод в вашу пользу. Конкретно для этой миссии.

Шижун промолчал. Они оба знали, что именно благодаря стараниям Вона он овладел кантонским диалектом, родным для слуги. Сначала молодой чиновник ради забавы перенимал у Вона некоторые обиходные выражения, но вскоре обнаружил, что кантонский – практически другой язык. В нем больше тонов, чем в его родном мандаринском диалекте⁵. У Шижуну был хороший слух, и за пару лет, болтая каждый день с Воном, он начал свободно изъясняться на кантонском. Его отец, бывший невысокого мнения о южанах, с иронией отнесся к подобному достижению, однако допустил, что в один прекрасный день знания могут все же пригодиться. А господин Вэнь наставлял его: «Не гнушайтесь кантонского, юноша. В нем сохранилось множество древних слов, утраченных в мандаринском, на котором мы говорим».

Вон пристально глядел на Шижуну, всем своим видом поторапливая:

– Господин Вэнь говорит, что второго такого шанса на вашу долю не выпадет.

Цзян Шижун посмотрел на красное солнце и покачал головой с несчастным видом.

– Я знаю, – тихо сказал он.

В течение минуты ни один из них не двигался. Затем, с тяжелым сердцем, молодой человек молча развернул лошадь и направился обратно в Пекин.

* * *

К концу той ночи в пятистах милях от них, на прибрежных территориях к западу от порта, тогда известного миру как Кантон, с Южно-Китайского моря поднялся туман, окутав мир белизной. Девушка подошла к воротам двора и выглянула, думая, что она одна.

Несмотря на утреннюю дымку, девушка чувствовала незримое присутствие солнца, сияющего где-то за пеленой, но она все еще не видела ни края пруда в каких-то тридцати шагах от нее, ни шаткого деревянного мостика, на котором ее свекор господин Лун любил наблюдать за полной луной и напоминать себе, что он владеет этим прудом и считается самым богатым крестьянином в деревне. Девушка прислушивалась к влажной тишине. Иногда до нее долетал мягкий плеск, когда какая-нибудь утка ныряла головой под воду, а потом выныривала и отряхивалась. Но больше девушка ничего не слышала.

– Мэйлин! – Кто-то свистнул справа от нее.

Девушка нахмурилась. Она смогла разглядеть бамбуковую рощицу у дороги и сделала шаг в ее направлении.

– Кто это?

– Это я. Нью. – Из рощицы вынырнула чья-то фигура и направилась к ней.

– Братишка! – просияла девушка.

---

⁵ Под «тоном» понимается рисунок голоса, который характеризуется изменением высоты звука. В китайском языке и его диалектах тоны определяют смысл слова. Мандаринский, или северокитайский, язык объединяет близкие друг к другу китайские диалекты, распространенные на большей части Северного и Западного Китая; название «мандаринский» является калькой с официального названия «гуаньхуа» – «язык чиновников (мандаринов)».

Даже после долгих лет разлуки она безошибочно узнала его. Прямой шрам, тянувшийся через щеку и нос, никуда не делся.

Если быть точным, то Ньо не был ее братом. Да и вообще родственником. Он воспитывался в доме ее бабушки по матери, которая принадлежала к племени хакка⁶. После того как его мать и сестры умерли от чумы, отец оставил мальчика с родителями Мэйлин на два года, прежде чем снова женился и забрал сына к себе. Собственно говоря, его звали Ню. Но на диалекте его родной деревни имя звучало скорее как Ньок, хотя последний звук было плохо слышно. Мэйлин пошла на уступку и изобрела свою версию имени – Ньо с коротким «о» на конце, так оно к нему и привязалось.

Задолго до того, как отец Ньо забрал его обратно, Мэйлин стала считать мальчика названным братом, а себя его старшей сестрой.

– Когда ты приехал? – прошептала она.

– Два дня назад. Я приходил повидаться, но твоя свекровь запретила мне тут показываться, а потом пошла в дом твоих родителей и велела им не подпускать меня к тебе.

– Почему она так поступила?

Хотя Ньо был всего на год моложе Мэйлин, но, как она заметила, все еще выглядел мальчишкой. Он потупился и какое-то время смотрел себе под ноги, а потом признался:

– Наверное, из-за моих слов.

– А почему ты здесь, братишка?

– Я сбежал! – Он улыбнулся, словно это был повод для гордости.

– Ох, Ньо... – Мэйлин собиралась было расспросить его о подробностях, но юноша жестом показал, что кто-то подсматривает из-за ворот за ее спиной. – Жди меня на въезде в деревню завтра утром, – поспешно велела она. – Я попробую прийти с первыми лучами солнца. Если не приду, возвращайся на то же место на следующий день. А теперь беги! Быстрее! Быстрее!

Ньо скрылся в бамбуковой рощице, а Мэйлин обернулась.

У ворот стояла молодая женщина с овальным личиком. Это была ее невестка Ива. Они обращались друг к другу «сестра», но на этом все сходство заканчивалось. Иву нарекли в честь изящного дерева, однако, если снять восхитительную одежду и смыть косметику, которую она тщательно наносила на лицо, Иву сочли бы невзрачной. Ива была родом из богатой крестьянской семьи по фамилии Вань из соседнего уезда. И хотя она вышла замуж за старшего сына господина Луна, жители деревни почтительно называли ее по традиции госпожой Вань. Семейство Вань могло себе позволить не работать, так что дочери с детства бинтовали ноги⁷, и теперь у Ивы была семенящая походка, отличавшая ее от бедных крестьянок типа Мэйлин, чья семья трудилась в полях.

Ива была чуть выше Мэйлин и слегка сутулилась, но элегантно, словно бы кланялась, как положено благовоспитанной даме. Мэйлин была миниатюрной и крепко стояла на своих здоровых ногах, как обычная крестьянка. С самого раннего детства она считалась самой хорошенькой девочкой во всей деревне.

Если бы ее родители не были так бедны, то могли бы позволить себе бинтовать ей ноги, наряжать в красивую одежду и в итоге продать торговцу в один из местных городов в качестве младшей жены или наложницы. И хотя Мэйлин была прелестной, никто даже представить себе не мог, что она выйдет замуж за сына господина Луна.

---

⁶ Хакка считаются потомками жителей Северного Китая, которые из-за войн переселились на юг страны. Сам этноним «хакка» буквально означает «гостящие семьи», то есть фактически «чужаки».

⁷ Идеалом женской красоты считалась крошечная ножка, поэтому девочкам из состоятельной семьи с детства бинтовали ноги, чтобы помешать росту стопы; в результате получались ножки-лотосы, считавшиеся крайне сексуальными.

На самом деле большинство людей сочли их брак скандальным, а ее свекровь пришла в ярость.

Между Ивой и Мэйлин имелось еще одно отличие. Ива успела родить мужу ребенка, однако, к неудовольствию его родителей, на свет появилась девочка⁸. К счастью, Ива снова была на пятом месяце беременности.

Когда они вернулись в передний двор дома Лунов, Ива апатично взглянула на Мэйлин:

– Я знаю, кто приходил.

– А?

– Это был твой двоюродный брат Нью. Я все про него знаю. Ты зовешь его младшим братишкой. – Она медленно кивнула. – Все в доме знают, что он тут, но нам запретили тебе говорить.

– Даже мужу?

– Он хотел сказать, но побоялся, что ты попытаешься увидаться с Нью и попадешь в неприятности. Он пытался тебя защитить. Всего лишь.

– Ты расскажешь Матушке?

– Можешь довериться мне, сестрица! – Во дворе росло низенькое апельсиновое деревце, и, дойдя до него, Ива замешкалась. – Не пытайся увидаться с ним, сестрица. Если Матушка узнает, то высечет тебя. А то и что похуже.

* * *

В середине этого же дня в Калькутте экипаж, запряженный одной лошадью, вез двоих молодых англичан через симпатичные предместья Чоуринги. Шторы были опущены, чтобы защитить от слепящего света. Хотя в Индии этот сезон и считался прохладным, солнце светило ярче и припекало куда сильнее, чем в самые жаркие летние дни в Британии.

Чарли Фарли был веселым малым. Во время крикета, в который он отменно играл, ему хватало роста, чтобы внушать уважение. Его круглое лицо стало еще круглее, когда волосы надо лбом поредели.

– Я пока еще не лысый, – шутил он, – но полысею к чаепитию.

Голубые глаза смотрели из-за стекол очков дружелюбно, однако ни в коем разе не глупо. Не только в крикете, но и в целом по жизни он вел честную игру.

Его друг Джон Трейдер был чуть выше ростом, худощавый, довольно красивый, с волосами цвета маслин. Однако в напряженном взгляде темно-синих глаз не было ни капли веселья.

– Все это ужасная ошибка, – мрачно произнес он.

– Чепуха, Джон! – воскликнул Чарли Фарли. – Я сказал полковнику, что ты спас мне жизнь. Он будет очень корректен с тобой. – (Через пару минут колеса экипажа захрустели по гравийной подъездной дорожке.) – А сейчас закинем письма тетушке Харриет и поедем дальше. Так что постарайся выглядеть счастливым.

Дом его тетушки был типичным колониальным коттеджем в лучшем смысле этого слова, с верандой по периметру здания и широкими карнизами, которые поддерживали приземистые ионические колонны, выкрашенные белой краской. Из просторного центрального холла можно было попасть в роскошную гостиную и столовую, и обе комнаты хозяйка обставила в английском стиле. Когда молодые люди подошли к двери, буквально из каждого угла выползли слуги-индийцы в белоснежных одеяниях.

Тетушка Харриет, очевидно, услышала приближение экипажа, поскольку уже ждала их в холле. Чарли обожал тетушку. Как и его мать, которой Харриет приходилась сестрой, тетушка

---

⁸ По китайским представлениям, кормить души предков может только наследник мужского пола, поэтому все хотят, чтобы родился мальчик.

сохранила золотистые локоны, как в юности. У нее были честные синие глаза, и они с мужем привечали всех новоприбывших в Калькутте с добродушным гостеприимством, которое стало визитной карточкой колониальных торговцев.

– Чарли, что ты тут делаешь? – строго спросила тетушка. – Разве вам, мальчики, не нужно быть на работе?

– А мы и были на работе, тетя Харриет, – ответил Чарли. – Но сегодня утром доставили целую пачку писем из Англии, в том числе одно тебе от маменьки. И я решил привезти его немедленно.

Тетушка Харриет улыбнулась:

– Я так понимаю, теперь вы хотите, чтобы вас покормили?

– Вовсе нет. На самом деле мы не можем задерживаться. Мы едем на ланч к полковнику Ломонду.

– К самому полковнику Ломонду? Грандиозно!

– Отец ходил с ним вместе в школу, – объяснил Чарли, – поэтому я получил приглашение на ланч в его клубе. И решил, что будет здорово показать это место Джону.

– Тогда, мальчики, вам лучше поторопиться, – сказала тетушка Харриет. – Нельзя же опоздать к полковнику Ломонду.

– Да, засим откланиваемся! – простился Чарли.

Пришло время поговорить по-мужски. Поскольку им оставалось провести наедине в экипаже всего десять минут, Чарли решил не откладывать разговор в долгий ящик.

– Знаешь, что с тобой не так, Трейдер?

– Ну же, скажи. – Трейдер выдавил из себя подобие улыбки.

– Ты отличный друг, я бы доверил тебе собственную жизнь. Но ты такой мрачный тип! Только посмотри на себя! А ведь все, что от тебя требуется, – наблюдать за происходящим и получать удовольствие.

– Знаю.

– Но проблема коренится даже глубже. Твоя беда в том, что ты вечно всем недоволен. Что бы ты ни получил, ты всегда мечтаешь о большем.

– Наверное, так и есть.

– Я хотел сказать: да, ты рос без родителей, в этом плане тебе чертовски не повезло. Но это же не конец света. Ты ходил в приличную школу. Ты унаследовал приличную сумму денег. У тебя есть такой друг, как я. Мы работаем в «Рэттрейсе», одном из лучших торговых домов в Индии. А еще, хотя ты, похоже, и не веришь, ты дьявольски хорош собой, и половина дам в Калькутте влюблена в тебя. Чего тебе еще нужно?

– Чарли, я не знаю, – признался его друг. – Расскажи об этом полковнике Ломонде, к которому мы едем. У него есть семья?

– Жена. Иногда я навещаю ее. Ну, ты понимаешь, дань вежливости и все такое. Очень приятная леди. Его сын служит в армии, он чуть постарше нас. Еще у полковника есть дочь. Мы пару раз встречались у них дома. Очень красивая, – улыбнулся Чарли. – Я соблюдаю дистанцию. Полковнику не понравится, если я буду вести себя излишне панибратски.

– Потому что он аристократ.

– Старинный шотландский род. Старший брат обитает в наследном замке... ну, ты понимаешь.

– А мы коммерсанты, Чарли. Торговцы. Грязь под их ногами.

– Со мной он весьма обходителен.

– Потому что учился вместе с твоим отцом. – Джон замолчал, а когда его друг не ответил, продолжил: – Знаешь, что меня раздражает, Чарли?

– Что же?

– Люди типа Ломонда смотрят на нас сверху вниз, поскольку мы заняты коммерцией, но что такое Британская империя? Огромная торговая компания. И всегда была ею! Кто управляет Индией? Кто командует здешней армией? Ост-Индская компания! Фактически это сейчас и есть британское правительство, только называется иначе, и зачастую торговля сосредоточена в руках независимых коммерсантов типа нас с тобой. Но факт остается фактом: цель армии, в которой служит полковник и другие офицеры из его круга, – защищать торговлю. То есть тебя и меня. Не будет торговцев, не будет и армии.

– Ты же ему ничего такого не собираешься говорить? – нервно спросил Чарли.

– Я бы мог. – Трейдер мрачно взглянул на него, а потом улыбнулся. – Не беспокойся.

Чарли поджал губы, покачал головой, а затем вернулся к предыдущей теме:

– Джон, почему бы тебе просто не сыграть в эту игру? При нынешнем раскладе нам достались весьма неплохие карты. Мой отец всю жизнь работал на Ост-Индскую компанию и ушел на покой, сколотив неплохое состояние, как ты знаешь. У него большой дом в Бате. Наш ближайший сосед – генерал-майор. Веселый старикан. Они с папой играют в карты. Понимаешь, о чем я? Меня все устраивает.

– Это тебе не шутки, Чарли.

– Но если мне захочется большего, то здесь и начинается игра. Может быть, мне повезет в «Рэттрейсе» и в итоге я заработаю достаточно, чтобы купить поместье и стать землевладельцем. Такое случается сплошь и рядом. Мой сын может оказаться в хорошем полку и служить вместе с одним из Ломондов. – Фарли посмотрел на друга с серьезным выражением лица. – Так работает игра в сословия, Трейдер, если ты хочешь в нее сыграть.

– На это уходит куча времени.

– Пара поколений, и все готово. Но знаешь, как говорят? – Чарли Фарли откинулся на спинку сиденья и улыбнулся. – Респектабельность – всего лишь дело времени.

Миновав строгий портал Бенгальского военного клуба, Джон Трейдер ощутил, как на него вновь нахлынуло уныние. Для начала ему было нестерпимо жарко в черном сюртуке, подходящем исключительно для более прохладного британского климата, но так одеться предписывал дресс-код клуба. Вторая причина заключалась в самом клубе.

Британцы пока еще не правили всей Индией, но были хозяевами Бенгалии. В Калькутте, крупнейшем городе Бенгалии, напоминания об этом встречались на каждом углу. На ипподроме. На полях для гольфа. И нигде более явственнее, чем на эспланаде, где величественный классический фасад Бенгальского военного клуба взирал сверху вниз в колониальном великолепии на всех, кто проходил мимо.

Кто были эти прохожие? Конечно, в основном местные индийцы и полукровки, родившиеся от смешанных браков, но также и чистокровные британцы: купцы, торговцы, представители среднего класса и низшего сословия – все те, кто не правил, а работал.

Членами Бенгальского военного клуба были представители правящей элиты: армейские офицеры, судьи, наместники Британской империи, преемники имперского Рима, – по крайней мере, они именно так себя видели. Подобно римским сенаторам, которым они подражали, эти воины и землевладельцы презирали рабочий люд, но еще больше торговцев.

Полковник Ломонд уже ожидал их в большом, просторном вестибюле, со стен которого на Джона сурово взирали портреты государственных деятелей и генералов. Отсюда они сразу же направились в столовую.

Белая льняная скатерть, накрахмаленная до состояния жесткой доски. Георгианское серебро, изысканный веджвудский фарфор, тяжелые хрустальные бокалы. Для начала им подали суп и херес. Французская еда, может, и в моде, но полковнику она не нравилась, так что на второе была говядина с капустой и картофелем, выращенными на местных огородах,

принадлежащих британцам. Вино было превосходным. Короче говоря, с таким же успехом это мог быть клуб в самом сердце Лондона.

Что до самого полковника Ломонда, то сегодня он облачился в форму: красивый алый мундир и черные брюки. Полковник был высоким, стройным, его редеющие волосы все еще оставались темными. Кончики бровей слегка вздернуты, что придавало полковнику сходство с благородным ястребом. Он выглядел как истинный вождь шотландского клана.

Стало ясно, что полковник полон решимости обласкать юного Фарли, которого называл «мой мальчик», а Фарли-старшего, ныне проживающего в Бате, именовал «дорогим батюшкой».

– Я получил письмо от вашего дорогого батюшки. Он пишет, что с ним по соседству живет старый генерал Фробишер.

– Вы знакомы, сэр?

– Да. Великолепный спортсмен⁹. Охотился исключительно на крупных животных.

– На тигров?

– Разумеется. Вы знаете, в его время на охоту отправлялись пешком. Не то что эти балаганы со слонами, как сейчас. – Он одобритительно кивнул Чарли.

Почему полковник Ломонд проникся симпатией к Чарли Фарли? Отчасти дело в том, что Чарли – такой же приятный парень, как и некогда его отец. Честный, вежливый, покладистый. Но было и еще кое-что. Он знал свое место и довольствовался им. Чарли никогда не переступал границ дозволенного. Он честно признался Ломонду, что один его друг хотел бы взглянуть на интерьер клуба, но Чарли не может удовлетворить его интерес, если только полковник не пригласит их на ланч. И Ломонд без промедления пригласил обоих. «Нахальный молодой человек», – заметил позднее полковник в разговоре с супругой с тем же одобрением, которое выказал бы смелому молодому офицеру. Но Чарли никогда не поставил бы его в неловкое положение, пытаясь вступить в клуб. Не то чтобы полковник Ломонд особенно противился членству Чарли Фарли. Но дело, конечно, в другом. Как понимали все, кто управлял Британской империей, дело не в отдельном случае, а в последствиях.

Именно потому взгляд полковника был прикован к Джону Трейдеру.

Что-то в юном Трейдере Ломонду не понравилось, но он не понимал, что именно. Естественно, поскольку темноволосый молодой человек был другом Фарли, полковник держался с ним любезно. Но после долгих лет жизни в Индии и наблюдения за людьми у полковника Ломонда развилось шестое чувство. И сейчас он испытывал то же беспокойство, которое как-то раз ощутил прямо перед тем, как в доме обнаружилась кобра.

– Из какой части страны вы приехали? – поинтересовался он. Это безопасный вопрос.

– Я вырос в юго-западной части Англии, – ответил Трейдер. – Неподалеку от Лондона. В Блэкхите.

– Блэкхит? Раньше там обитали разбойники, да? – Хотя это было сказано в шуточной форме, не содержала ли эта фраза намек, что и сам Трейдер мог быть разбойником с большой дороги? Конечно нет. – У вас там родственники?

– У меня не осталось родных, – ответил Трейдер.

– Вообще никого?

– Когда-то была дальняя родня со стороны отца. Думаю, несколько поколений назад. Но потом из-за какого-то семейного разлада они перестали общаться. Я даже не знаю, как их зовут и где они могут сейчас жить.

– Ох! – Полковник решил попробовать новый трюк. – Вы с Фарли учились в разных школах?

– Да, сэр. Я учился в Чартерхаусе.

---

⁹ Охота среди британцев того времени считалась спортом.

– Прекрасная старая школа. – Полковник сделал глоток вина.

Конечно, это не Хэрроу, которую посещали он и отец и сын Фарли.

– Треjder спас мне жизнь, сэр, – с надеждой сказал Чарли.

Полковник Ломонд уклончиво посмотрел на Чарли. Они оба знали, что Чарли уже сообщал ему этот факт. Но полковник не желал давать мрачному незнакомцу повода торжествовать.

– Рад слышать, – коротко кивнул полковник. – Если мы когда-нибудь соберемся за обедом, – туманно добавил он, обращаясь к Треджеру, – вы всенепременно расскажете мне эту историю целиком.

Со стола убрали скатерть, чтобы подать десерт. Полковник передал по кругу графин с портвейном. Они отлично поели. Если бы полковник не обратился к Треджеру прямо за едой, с симпатией глядя на Чарли, это можно было бы принять за рассеянность. Однако теперь казалось, что у него что-то на уме.

– Скажите-ка, мой мальчик, а в вашем торговом доме, в «Рэттрейсе»... – он подался вперед достаточно, чтобы обозначить беспокойство, – все в порядке?

– Абсолютно, сэр! В полнейшем порядке! – Чарли улыбнулся. – Отец спросил меня то же самое. После прошлого краха, сэр, «Рэттрейс» ругает за умеренность.

– Хорошо, – с облегчением кивнул полковник.

Прошло всего два года с тех пор, как крах могущественного торгового дома Палмерсов – жертвы чрезмерной жадности и долгов, которые периодически обрушивались, как чума, на все рынки, – разорил большинство торговых домов в Калькутте, оставив без средств к существованию бесчисленных вдов и сирот.

– Конечно, – признал полковник за бокалом портвейна, – еще в прошлом веке некоторые набобы Ост-Индской компании сделали огромные состояния всего за несколько лет.

В его глазах появилась отрешенность, которая указывала на то, что если бы подвернулся удобный случай, то даже такой доблестный солдат, как он сам, не прочь был получить лишнюю пару сотен тысяч фунтов стерлингов.

– Сейчас быстро сколачивают состояния только те, кто отправился в Кантон торговать с Китаем, сэр, – сказал Чарли.

– Да, я слышал. Проворачивают какие-то грязные делишки, да? – тихо добавил полковник.

– Мы ни в чем таком не участвуем, сэр, – ответил Чарли, чем заслужил одобрительный кивок.

И тут Джон Треjder, так долго сохранявший вежливое молчание, решил заговорить.

– Мне жаль, что вы не одобряете торговлю с Китаем, – заметил он. – Там же все завязано на чае?

В его голосе послышался слабый намек на угрозу?

– Разумеется, на чае, – хмыкнул полковник.

– Британцы пьют чай, который импортируют из Китая, потому что это практически единственное место, где его выращивают. Чай облагается налогом. А налог на чай покрывает большую часть текущих расходов британского флота.

– Понятия не имею, – буркнул полковник.

– Значит, вы возражаете не против импорта чая, – продолжил Треjder. – Вам не нравится опиум, который мы поставляем китайцам в обмен на чай?

– Осмелюсь заметить, что китайцы сами решают, что им покупать, – сказал Ломонд; его выразительный взгляд явно давал понять Чарли, что полковнику порядком надоел разговор.

– Английский чай! – радостно встрял Чарли. – Даже не верится, что люди пьют столько чая. Не то чтобы всем нужен был чай. Но все вокруг настаивают на употреблении чая. И с

каждым годом все больше. – Он бросил на Трейдера предупреждающий взгляд. – На самом деле вы знаете: за все это уплачено серебром. – Он повернулся к полковнику. – Боюсь, сэр, нам пора. Работа зовет и все такое... ну, вы понимаете.

– Разумеется, мой мальчик. Всегда рад видеть вас, – с благодарностью произнес Ломонд.

– Это треугольная торговля, – продолжал Треjder тихо, но безжалостно. – Китайские дилеры получают опиум от сотрудников нашего кантонского филиала. Эти же китайцы платят за него серебром. Наши сотрудники тратят серебро для покупки чая. Но откуда везут опиум? Из Индии. В основном из Бенгалии. Выращен Ост-Индской компанией. Определенно, это правильно, да, сэр?

Полковник Ломонд не ответил. Он поднялся из-за стола и, по-дружески взяв Чарли под локоть, повел в сторону выхода, так что Треджеру пришлось плестись следом.

Несколько мгновений спустя они все вместе спускались по ступеням клуба и расстались бы тут же на улице, если бы их не прервал чей-то голос:

– Папочка!

Голос доносился из крытого экипажа, в котором сидела девушка в шелковом платье, с зонтиком в руках. Ее сопровождали мать, слуга, кучер и верховые. Экипаж остановился.

– Добрый день, папочка! – воскликнула Агнес Ломонд. – Ланч прошел хорошо?

Полковник Ломонд не ожидал такой встречи, но обернулся к дочери с улыбкой, а на жену бросил настороженный взгляд, который его супруга тут же заметила.

– Разумеется, вы знакомы с юным Фарли, – весело сказал он, когда обе дамы поприветствовали Чарли. – А это... – неопределенно промямлил он, указывая на Трейдера внезапно обмякшей рукой, – его друг.

– Джон Треjder, – представился Треjder, вежливо улыбнувшись миссис Ломонд, а потом перевел взгляд на дочь полковника и уже не в силах был отвести темно-синие глаза.

Агнес Ломонд было двадцать, и она уже стала настоящей леди. Лучше и не скажешь. Супруга полковника была красивой статной матроной, а Агнес – стройная, как отец, чуть выше матери. Лицо, защищенное от солнца, сохранило благородную бледность. Из-за слишком длинного носа Агнес нельзя было назвать хорошенькой, но он придавал девушке аристократический вид. А вот характер по внешнему виду угадать было нельзя.

Возможно, все дело в сдержанности, или же в каштановых волосах девушки, или же в ее недоступности из-за принадлежности к другому сословию, или всему виной темные ореховые глаза, или глубокое желание украсть ее у отца, но какими бы ни были причины, Джон Треjder разинул рот и уставился на Агнес Ломонд, будто в транс.

Ее мать заметила это и сразу вмешалась.

– Поедешь с нами? – поинтересовалась она у мужа, который тут же сел в их экипаж. – Надо отпустить вас и вашего друга на работу, мистер Фарли.

Чарли кивнул и поклонился в ответ, когда карета тронулась.

Но Треjder забыл поклониться. Он просто стоял и пялился им вслед.

* * *

Красное солнце снова садилось, когда Цзян Шижун, выехав из сосновой рощи, через которую вела старая дорога, увидел перед собой город. В небе, высоко над головой, словно небесная грудная клетка, лежали огромные полосы облаков и ловили оранжевые отблески солнца на западе. Всякий раз, когда Цзян Шижун смотрел на могучие стены, башни, огромные изогнутые крыши из сверкающих плиток, у него перехватывало дух.

Пекин великолепен!

Но его ли этот город?

Цзян знал, что его предки, называвшие себя ханьцами¹⁰, построили на этом месте обнесенный стеной город три тысячи лет назад. Но только пять веков назад Хубилай, внук Чингисхана, могущественный монгольский завоеватель, захватил Китай и, построив сказочную летнюю резиденцию Шанду на охотничьих угодьях в степях, выбрал этот северный город в качестве китайской столицы.

Но менее чем через столетие Ханьская династия, блистательная Мин, сумела изгнать монголов и укрепить Великую стену, чтобы отпугнуть других захватчиков. Однако они сохранили столицу Хубилая. В течение трехсот лет Мины правили Китаем.

Это был золотой век. Литература и искусство расцвели буйным цветом. Китайские ученые издали самую великую энциклопедию лечебных трав¹¹, которую когда-либо видел мир. Китайские корабли отправились на запад, в Африку. А фарфор того времени стал предметом зависти всего мира.

Но даже блистательная эпоха Мин подошла к концу. Подобную картину в Китае наблюдали уже много раз: постепенное вырождение, слабый император, крестьянское восстание, амбициозный генерал, пытающийся прибрать к рукам власть. А в данном случае – еще одно крупное вторжение с севера, на этот раз союз маньчжурских племен из обширных лесов и равнин к северо-востоку от Великой стены.

Маньчжурские армии были разбиты на большие отряды, известные как «знамена», каждый отряд возглавлял доверенный военачальник. Когда династия Мин рухнула и попала под ярмо, огромные города окружили гарнизонами знаменных армий, и это длилось на протяжении веков.

Что же до гордых ханьцев, то теперь они подчинялись маньчжурам. Мужчин вынудили делать маньчжурскую прическу: брить переднюю часть головы, а остальные волосы заплетать в длинную косу, которая болталась вдоль позвоночника.

Но если китайцы и уступили, то их культура и не подумала сдаваться. Безусловно, маньчжуры гордились своим героическим военным прошлым, но, став хозяевами огромных городов, дворцов и храмов Китая, они вскоре дали своей династии китайское название Цин и правили почти как обычные китайские императоры. Цинские императоры постоянно приносили жертвы богам, а некоторые стали весьма эрудированными специалистами по китайской литературе.

Цзян был обязан им повиноваться, но, несмотря на это, как и многие ханьцы, знал, что именно он и его народ были истинными наследниками тысячелетней китайской культуры и ему нужно превосходить маньчжуров, которым служил.

Огромная внешняя стена перед ним тянулась на четыре мили с востока на запад, а в центре виднелась мощная застава. За стеной справа, доминируя над окружающим миром на высоком холме, виднелась огромная, похожая на барабан пагода – Храм Неба, перед которым император проводил древние церемонии, моля богов о богатых урожаях. Под тлеющими углями облаков его синяя черепица на трехъярусной крыше приобрела оттенок индиго.

Миновав ворота, они с Воном пару миль двигались на север по дороге, приподнятой над уровнем местности, к еще более впечатляющему Внутреннему городу площадью четыре квадратных мили, защищенному по периметру стеной с могучими сторожевыми башнями по углам.

Сгущались сумерки. Путники проехали мимо знаменных солдат, носивших традиционные маньчжурские шляпы, куртки и сапоги. Рыночные продавцы по обе стороны широ-

---

¹⁰ Китайцы называют себя ханьцами со времен древней династии Хань (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.), считавшейся расцветом китайской культуры.

¹¹ Имеется в виду знаменитый трактат «Бэньцао ганму», также известный как «Компендиум лекарственных веществ».

кой дороги сворачивали торговлю на ночь, снимали вывески. Сборщики мусора, некоторые в широкополых шляпах, большинство в маленьких китайских шапочках, лопатами собирали навоз в большие глиняные горшки, и в воздухе пахло навозом, приправленным соей и жень-шенем.

Внутренний город никоим образом не был центром Пекина, потому что внутри его, за огромными воротами Тяньаньмэнь, находилась еще одна обнесенная стенами цитадель – Императорский город; а внутри, обнесенный рвом и скрытый почти от всех глаз пурпурными стенами, прятался Запретный город с золотыми крышами, сокровенное святилище, огромный дворец и место, где жил сам Сын Неба, император.

В этот вечер дорога привела их в северо-восточный квартал Внутреннего города, на тихую улочку, где в красивом доме рядом с небольшим храмом жил ученый Вэнь. Цзян устал и с нетерпением ждал отдыха.

Не успели они въехать в маленький дворик, как им навстречу поспешил старый ученый.

– Наконец-то! – воскликнул он. – Вам нужно к князю Линю! Он завтра уезжает! Но он готов принять вас прямо сегодня, если вы немедленно придете. Немедленно! – Он сунул Цзяну пропуск в Императорский город. – Вон отведет вас, – распорядился господин Вэнь. – Он знает дорогу.

Цзян Шижун и Вон вошли на территорию Императорского города, но не через внушительные ворота Тяньаньмэнь, а через ворота поменьше в восточной стене, и вскоре уже были у прекрасного здания с широкими скатами крыш, в котором обитал князь Линь. Еще через несколько минут Шижун оказался в маленьком зале, где на большом резном стуле из розового дерева сидел сам господин Линь.

На первый взгляд в нем не было ничего особо примечательного. Типичный коренастый чиновник средних лет. Заостренная борода поседела, глаза широко расставлены. Учитывая суровую репутацию Линя, Цзян ожидал, что у Высочайше уполномоченного эмиссара будут тонкие как ниточка губы, но на самом деле они оказались довольно пухлыми.

И все же в нем чувствовалось что-то благородное – умиротворенность. С тем же успехом Линь мог быть настоятелем монастыря.

Цзян поклонился.

– Я уже выбрал другого юношу в качестве своего секретаря, – негромким голосом обратился князь Линь без всякого вступления. – Но потом он заболел. Я ждал. Ему становилось все хуже. Между тем я получил письмо от господина Вэня, ученого, которому я доверяю. Я решил, что это знак. В письме он рассказал о вас. Хорошее и не очень.

– Для вашего покорного слуги большая честь, что его учитель господин Вэнь подумал о нем, господин Линь. Я ничего не знал о его письме. Мнение господина Вэня по всем вопросам справедливо.

Легкий кивок означал, что ответ удовлетворил господина Линя.

– А еще он сообщил, что вы отправились с визитом к умирающему отцу.

– Конфуций учит нас почитать своего отца, господин эмиссар.

В сочинениях Конфуция сыновья почтительность была одной из центральных тем.

– И отца своего отца, – тихо добавил Линь. – Я не стал бы препятствовать вам в исполнении долга. Но я вызвал вас сюда по важному делу, а мне поручение дал сам император. – Он сделал паузу. – Сначала я должен узнать вас лучше. – Линь сурово посмотрел на Цзяна. – Ваше имя Шижун означает «академическая честь». Ваш отец возлагал на вас большие надежды. Но вы провалили экзамены.

– Да, все верно. – Цзян Шижун потупился.

– Почему так вышло? Вы готовились недостаточно упорно?

– Думаю, да. Мне очень стыдно.

– Ваш отец сдал столичные¹² экзамены с первой попытки. Вы хотели превзойти его?

– Нет, ваше превосходительство. Это было бы непочтительно. Но мне казалось, что я подвел его. Я лишь хотел его порадовать.

– Вы единственный сын? – Он пристально посмотрел на Цзяна и, когда молодой человек кивнул, заметил: – Это не простая ноша. Вас напугали экзамены?

– Да, господин эмиссар.

Это еще мягко сказано. Путешествие в столицу. Ряд маленьких келий, в которых кандидатов запирали на все три дня, что длился экзамен. По слухам, если в процессе экзаменуемый умирал, то труп заворачивали в полотнище и перебрасывали через городскую стену.

– Некоторые кандидаты тайком проносили с собой готовые сочинения. Они списывали. А вы?

Цзян уставился на него. На мгновение на его лице вспыхнула смесь гнева и гордости, но затем он смог справиться с эмоциями и склонил голову с почтением, прежде чем снова взглянуть на Линя:

– Ваш покорный слуга так не поступил, господин эмиссар.

– Ваш отец сделал хорошую карьеру, хотя и весьма скромную. Он ушел на покой, не нажив особого богатства.

Линь снова замолчал, глядя на Цзяна, который не был уверен, как понимать слова собеседника. Но, вспомнив о репутации Линя как человека, который придерживался строгих правил во всех своих делах, ответил правдиво:

– Я верю, что мой отец никогда в жизни не брал взяток.

– Если бы брал, – спокойно ответил Линь, – то вас бы тут не было. – Он снова задумчиво взглянул на Цзяна. – Нас судят не только по нашим победам, юноша, но и по нашей настойчивости. Если мы терпим неудачу, то нужно стараться еще упорнее. Я тоже провалил столичные экзамены в первый раз. Вы об этом знали?

– Нет, господин эмиссар.

– Я принял участие в экзамене во второй раз. И снова провалился. А в третий раз прошел. – Линь дал ему время осмыслить слова, затем сурово продолжил: – Если вы станете моим секретарем, вам придется быть сильным и много работать. Если вы проиграете, будете учиться на своих ошибках и добьетесь большего. Но сдаваться нельзя. Понимаете?

– Да, господин Линь.

– Господин Вэнь считает, что в следующий раз вы сдадите экзамен. Но сначала придется поработать на меня. Вы согласны?

– Да.

– Хорошо, – кивнул Линь. – Расскажите, что вы знаете про опиум.

– Те, кому опиум по карману, любят его курить. Но если пристрастятся, то спускают все свои деньги. Их здоровье приходит в упадок. Император объявил опиум вне закона. – Цзян замялся, размышляя, осмелится ли он сказать правду. – Но похоже, его все могут раздобыть.

– Именно так. В прошлом поколении торговля выросла в десять раз. Множество людей подсели на опиум, пока не стали бесполезными, затем обнищали, разорились, а то и погибли... Это ужасно. Люди не могут платить налоги. Серебро утекает из империи, им оплачивают опиум.

– Мне казалось, опиумный мак растет и в Китае.

– Это так. Но сейчас почти весь опиум приплывает к нам через моря. Китайские контрабандисты покупают его у иностранных пиратов. Так что же нам делать?

---

¹² Китайская экзаменационная система кэцзюй предполагала три этапа: местный, провинциальный и столичный; самым трудным и ответственным считался этап, проводившийся в столице раз в три года. Кандидаты должны были написать сочинения, цитируя по памяти конфуцианские каноны, и сочинить стихотворение.

Ожидал ли он ответа на вопрос?

– Ваш слуга слышал, ваше превосходительство, что можно отвратить людей от этой зависимости.

– Мы пытаемся. Но это очень сомнительно. Император дал мне полномочия предпринять все необходимые шаги. Я казню контрабандистов. Какие еще проблемы могут возникнуть? – Он наблюдал за молодым человеком, видя его неловкость. – Отныне вы работаете на меня. Вы должны всегда говорить мне правду.

Шижун глубоко вдохнул:

– Я слышал, ваше превосходительство, хотя надеюсь, что это неправда, будто контрабандисты приплачивают местным чиновникам на побережье, чтобы те закрывали глаза на происходящее.

– Мы их поймем и накажем. Если нужно, казним.

– Ох! – Цзян начал понимать, что это будет нелегкое задание.

Отказаться от взяток самому – одно, а стать врагом у половины чиновников на побережье – это совсем другое. Это дурно скажется на его карьере.

– У вас не будет друзей, молодой человек, кроме меня и императора.

Шижун склонил голову и подумал: может, притвориться, что он внезапно заболел, поскольку именно так сделал бы любой другой юноша, который ждал бы своей очереди на чиновничий пост. Нет, он так не поступит.

– Ваш слуга очень польщен. – Затем, несмотря на холодный ужас, который разрастался внутри, любопытство подтолкнуло его задать еще один вопрос: – Как вы будете бороться с пиратами, ваше превосходительство? С заморскими варварами?

– Я пока не решил. Посмотрим, когда доберемся до побережья.

Шижун снова склонил голову:

– У меня есть одна просьба, господин эmissар. Могу ли я увидеть отца?

– Немедленно отправляйтесь к нему. Или похороните, или попрощаетесь. Ему будет приятно, что вы получили такой пост. Но вы не должны задерживаться у него. И хотя долг предписывает оставаться и оплакивать отца, придется немедленно отправиться на побережье. Считайте это приказом самого императора.

Шижун не знал, что и думать, пока они с Воном возвращались в дом господина Вэня. Он понимал лишь одно: нужно поспать и на рассвете снова отправиться в путь.

На следующее утро он с удивлением обнаружил, что Вон оседлал лошадей и готов ехать с ним.

– Он проводит вас до Чжэнчжоу, – сообщил господин Вэнь. – Вы должны постоянно практиковаться в кантонском.

Его старый учитель обо всем позаботился.

* * *

К вечеру Мэйлин охватил страх. Никто ей ничего не сказал. По крайней мере, пока. Она сделала все, что велела свекровь. Днем старшая женщина пошла к соседям, и Мэйлин перевела дух. Мужчины были в бамбуковой роще на холме. Ива отдыхала. Учитывая ее положение и богатство ее семьи, она могла себе это позволить. Мэйлин осталась наедине со своими мыслями.

Сохранит ли сестрица Ива ее секрет? Узнала ли свекровь про утренний визит Ню? Обычно мать мужа знала все. Возможно, ей уже уготовано какое-то наказание.

Еще Мэйлин волновалась из-за следующего утра и проклинала себя за глупость. Почему она пообещала Ню увидеться?

Разумеется, потому, что любит его. Он же ее младший братишка! Но что за дьявол в нее вселился? Она даже не поговорила с мужем, которого любила еще сильнее, чем братишку. А от Матушки и муж не защитит. По китайским традициям молодые жены не могут послушаться свекрови.

Лучше никуда не ходить. Мэйлин это знала. Ньо поймет. Но она же дала слово. Может, Мэйлин и бедная, но она гордилась тем, что никогда не нарушала обещаний. Может, все дело в том, что она и ее семья не пользовались уважением в деревне, а потому верность своему слову с самого детства была предметом гордости.

Как она вообще это делает? Даже если удастся ускользнуть из дому, каковы шансы вернуться так, чтобы никто не заметил ее отсутствия? Ничтожны. И что тогда? Ее неминуемо ждет самое ужасное наказание.

Хотя, может, один способ и есть. Один-единственный. В этом вся проблема.

Вечер начался нормально. Семья мужа владела лучшим домом в деревне. За главным двором располагалась большая центральная комната, где, как обычно, все они собрались. Напротив Мэйлин на широкой скамейке сидели Ива со своим мужем, Старшим Сыном. Несмотря на его поджарое тело и руки, все еще грязные после работы и слишком кряжистые, чтобы соответствовать утонченности Ивы, они оба не тушевались под взглядом его матери. Старший цедил хуанцзю¹³ и время от времени обращался к жене. Когда Ива встречалась взглядом с Мэйлин, то на ее лице не читалось ни следа вины, ни причастности. Повезло же Иве. Ее научили не выражать никаких эмоций.

Мэйлин сидела на скамейке рядом с Младшим Сыном. Наедине они обычно много болтали, но знали, что сейчас лучше помалкивать, иначе его мать заткнула бы их не терпящей возражений фразой: «Ты слишком много говоришь с женой». Но со своего места Матушка не могла видеть, что Мэйлин осторожно касалась руки мужа.

Односельчане считали его недалеким. Он был ниже брата, очень трудолюбивый и всегда казался довольным до такой степени, что вскоре получил прозвище Улыбаха, которое предполагало, что он несколько простодушен. Но Мэйлин знала мужа с другой стороны.

Конечно, он не был честолюбивым или умудренным опытом, иначе никогда не взял бы Мэйлин в жены. Но он был не глупее остальных. А еще добрый. Они женаты всего полгода, а Мэйлин уже влюбилась в него.

У нее не было возможности рассказать о Ньо с тех пор, как муж пришел. Мэйлин не сомневалась, что он будет умолять ее не ходить на встречу с братом, просто чтобы сохранить мир в семье. И как же ей поступить? Ускользнуть на рассвете, не предупредив мужа?

В дальнем конце большой комнаты старый господин Лун играл в маджонг¹⁴ с тремя соседями.

Господин Лун всегда был очень спокоен. В круглой шапочке, с небольшой седой бородкой и длинной тонкой косичкой, этот старик напоминал доброго мудреца. Теперь, когда подросли двое сыновей, он был доволен тем, что отошел от дел и оставил большую часть тяжелой работы им, хотя по-прежнему следил за полями и собирал ренту. Когда он ходил по деревне, то раздавал ребятишкам сладости, однако, если родители этих же ребятишек ему задолжали, выбивал то, что ему причиталось. Господин Лун был неразговорчив, но если начинал беседу, то обычно для того, чтобы дать понять, что он богаче и мудрее своих соседей.

– Один купец сказал мне, – заметил он, – что видел комплект для игры в маджонг из слоновой кости.

---

¹³ Хуанцзю (или «желтое вино») – китайский алкогольный напиток из зерен риса, проса или пшеницы.

¹⁴ Маджонг – китайская азартная игра с использованием игровых костей, рассчитанная на четырех игроков.

У него самого игральные кости были из бамбука. Бедняки обычно использовали бумажные карты.

– Ох, господин Лун, а вы не хотите купить комплект из слоновой кости? – вежливо поинтересовался один из соседей. – Смотрелось бы очень изысканно.

– Не исключено. Но я лично такого пока не видел.

Они продолжили партию. Его супруга молча наблюдала с соседнего стула. Ее волосы были туго зачесаны назад, подчеркивая высокие скулы, суровые глаза пристально смотрели на кости. Выражение лица, казалось, говорило: будь она на месте мужа, у нее получилось бы лучше.

Через некоторое время она повернулась к Мэйлин:

– Сегодня на улице видела твою мать. – Глаза сверкнули злобой. – С ней был паренек. Хакка. – Она помолчала, а потом добавила с неприязнью: – Да твоя мать и сама хакка.

– Моя бабка была хакка, – возразила Мэйлин, – а мать хакка лишь наполовину.

– Ты первая хакка в нашей семье, – холодно продолжила свекровь.

Мэйлин потупилась. Посыл был ясным. Свекровь намекала, что знает о визите Нью, и ждала признания. Должна ли она это сделать? Мэйлин знала: лучше сказать. Но крохотная искра бунтарства зародилась глубоко внутри, и Мэйлин промолчала. Свекровь продолжала буравить ее взглядом.

– Южный Китай населяет множество племен, – сообщил господин Лун, отрываясь от игры. – Ханьцы вторглись на юг и поработили их всех. Но хакка другие. Народ хакка – ветвь ханьцев. Они тоже пришли сюда с севера. У них свои обычаи, но они как бы двоюродные братья ханьцев.

Матушка промолчала. Она могла господствовать где угодно, но нельзя было спорить с главой семьи. По крайней мере, не на людях.

– Я тоже слышал такое, господин Лун, – поддакнул один из соседей.

– Хакка храбрые, – сказал господин Лун. – Они живут в больших круглых домах. Говорят, они смешивались с племенами из степи за Великой стеной, вроде маньчжуров. Вот почему даже богатые хакка не бинтуют ноги девочкам.

– По слухам, хакка очень независимые, – закивал сосед.

– От них столько проблем! – внезапно рявкнула Матушка, обращаясь к Мэйлин. – Этот Нью, которого ты называешь младшим братом, – возмутитель спокойствия. Преступник! – Она замолчала, чтобы перевести дух. – Он дальняя родня твоей матери. Тебе даже не родственник. В глазах ханьцев такое родство по женской линии вообще не считается!

– Матушка, я не думаю, что Нью нарушил закон, – тихо произнесла Мэйлин.

Она должна защищать Нью. Свекровь не удостоила ее ответом и обратилась к Младшему Сыну:

– Видишь, к чему это ведет? Брак – это тебе не игрушки. Вот почему невесту выбирают родители. Другая деревня, другой клан. Богатая девушка для богатого юноши, бедная девушка для бедного. Иначе одни только неприятности. Как говорится, двери в домах должны совпадать. Но нет! Ты ж у нас упрямец. Сваха нашла тебе отличную невесту. Ее семья была согласна. А ты отказался подчиниться отцу. Опозорил нас! А потом ты вдруг заявил, что хочешь жениться на ней. – Она уставилась на Мэйлин. – На этой красотке.

Красотка. Звучит почти как обвинение. Все крестьянские семьи, даже такие важные, как Луны, одобряли старую добрую поговорку: некрасивая жена – сокровище в семье. Богатый мужчина мог выбрать себе в наложницы красивую девушку. Но простой честный крестьянин хотел получить жену, которая будет много работать, заботиться о нем и его родителях. Под подозрением оказывались все симпатичные девушки. Они могут быть слишком тщеславными, чтобы работать. Хуже того, они могут стать объектом страсти других мужчин. В общем, одно-

сельчане пришли к выводу: поведение Младшего Сына в очередной раз доказывало, что он дурак.

– Она из другого клана, – доброжелательно заметил Младший Сын.

– Да? В нашей деревне всего пять кланов. Ты выбрал самый малочисленный клан и самую бедную семью. Мало того, ее бабушка-хакка была наложницей купца. Он вышвырнул ее, когда проезжал через соседний город. В итоге бабка закрутила с местным штукатурщиком, а родители твоей невесты должны были найти бедного крестьянина, чтобы тот дал их дочке крышу над головой. Пусть даже протекающую крышу.

Мэйлин склонила голову, выслушивая эту тираду. Это было неприятно, но она не устыдилась. В деревне нет секретов. Все это знали.

– А теперь, – заключила свекровь, – она хочет привести преступника в наш дом, а ты просто сидишь и лыбишься. Неудивительно, что люди считают тебя дурачком в нашей семье.

Мэйлин бросила взгляд на мужа. Он сидел тихо, не произнося ни слова, но на лице застыла столь знакомая ей спокойная, счастливая улыбка.

Это одна из причин, по которой окружающие считали его недалеким. Эта же улыбка сияла на его лице неделю за неделей, пока родители лютовали из-за его отказа жениться на выбранной ими девушке. Он улыбался даже тогда, когда они грозились вышвырнуть его из дому. И улыбка сработала. Он их измотал. Мэйлин знала это. Он их измотал, потому что, вопреки всем увещаниям, хотел на ней жениться.

– Вы удачно устроили судьбу старшего брата. Вот и радуйтесь, – спокойно и тихо произнес он.

Какое-то время мать молчала. Все понимали, что Ива будет идеальной парой для ее старшего сына, как только родит ему наследника. Но не раньше. Свекровь переключила внимание на Мэйлин:

– В один прекрасный день этого твоего Нью казнят. И чем раньше, тем лучше. Тебе нельзя с ним видеться. Поняла?

Все уставились на Мэйлин. Никто не подавал голоса.

– Маджонг! – спокойно сказал господин Лун и кинул все деньги на стол.

Именно Ива заметила фигуру на пороге и подала знак свекрови, и та с сыновьями и невестками тут же поднялись в знак уважения.

К ним в гости пожаловал старик. Лицо его было худым, а борода длинной и белой как снег. Глаза сузились от возраста, их уголки поползли вниз так, будто он засыпает. Но этот старик был старостой в их деревне.

Господин Лун тоже встал, чтобы поприветствовать посетителя:

– Большая честь для меня видеть вас здесь, господин староста.

Старику подали зеленый чай, и несколько минут они непринужденно болтали о бытовых мелочах, но затем старик обратился к хозяину:

– Вы обещали мне что-то показать, господин Лун.

– Это так! – Господин Лун поднялся и исчез в дверях.

В дальней части комнаты находилась ниша, занятая большим диваном, на котором вполне могли устроиться полулежа два человека. Женщины поставили перед диваном низкий столик. Когда они закончили, в дверях появился господин Лун, который нес свои трофеи, завернутые в отрез шелка. Он аккуратно развернул первую вещицу и передал старику, пока остальные трое соседей сгрудились вокруг них, чтобы поглазеть.

– Я купил это, когда ездил в Гуанчжоу в прошлом месяце, – пояснил господин Лун старосте. – В курильнях их делают из бамбука. Но эту я купил у торговца.

То была трубка для курения опиума: длинная ручка сделана из черного дерева, а чаша из бронзы. Вокруг участка под чашей, который называли в народе седлом, крепился обруч из

чистого серебра. Мундштук изготовлен из слоновой кости. Темная трубка слегка поблескивала. Собравшиеся принялись восторженно перешептываться.

– Надеюсь, эта трубка подойдет вам, господин староста, если мы сегодня вместе покурим, – сказал господин Лун. – Она для самых дорогих гостей.

– Наверняка, наверняка, – кивнул старик.

Тут господин Лун развернул вторую трубку, и все громко ахнули. Ее конструкция была более замысловатой: внутренняя бамбуковая трубка вставлена в медную трубку, покрытую кантонской эмалью, выкрашенной в зеленый цвет и испещренной синими, белыми и золотистыми узорами. Чашу покрыли красной глазурью и украсили крошечными изображениями летучих мышей, которые, по китайским поверьям, сулили счастье. Мундштук был изготовлен из белого нефрита.

– Выглядит очень... дорого, – озвучил старик мысли присутствующих.

– Если вы, господин староста, приляжете на диван, я подготовлю трубки, – сказал господин Лун.

Его слова прозвучали сигналом для соседей, что пора восвояси. Курение опиума было церемонией для избранных, на которую пригласили только старосту. Господин Лун принес лаковый поднос и поставил его на низкий столик, затем начал раскладывать все необходимое с таким старанием, с каким женщины готовятся к чайной церемонии: сначала небольшую латунную лампаду со стеклянным раструбом наверху, затем две иглы, пару плевателей, керамическое блюдце размером с чайное и маленькую стеклянную баночку с опиумом, рядом с которой положил крошечную костяную ложечку.

Взяв иглу, он сначала потыкал ею в чашу каждой трубки, желая удостовериться, что они совершенно чистые, потом зажег лампаду. Зажав костяную ложечку между большим и указательным пальцем, господин Лун зачерпнул немного опиума из баночки и положил на керамическое блюдце, после чего, помогая себе ложкой и иглой, аккуратно скатал опиум в шарик размером с горошину.

Теперь пора было разогревать опиумный шарик. Это требовало аккуратности и сноровки. Подцепив шарик кончиком иглы, господин Лун осторожно держал его над горящей лампадой. Прямо на глазах у старика маленький шарик опиума начал разбухать, цвет его менялся с темно-коричневого на янтарный.

Когда шарик приобрел золотистый оттенок, господин Лун поместил его в чашу трубки гостя. Старик лег головой к низкому столику и лампе. Господин Лун показал, как держать трубку достаточно близко к лампе, чтобы под воздействием тепла золотистый опиум внутри испарялся, но не слишком близко, иначе он сгорит. После того как старик справился с задачей, господин Лун принялся готовить опиум для себя.

– Вы знаете, господин староста, что опиум увеличивает половую мощь мужчины? – спросил он.

– Как интересно, – пробормотал старик. – О-о-о-очень интересно.

– Правда, ваша супруга умерла два года назад, – заметил хозяин.

– Ничего страшного, я могу взять себе другую жену, – ответил староста, и на его лице уже появилось выражение неземного блаженства.

Во дворе молча сидела вся семья господина Луна во главе с его женой. Непонятно было, одобряет она опиум или нет. Но поскольку это была демонстрация благосостояния их семьи, благодаря чему остальные жители деревни еще сильнее ее уважали и боялись, ей приходилось мириться с опиумом.

Младший Сын умотался в тот вечер, и Мэйлин даже думала, что муж уже спит, но тут он заговорил:

– Я знаю, что ты любишь Нью. Извини за маму.

Мэйлин накрыла волна облегчения, после чего она с жаром зашептала:

– Мне так плохо! Я обещала с ним увидеться. Но теперь, наверное, не смогу. Я никогда бы не сделала ничего, что тебя расстроило бы!

– Я не против вашей встречи с Нью. Это мама против. – Он обнял жену, по щекам которой струились слезы.

К тому времени, как Мэйлин перестала плакать, муж провалился в сон.

Ей казалось, что утром у нее все может получиться. И только когда она проснулась, выскользнула во двор и огляделась, то поняла, как поступить, поскольку, посмотрев за ворота в сторону пруда, увидела не легкую пелену, как накануне, а густой белый туман. Непроницаемый. Всепоглощающий. Словно боги ниспослали ей плащ-невидимку. Если вы по собственной глупости рискнете войти в такой туман, то наверняка тут же заблудитесь.

Так что у нее появился предлог. Она вышла за ворота и потерялась. Просто шла-шла по тропинке и сбилась с пути. Кто сможет доказать, где конкретно она была? Никто же ничего не увидит.

Мэйлин вернулась к себе. Любимый муж все еще крепко спал. Она хотела поцеловать его, но побоялась разбудить, а потому быстро натянула свободные штаны под блузу, сунула ноги в тряпичные тапочки, обмоталась платком и выскользнула из комнаты. Пересекая двор, она услышала, как на диване громко храпит деревенский староста. Очевидно, остался у них ночевать. Дверь в комнату Ивы была приоткрыта. Невестка подсматривает за ней? Мэйлин надеялась, что нет. Через пару минут она уже оказалась за воротами, где ее окутал туман.

Хорошо, что Мэйлин точно знала, где мостик, поскольку его не видела. Пошарив в воздухе пару раз рукой, она нащупала перила и начала переходить. В нос ударил запах тростника среди тины. Деревянные доски поскрипывали. Слышит ли ее кто-нибудь из домочадцев? На другом конце мостика она шагнула на тропинку и повернула направо. По обе стороны высились стебли бамбука. Мэйлин с трудом различала их очертания, но капли росы с листьев мягко падали на макушку, пока девушка пробиралась по изрезанной колеями тропе вдоль околицы. От земли исходил еле уловимый едкий запах. Даже не видя ничего толком, она знала, что идет мимо небольшой банановой рощицы.

И тут Мэйлин услышала звук. Тихий скрип за спиной. Кто-то перешел через мостик. Мэйлин пронзил страх. Ива видела, как она ушла, и пожаловалась свекрови? Мэйлин поспешила дальше, споткнулась о корень, едва не упала, но удержалась на ногах. Если она успеет добраться до места встречи раньше, чем ее поймает свекровь, то можно спрятаться с Нью в тумане. Она снова прислушалась. Тишина. Матушка или остановилась, или движется по ее следу.

Тропинка поднималась в гору, а наверху сливалась с грунтовой дорогой у въезда в деревню. Мэйлин добралась до дороги и увидела крошечный каменный алтарь с маленькой деревянной фигуркой внутри, хотя лично Мэйлин она всегда напоминал сморщенную старую обезьяну. Предок – основатель деревни должен был защищать свой клан и всех жителей в целом. Мэйлин попросила у него благословения, хотя и не была уверена, что получит его.

Именно здесь она договорилась встретиться с Нью. Мэйлин тихонько позвала его по имени.

Густой низкий туман скрывал рисовые поля позади Мэйлин и ручей, где жили утки, впереди слева, но она могла различить крыши хижин вдоль дороги, небольшой холм чуть подальше и два опоясывающих местность хребта Лазурного Дракона и Белого Тигра¹⁵ – так их называли жители деревни, – которые защищали деревню с каждой стороны.

---

¹⁵ *Лазурный Дракон и Белый Тигр* – два из четырех мифологических существ в китайской астрономии, каждое существо представляет одну сторону света, Дракон и Тигр представляют соответственно восток и запад.

Обычно деревня была приятным местечком. Летом с моря дул прохладный бриз, зимой низкое солнце дарило свое мягкое тепло. По фэншуй место считалось благоприятным. Но если Матушка поймает ее, то деревня станет одним из восемнадцати уровней ада. Мэйлин с тревогой всматривалась в туман. Здесь ждать нельзя.

Она снова позвала Ньо по имени. Ничего. Остается только одно. Если он все-таки придет, то она не пропустит его на узкой дорожке даже в таком густом тумане. Бормоча себе под нос проклятия, Мэйлин поспешила в деревню.

Дом ее родителей был ничем не примечательным. Никакого переднего дворика с воротами, выходящими на улицу, как у соседей. Фасад дома был обшит разномастными досками, а в него встроена дверь, которую много лет назад сняли с соседского дома, причем повесили не совсем вертикально, а потому казалось, что она не открывается в темную комнату, а, скорее, норовит туда упасть. Второй этаж отсутствовал, но родители могли подняться по лестнице на низкий чердак, где они спали.

Мэйлин подошла к шаткой деревянной двери и распахнула ее.

– Ньо! – с жаром прошептала она.

В тени комнаты что-то зашуршало, и раздался его голос:

– Сестрица! Это ты!

– Ну разумеется, это я, а тебя где черти носили?

– Я решил, что ты не придешь.

– Я же обещала!

– Дочка! – Сверху над лестницей показалась голова отца. – Домой иди. Домой! Тебе нельзя здесь находиться.

Оттуда же зазвучал и голос матери:

– Тебе нужно возвращаться. Быстрее!

Это все, что Мэйлин нужно было услышать. Она закрыла за собой дверь, строго наказав родителям:

– Если кто спросит, меня тут не было!

Позади дома располагался небольшой дворик. Мэйлин направилась туда. Ньо поднялся и на ходу натягивал рубаху. Он присоединился к ней, растрепанный и готовый заглядеть свою вину.

– Я не думал, что тебе удастся улизнуть, а тут еще этот туман...

Стоя посреди дворика в утренней дымке, Мэйлин с грустью посмотрела на него:

– Ты убежал из дому? Родные тебя ищут?

– Нет, я сказал отцу, что хочу повидаться со всеми вами. Он дал мне денег и подарок для твоих родителей. Я сказал, что задержусь у вас.

– Но ты не хочешь ехать. Дело в твоей мачехе? Она плохо к тебе относится?

– Нет. Она нормальная.

– Слышала, у тебя теперь есть младшие братишка и сестренка. Ты их любишь?

– Они... нормальные. – Он смешался, а потом выпалил: – Со мной там обращаются как с ребенком!

– Ньо, мы всегда остаемся детьми для наших родителей, – мягко сказала Мэйлин, но видела, что ее слова не возымели действия. Наверное, между ними произошла какая-то ссора или его как-то унизили, но Ньо не рассказывает. – И куда поедешь?

– В большой город. В Гуанчжоу. – Он улыбнулся. – Ты же научила меня кантонскому.

Гуанчжоу, крупный порт, который иностранцы называли Кантоном, располагался на Чжуцзян, Жемчужной реке. Когда Ньо впервые оказался там еще маленьким мальчиком, то говорил только на диалекте хакка родной деревни. Никто не понимал ни слова. У Мэйлин ушли месяцы, чтобы научить его кантонскому диалекту, то есть деревенской версии кантонского диалекта, на котором общались в большом городе; ну, по крайней мере, это наречие

понимают. При мысли, что братишка будет один-одинешенек бродить по огромному порту, Мэйлин испугалась.

– Ньо, ты же никого там не знаешь. Ты потеряешься. Не уезжай! – взмолилась она. – В любом случае что тебе там делать?

– Я найду работу. Может, стану контрабандистом. Заработаю кучу денег.

Вдоль береговой линии Жемчужной реки активно промышляли незаконными перевозками самых разных товаров. Но это же опасно!

– Ты не знаешь никого из контрабандистов, – твердым голосом возразила Мэйлин. – Они все члены триад. Если их поймают, то казнят.

Вообще-то, она ничего толком не знала про триады, но много слышала.

– У меня есть знакомства. – Он слегка улыбнулся, будто хранил какую-то тайну.

– Нет у тебя таких знакомств!

Могли ли они быть? Ей хотелось выкинуть эту мысль из головы немедленно. Если бы не одна вещь. Вчера вечером Матушка назвала Ньо преступником. И говорила об этом со всей уверенностью. Предположительно, Ньо дал всем понять, что сбежал. Довольно глупо. Теперь же Мэйлин размышляла, кроется ли за его словами что-то большее, какие-то обрывочные сведения порочащего толка, которые долетели до свекрови?

Мэйлин уставилась на него. Скорее всего, он просто хочет придать своим словам загадочности и важности. Но эта мысль не успокоила. Он знает кого-то из контрабандистов? Такое возможно. Его заманили в триаду? Пообещали, что он станет героем и разбогатеет? У Мэйлин появилось ужасное чувство, что Ньо подвергает себя опасности.

– Ньо, ты должен рассказать мне, – настаивала Мэйлин. – Ты сделал что-то плохое, отчего в деревне начались пересуды?

Он замялся. У Мэйлин упало сердце.

– Я слегка поспорил, – ответил он. – Но я был прав.

– С кем?

– Да так, кое с кем...

– И о чем?!

Пару минут он не отвечал, а затем внезапно затараторил:

– Ханьцы не такие смелые, как хакка. Если бы были смелыми, то не позволили бы маньчжурам поработить себя!

– О чем ты?

– Маньчжурские императоры заставляют всех носить косы. В знак подчинения. Маньчжурские кланы живут себе припеваючи, а ханьцы за них пашут. Позор!

Мэйлин посмотрела на него в ужасе. Он захотел под арест? А потом ей пришла на ум страшная мысль.

– Ньо, ты вступил в ряды «Белого лотоса»?!¹⁶

Мужчина мог вступить во множество обществ, от уважаемых городских советов до преступных банд головорезов. Так было по всему Китаю. Ученые собирались вместе и читали стихи, обращаясь к луне. Богатые купцы создавали городские гильдии и строили похожие на дворцы здания для проведения собраний. Ремесленники объединялись для взаимопомощи.

А еще существовали тайные общества, подобные «Белому лотосу». Очень многочисленные. Никогда не знаешь, кто был их членом и чем они могли заниматься. Безропотный крестьянин или улыбающийся лавочник, с которыми ты встречаешься днем, мог надевать совсем другую личину после наступления темноты. Члены «Белого лотоса» могли поджечь дом кор-

---

¹⁶ «Белый лотос» – тайная буддийская секта; возникла еще в начале XII в., а в момент описываемых событий вела активную деятельность против правящей династии Цин.

румпированного чиновника. Иногда они убивали. Мэйлин часто слышала от окружающих, что в один прекрасный день «Белый лотос» свергнет маньчжурского императора.

Мог ли братишка связаться с такими людьми? Он такой упрямец и всегда был одержим собственными безумными идеями о справедливости, даже в детстве. Вот откуда у него шрам на лице. Да, подумала Мэйлин, это возможно.

– Ничего подобного, сестрица, – широко улыбнулся Ньо. – Но даже если бы я вступил в ряды «Белого лотоса», то не сказал бы тебе.

Мэйлин раздвоилась: одна половина хотела хорошенько встряхнуть его, а вторая – обнять, прижать к себе и защитить.

– Ох, Ньо! Еще поговорим об этом в ближайшее время.

Ей каким-то образом нужно найти способ побыть с ним, заставить его прислушаться к голосу разума. Мэйлин не знала как, но была уверена, что должна это сделать.

– Я сегодня уезжаю! – заявил Ньо с торжеством.

– Нельзя так! – воскликнула Мэйлин. – Остайся на пару дней. Разве ты не хочешь со мной пообщаться? Обещай, что не уедешь!

– Ну ладно, – нехотя согласился Ньо.

Он вроде как собирался еще что-то добавить, но тут за их спинами появился отец Мэйлин. Он выглядел испуганным.

– Кто-то под дверью! – сообщил он.

– Скажи, что меня нет, – прошептала она. Это Матушка, не иначе. – Быстрее! – взмолилась она, но отец не двигался. Как и все остальные, он боялся ее свекрови. – Папочка, прошу тебя!

Но было слишком поздно. Покосившаяся дверь распахнулась, и за ней в тумане стояла чья-то фигура. Человек переступил через порог. А потом Мэйлин, к своей радости, увидела, что это ее муж.

Разумеется, придется уйти с ним. Он тут же заявил:

– Я догадался, что ты здесь. Но нам пора возвращаться.

– Я слышала тебя на мосту. Решила, что это Матушка. – Она обеспокоенно взглянула на него. – Ты на меня сердисься? – (Он покачал головой.) – И что ты скажешь, если Матушка нас хватится?

– Скажу, что вытащил тебя на прогулку.

– В тумане?

– Она ничего не сможет доказать. – Он улыбнулся. – И ничего не сможет сделать.

– Ты так добр ко мне!

Они прошли мимо алтаря и повернули на тропку.

– Мэйлин, знаешь, почему я вынудил их позволить мне взять тебя в жены? – внезапно спросил он. – Думаешь, все дело в том, что ты была самой красивой девушкой во всей деревне?

– Не знаю.

– Все потому, что я разглядел твой характер, прочитал по твоему лицу. Вот почему ты красивая. Вот почему я на тебе женился. Я знал, что ты попытаешься увидаться с младшим братишкой, чего бы это ни стоило. Потому что ты его любишь. Потому что ты хорошая. Я счастлив!

– А мне повезло, что у меня такой муж! – воскликнула Мэйлин и выложила ему все свои страхи в отношении Ньо.

– Плохо дело, – согласился он.

– Он такой упрямый, – объяснила Мэйлин. – Помнишь шрам у него на лице? Он заработал его еще в детстве. Один из мальчишек постарше позволил грубость по отношению к моему отцу. Сказал, что он нищий и тупой, а остальные ребята рассмеялись. И тут Ньо ринулся в

драку, хотя парень был вдвое крупнее. Ньо сбил его с ног, но тут его противник нащупал на земле какую-то деревяшку и наотмашь ударил Ньо по лицу. Шрам до сих пор виден.

– Смелый поступок.

– Да. Но если он считает себя правым, то все остальное вылетает из головы. Никогда не знаешь, что он выкинет в следующий момент.

– Вам будет трудно встать еще раз, – сказал Младший Сын. – Даже я вам тут не помощник. – Он просиял. – Но я могу поговорить с ним вместо тебя. Мне-то никто не запрещает. Может, он ко мне прислушается.

– Ты на самом деле поговоришь с ним?

– Сегодня же после обеда, если хочешь.

Она бросилась ему на шею. Вообще-то, нельзя проявлять чувства на людях, но в тумане их никто не видит. Они пошли дальше и почти добрались до мостика.

– Я хочу кое-что тебе сказать.

– Еще плохие новости?

– Хорошие. Ну... то есть я пока не уверена... – Мэйлин замялась. – Не совсем уверена...

Но думаю, ты скоро станешь отцом.

Его лицо расплылось в улыбке.

– Правда?

– Не могу обещать, что это будет сын...

– Мне плевать, если родится дочка, похожая на тебя!

– Почему ты всегда такой добрый? – Она, разумеется, не поверила мужу.

Ни одна семья в Китае не хотела рождения девочки. Все поздравляли с рождением мальчика, а если появлялся на свет младенец женского пола, то просто молчали или бормотали что-то типа «в следующий раз получится». Как-то она даже слышала, как один мужчина выразил сочувствие отцу новорожденной девочки: «Мне жаль, что вам так не повезло».

– Я ничего не имею против девочек. Если не будет девочек, то и детям неоткуда будет встаться. Это же очевидно. Не будет будущих матерей. Глупо, что все хотят мальчиков.

Она кивнула и призналась:

– Я всегда мечтала о малышке, но никогда никому не говорила, а то на меня рассердились бы.

Они взошли на мостик. Туман рассеивался, видны были перила и серая вода внизу.

Когда они вернулись домой, староста еще не ушел, но более или менее проснулся и теперь, развалившись на большом диване, пил чай. Их встретила Матушка. Она стояла в проходе, гневно уставившись на сына и невестку, а потом обратилась к Мэйлин:

– Где тебя носило? – Такое впечатление, что она готова была взорваться от гнева.

– Я гуляла с мужем, – кротко произнесла Мэйлин.

– В тумане? Лгунья!

– Нам нужно кое-что обсудить, – сказал Младший Сын, дождался, пока мать не переведет на него полный злости взгляд, и чуть помолчал. – У моей жены будет ребенок.

Они оба смотрели, как та с подозрением прищурилась. Она им поверила? Если это неправда, то ее выставят полной дурой. А это очень опасная затея. Но если это правда...

Матушка перевела взгляд на Мэйлин, а потом раздался ее голос, в котором сквозила пугающая холодность:

– Удостоверься, Мэйлин, что это мальчик.

Младший Сын вернулся только под вечер. Он ездил в соседнюю деревню по делам. Туман рассеялся несколько часов назад, и теперь деревенька, рисовые поля, пруд для уток и хребты, защищавшие их с обеих сторон, купались в лучах полуденного солнца.

Из-под широкой соломенной шляпы, которую Младший Сын надел для защиты от солнца, сверкала улыбка. С того туманного рассвета все шло просто чудесно. И теперь осталось выполнить только одно задание, чтобы идеально завершить, как ему казалось, возможно, один из лучших дней в его жизни.

Ему нужно осчастливить жену, уговорив этого юного дурня не сбегать в большой город и не ввязываться в неприятности. Это будет непросто. Но он не боялся сложностей. При мысли о том, как лицо Мэйлин озарится от радости, если он справится со своей миссией, Младший Сын с легкой душой пустился в путь. Всю дорогу он репетировал мудрые увещевания.

Проходя мимо маленького алтаря у входа в деревню, он потянулся через плечо, чтобы стряхнуть пыль со своей косички, затем одернул куртку. Ему следует сохранять спокойную властность, которая должна исходить от него сегодня. Идя по переулку, он вежливо поприветствовал нескольких жителей деревни, следя за тем, чтобы они с уважением отвечали на приветствия.

Младший Сын подошел к дому родителей Мэйлин и постучался. Дверь тут же открыл ее отец и поклонился низко и почему-то встревоженно.

– Я пришел увидеться с этим юношей, Нью, – объяснил Младший Сын. – Мэйлин просила поговорить с ним.

– Ох! – Тесть выглядел огорченным. – Мне очень жаль. Очень-очень. – Он снова склонил голову. – Нью тут нет.

– Он скоро вернется?

– Он уехал еще до полудня. – Теперь отец Мэйлин качал головой. – Уехал в большой город. Не вернется. – Он с грустью взглянул на зятя. – Думаю, возможно, мы его больше никогда не увидим.

* * *

Красное солнце висело в вечернем небе. Опираясь на палку из черного дерева, старый господин Цзян смотрел, стоя у старинного родового особняка, вниз, где у подножия склона раскинулась долина, по которой протекала Хуанхэ, Желтая река, шириной почти милю, напоминавшая огромный золотой поток лавы.

Желтая река. Ее воды были чистыми у истока. Но затем река текла через регион, куда в течение многих лет ветры из пустыни Гоби приносили песчаную почву, известную как лёсс, в результате чего образовалось обширное оранжево-коричневое плато и воды реки, перемешиваясь с песком, приобретали желтый цвет. Здесь, в провинции Хэнань, в самом сердце старого Китая, вода все еще оставалась желтой и была такой еще сотни миль на пути к морю.

Четыре тысячи лет назад легендарный император Юй научил свой народ, как управлять могучей рекой, углублять русло и орошать землю. Это было истинным началом величия Китая, подумал старик.

Конечно, как и во всем, нужна бдительность. Дело в том, что из-за огромных отложений ила Хуанхэ постоянно образовывала новое русло. Невооруженным глазом это незаметно, потому что с сезонным подъемом и спадом уровня воды с обеих сторон образовывались новые берега. Фактически поток сейчас был выше, чем окружающая местность. Каждые десять лет требовалось углублять дно и поддерживать реку. Очередные работы предстояли через пару лет.

Но его уже не будет, подумал старик и улыбнулся.

Он радовался, что в последний вечер жизни – по крайней мере, в этом воплощении – так красиво.

План весьма прост. Он дождется темноты и, когда все в доме уснут, примет яд. Яд спрятан в спальне в миниатюрной коробочке, которую только он умеет открывать. Отравляющее вещество подобрано со всей тщательностью. Смерть должна выглядеть естественно.

Старик облегчит жизнь своей сестре и сыну Шижуну. В пятидесяти футах позади виднелись узкие ворота семейного особняка с изящно изогнутой, расширявшейся книзу черепичной крышей в традиционном стиле. Казалось, ворота готовы распахнуться и впустить нового наследника в охраняемые ими внутренние дворы. Чуть выше на холме деревянные крестьянские хижинки жались друг к другу вдоль дороги, ведущей к ущелью мимо небольших пещер на склоне холма – одни использовались как склады, другие как жилища. Затем дорога переходила в более крутую тропу, наподобие лестницы, и поднималась к высокому хребту, где среди деревьев стоял маленький буддийский храм, а потом подходила прямо к краю обрыва.

Господин Цзян повернулся на запад взглянуть на солнце, прятавшееся за холмами, и пожалел лишь об одном. Хотел бы я уметь летать, подумал старик. Хотя бы один разок. Этим вечером.

До великого Тибетского плато, той огромной Крыши Мира, окаймленной Гималаями, над которой сейчас, казалось, парило солнце, больше тысячи миль. Это место ближе к вечно синим небесам, чем какое-либо на Земле. Там, на небесных высотах, брали начало величайшие реки Азии: Ганг, Инд, Иравади, Брахмапутра и Меконг, текущие на юг, а на восток несли свои воды две могучие реки Китая: Янцзы, делающая огромную петлю по долинам и рисовым полям Южного Китая, и Желтая река, ползущая, как огромная змея, по засаженным зерном равнинам в центре и на севере.

Тибетское плато – тихий край замерзших озер и ледников, бесконечная равнина на месте стыка небосвода и воды, откуда произошла вся жизнь.

Однажды, еще в юности, он был там. Ах, как хотелось снова оказаться там! Он завидовал красному солнцу, которое могло видеть плато каждый день. Он кивнул самому себе. Сегодня вечером, подумал старик, погружаясь в смертельный сон, он будет держать в памяти только это плато.

Сестра сидела за маленьким столиком. Она все еще была красива, несмотря на седину. Поскольку его жена и дочь покинули этот мир, то старику повезло, что сестра могла составить ему общество.

Перед сестрой на столе лежала груда бирок для гадания по «Ицзину»¹⁷. Не поднимая головы, женщина проговорила:

– Я знаю про яд.

Старик нахмурился:

– Это «Ицзин» тебе сказал?

– Нет, я открыла коробочку.

Он ахнул и смиренно покивал. Сестра всегда была умной.

Их отец это понял еще тогда, когда сестра была маленькой. Он нанял учителя, чтобы тот учил их читать и писать, а вместе с ними и проявлявшего незаурядный талант крестьянского мальчика из деревни.

Тот мальчик стал уважаемым учителем в Чжэнчжоу, а его сын сдал экзамены на провинциальном уровне. Прекрасной чертой империи было то, что крестьяне могли подняться по карьерной лестнице до самых высоких должностей через экзаменационную систему кэцзюй, если кто-то помогал, оплачивая их учебу. Поддерживая того мальчика, отец, ревностный буддист, без сомнения, заработал хорошую карму.

---

¹⁷ «Ицзин» – знаменитый философский трактат, включенный в состав конфуцианского корпуса.

Сестра все схватывала на лету. Если бы девочкам разрешили сдавать имперские экзамены, подумал старик с иронией, она справилась бы гораздо лучше меня. Как бы то ни было, сестра стала одной из немногих грамотных женщин – таких в провинции можно по пальцам одной руки пересчитать, – которые пользовались большим уважением даже среди ученых.

– Ты почти ничего не ешь, брат, – сказала она, – и прячешь яд. Пожалуйста, скажи почему.

Он замялся, не желая говорить сестре. Ему хотелось угаснуть быстро и просто.

– Помнишь, как умирал наш отец? – тихо спросил он.

– А как такое забудешь?

– Мне кажется, у меня такое же состояние. В прошлом месяце, когда ездил в Чжэнчжоу, я ходил к аптекарю. По слухам, он лучший. Он обнаружил, что моя энергия ци¹⁸ крайне неуравновешенна. Поставил мне иголки. На какое-то время мне стало лучше, но с тех пор... – Он покачал головой. – Не хотелось бы страдать так, как отец. Чтобы за моими мучениями наблюдала ты или мой сын.

– Ты боишься смерти? – спросила сестра.

– В юности я посещал буддийский храм, а заодно изучал даосских мудрецов, но прежде всего стремился подчиняться заповедям Конфуция. Я размышлял о труде, семейном долге, о правильных поступках. В зрелом возрасте я все больше находил утешение в буддизме и чаще думал о том, что нас ждет после смерти, надеясь, что хорошо прожитая жизнь приведет к лучшему перевоплощению. Но по мере того как я старею, меня все больше тянет к вещам, у которых нет собственного имени, но которые мы называем Дао. Путь. – Он кивнул сам себе. – Я не стремлюсь ни к этой жизни, ни к следующей, но желаю подчиниться великому потоку всего сущего. – Старик добродушно посмотрел на сестру и добавил: – Кроме того, каждый неграмотный крестьянин знает, что мы продолжаемся в наших детях.

– Не принимай пока яд, – попросила сестра. – Возможно, сын приедет повидаться с тобой.

– Это «Ицзин» тебе сказал? – Он посмотрел на нее с подозрением; женщина кивнула, но старика не проведешь. – Ты написала ему. Ты знаешь, что он приедет?

– Приедет, если сможет. Он почтительный сын.

Старик кивнул и сел. Через пару минут он прикрыл глаза, а сестра уставилась на лежавшие перед ней гексаграммы «Ицзина».

Сгущались сумерки, когда тишину прервал старый слуга, ворвавшийся в дом с криком:

– Господин Цзян! Господин Цзян, ваш сын приехал!

Шижун упал на колени перед отцом и стукнулся лбом об пол. Коутоу¹⁹. Знак уважения к отцу и главе семьи. Как сильно исхудал старик! Однако появление сына и вести, которые он привез, казалось, вдохнули новую жизнь в господина Цзяна. Он с воодушевлением закивал, когда Шижун поделился своими надеждами на будущее.

– Это отлично! – согласился господин Цзян. – Я много слышал о князе Лине. Достойный человек. Незаурядный! – Он опять покивал. – Разумеется, тебе снова нужно участвовать в экзаменах, но ты прав, что воспользовался этой возможностью. Сам император...

– Он услышит обо мне только хорошее, – заверил отца Шижун.

– Приготовлю твое любимое кушанье, пока ты тут, – с улыбкой сказала тетя.

Из всей кухни провинции Хэнань Шижун с детства больше всего любил рыбу, а именно карпа из Желтой реки, приготовленного тремя способами: суп, жареное филе и карп в кисло-

---

¹⁸ По китайским представлениям, жизненная энергия ци пронизывает все тело; если ее недостаточно или же она неравномерно распределяется, человек заболевает.

¹⁹ *Коутоу* – церемониальный поклон. Полный ритуал выполняется на аудиенции у императора и состоит из трех коленопреклонений и девяти челобитий.

сладком соусе. Никто не умел готовить карпа лучше тети. Но подготовка была сложной и занимала три дня.

– Мне придется уехать уже утром, – пришлось признаться Шижуну.

Он заметил, что тетя поникла, как от удара, а отец напрягся. Но что ему оставалось делать?

– Нельзя заставлять князя Линя ждать! – воскликнул отец чуть хрипло, но быстро совладал со своими эмоциями. – Мне жаль, что тебе придется отправиться к южанам, сынок.

Шижун улыбнулся. Даже сейчас отец считал ханьцев, населявших берега Желтой реки и великие равнины, где выращивали зерно, единственными настоящими китайцами.

– Все еще недолюбливаешь жителей рисовых полей, отец?

– Эти люди думают только о деньгах, – презрительно процедил господин Цзян.

– Ты сказал, что князь Линь остановит варваров-контрабандистов, – встревожилась его тетя. – Значит ли это, что тебе придется выйти в море?

– Да, если прикажет князь Линь, – резко перебил отец и добавил: – Он, наверное, проголодался.

Пока тетя хлопотала на кухне, отец расспросил Шижуну про будущую миссию.

– Те контрабандисты – рыжеволосые варвары или другие бородатые дьяволы? – допытывался он.

– Я точно не знаю, – ответил Шижун. – Господин Вэнь сказал, что, по словам Линя, туда уже отправляли миссию. Еще, по слухам, они очень волосатые и у них не гнутся ноги, так что они все время падают.

– Это кажется маловероятным, – заметил господин Цзян. – Помнится, когда я был молод, ко двору деда нынешнего императора прибыло посольство. Я слышал подробности от служивших при дворе людей. Варвары приплыли на корабле из далекой западной страны. Их посол принес подарки, но отказался встать на колени и исполнить коутоу перед императором. Раньше такого не было. Император понимал, что перед ним невежественный и глупый человек, но все же подарил ему великолепный кусок нефрита, хотя посол явно не имел представления о его ценности. Затем варвар, желая произвести впечатление, показал товары из своей страны: часы, телескопы и какие-то неведомые приспособления. Император объяснил, что мы не нуждаемся в вещах, которые он привез, но был слишком вежлив, чтобы указать, что они хуже аналогичных вещей, уже подаренных посольствами из других западных стран. В конце концов варвар попросил разрешения его народу торговать с другими портами, а не только с Гуанчжоу, хотя остальные иностранные купцы вполне довольны тем, что им позволено, и выдвинул множество других глупых требований. Вздор! – Он покивал. – Возможно, контрабандисты, торгующие опиумом, приезжают из того же края.

– Я почти ничего не знаю о далеких странах за морями, – заметил Шижун.

– Никто не знает, – ответил отец. – Но так было не всегда. Примерно четыре столетия назад, во времена правления династии Мин, у нас имелся великолепный флот, который торговал со многими западными странами. Но это стало невыгодно. Теперь корабли приходят к нам. Империя такая огромная... Нет ничего такого, что мы не могли бы производить сами. Это варвары нуждаются в наших товарах, а не наоборот.

– Определенно, они хотят закупать у нас чай, – согласился Шижун. – А еще я слышал, что без достаточного количества нашего ревеня они умрут.

– Может, и так, – сказал отец и добавил: – Как я понимаю, тетя приготовила нам поесть.

Суп, пельмени со свининой, лапша с бараниной и овощами, посыпанная кориандром. Только теперь, когда в нос ударили насыщенные ароматы, Шижун понял, насколько проголодался. К радости тети, отец тоже положил себе немного еды, чтобы составить сыну компанию.

Во время еды Шижун осмелился спросить отца о здоровье.

– Я старею, мой мальчик, – ответил господин Цзян. – Это вполне ожидаемо. Но даже если вдруг я умру завтра, хотя этого не случится, то буду счастлив знать, что наш родовой особняк перейдет по наследству к достойному сыну.

– Умоляю, живи еще много лет, – отозвался Шижун. – Позволь мне показать тебе свои успехи и подарить тебе внуков.

Он заметил, что тетя с одобрением закивала при этих словах.

– Я постараюсь, – пообещал отец с улыбкой.

– Ему нужно есть побольше, – посетовала тетя, а Шижун с нежностью положил еще один пельмешек в тарелку отца.

В конце трапезы, видя, что отец устал, Шижун спросил, не нужно ли тому отдохнуть.

– Когда ты завтра уезжаешь? – поинтересовался господин Цзян. – На рассвете?

– Утром, но не на рассвете.

– Я пока не готов отправиться спать. Пожелай спокойной ночи тете. Она уже хочет прилечь, а мы с тобой немного побеседуем. Мне нужно кое-что тебе сказать.

После того как тетя отправилась к себе, пару минут они сидели молча, а потом господин Цзян заговорил:

– Твоя тетушка слишком волнуется. Но никто из нас не знает, когда мы умрем, и сейчас пришло время дать тебе мои последние наставления. – Он серьезно посмотрел на сына, и Шижун склонил голову. – Первое достаточно простое. Во всех действиях помни о заповедях Конфуция. Чти семью, императора и традиции. Несоблюдение этого правила приведет только к беспорядку.

– Я всегда стараюсь поступать именно так, отец, и впредь продолжу.

– Я никогда не сомневался. Но когда ты станешь старше, особенно если добьешься успеха в карьере, тебя ожидают на пути великие искушения. Возникнет соблазн брать взятки. Так делают почти все чиновники. Вот почему они уходят на покой с большим состоянием. Линь взятку не берет. Он редкое исключение, и я рад, что ты работаешь на него. Но когда искушение действительно возникает, не нужно поддаваться ему. Если ты честный и успешный, то и так сможешь разбогатеть. Обещаешь?

– Разумеется, папа. Обещаю.

– Остается еще кое-что. Это касается императора. – Отец замолчал. – Не забывай, что император Китая сидит в самом сердце мира и правит, обладая Небесным Мандатом²⁰. Да, на протяжении тысячелетий правящая династия время от времени менялась. Когда приходило время перемен, Небо всегда давало нам множество знамений. К тому времени, как последний император династии Мин повесился от отчаяния два столетия назад, всем стало ясно, что маньчжурская династия является ответом на наши нужды.

– Ну не всем, – не удержался и возразил сын.

– Остаются только сторонники династии Мин, бежавшие на Тайвань. Да повстанцы типа бандитов из «Белого лотоса»... – Отец пожал плечами. – Служа императору, сын мой, ты всегда должен помнить, что подчиняешься Небесному Мандату. И это подводит меня к последнему наставлению. Ты должен пообещать мне никогда не лгать императору.

– Ну разумеется, отец. С чего бы я стал лгать ему?

– Потому что многие именно так и поступают. Чиновникам предписано что-то сделать. Нужно отчитаться. Они хотят доставить удовольствие императору, получить повышение или, по крайней мере, избежать неприятностей. В итоге они говорят императору то, что он хочет услышать. Что-то идет не так, они не выполняют норму, и чиновники отправляют фальшивые отчеты. Это противоречит конфуцианскому принципу, и, если их поймают, император рассер-

---

²⁰ *Небесный Мандат* – основополагающий принцип китайского политического устройства. Император является заместителем Неба на земле, и именно Небо дарует правителю право на верховную власть.

дится даже сильнее, чем если бы они изначально сказали правду. Но они это делают. И так по всей империи. – Он вздохнул. – Это наш главный грех.

– Я на такое не пойду.

– Будь правдив просто ради правды. Тогда у тебя будет чистая совесть. Но даже это поможет. Если ты заработаешь репутацию честного чиновника, император будет знать, что тебе можно доверять, и станет продвигать по службе.

– Обещаю, отец.

– Тогда это все.

Шижун взглянул на отца. Неудивительно, что старик одобрил Линя. Оба они были честными людьми одного склада. Миссия наполнила Шижуна тайным страхом перед врагами, которые у него могут появиться. Бесполезно надеяться на какой-либо совет отца относительно того, как преодолеть опасный бюрократический лабиринт. Его отец все это время поддерживал Линя. Что ж, ему остается только надеяться на успех и одобрение императора.

Его отец устал. Он вдруг показался Шижуну дряхлым. Неужели Шижун в последний раз застал отца живым? Его переполняло чувство благодарности и привязанности к старику. А еще чувство вины. Он о многом спросил бы отца, будь у него такая возможность.

– Мы еще побеседуем утром, – пообещал старик и добавил: – Мне нужно кое-что показать тебе, перед тем как ты отправишься в путь.

Шижун проснулся рано. Отец, как он и ожидал, еще спал, а тетя хлопотала на кухне.

– А теперь расскажи, как на самом деле чувствует себя отец, – тихо попросил Шижун.

– Он считает, что болен. Возможно, он ошибается, но готовится умереть. Хочет уйти тихо и быстро. Ничего не ест.

– Чем я могу помочь?

– Ты не можешь вернуть ему жажду жизни. Никто больше не может.

– Но я хочу, чтобы он жил. Мне нужно, чтобы он жил.

– Тогда, может, ты и преуспеешь.

– А ты сама? Ты в порядке?

– Я прожила еще очень долго, – коротко ответила тетя.

Похоже, эта мысль не доставляла ей особого удовольствия.

Появившийся наконец господин Цзян пребывал в восхитительном настроении. Он немного поел вместе с ними, а потом поманил за собой Шижуна:

– Небольшое испытание.

Все детство Шижуна, с тех пор как отец начал обучать его, было полно «небольших испытаний»: диковинки, заумные высказывания, древние мелодии – головоломки, чтобы подразнить ум и научить Шижуна чему-то неожиданному. На самом деле эти испытания больше напоминали игры. И ни один визит домой не обходился без чего-то подобного.

Господин Цзян вытащил какой-то мешочек из ящика и высыпал содержимое на стол. Раздалось бряцание, и Шижун увидел небольшую кучку обломков костей и черепаховых панцирей.

– Когда в прошлом месяце я ездил в Чжэнчжоу, – сказал отец, – то делал покупки у аптекаря, и тут какой-то крестьянин принес это. – Он улыбнулся. – Хотел продать аптекарю, чтобы их стерли в порошок, а потом продавали снадобье за бешеные деньги. Наверное, это что-то магическое. У крестьянина поля где-то к северу от реки. Сказал, что находит эти кости в земле и там есть еще. Я так понимаю, крестьянин надеялся, что аптекарь сможет продать порошок из костей и заплатит, чтобы он принес еще. Но аптекарь не захотел ничего покупать, и я уговорил его продать кости мне.

– А зачем ты их купил, отец?

– Это твоя загадка. Ты мне скажи. Посмотри на них.

Сначала Шижун не видел ничего интересного. Просто обломки костей, перепачканные землей. Два фрагмента панциря, казалось, подходили друг к другу, однако когда он сложил их, то заметил крошечные царапинки на поверхности. Он искал и нашел другие отметины. Царапинки были очень аккуратными.

– На костях какие-то письмена. Выглядят немного примитивно.

– Можешь прочесть?

– Не особо.

– Это китайские иероглифы. Я не сомневаюсь. Вот смотри... – Отец ткнул пальцем. – Вот иероглиф «человек», вот «лошадь», а это, должно быть, «вода».

– Думаю, ты прав.

– Это образцы какого-то полностью оформленного письма древнейшего периода²¹. Полагаю, этим костям четыре тысячи лет, а то и больше.

Внезапно Шижуну пришла в голову великолепная идея.

– Ты должен купить еще таких костей, пап. Надо расшифровать их. Ты прославишься!

– То есть мне придется протянуть еще несколько лет? – хихикнул господин Цзян.

– Определенно! Ты должен увидеть, как я завоевал расположение императора, а сам прославиться среди всех ученых. Это твой долг перед предками, – хитро добавил он.

Отец посмотрел на Шижуну с нежностью. Любовь молодых всегда немного эгоистична. Иначе и быть не может. Но его тронула привязанность сына.

– Что ж, – пробормотал он без особой уверенности, – я попробую.

А теперь, как он знал, сыну пора ехать. Шижуну предстоял долгий путь сначала по долине реки до Кайфына, затем по древней дороге до могучей реки Янцзы в трехстах милях к югу. Оттуда еще семьсот миль вниз по течению до побережья. Шижуну повезет, если он доберется до места за пятьдесят дней.

Когда они прощались у ворот дома, Шижун взмолился:

– Пожалуйста, доживи до моего возвращения.

Отец в ответ приказал ему:

– Соблюдай мои заповеди!

Затем господин Цзян и его сестра смотрели вслед Шижуну, пока тот не скрылся из виду.

Через два часа после того, как Шижун уехал, его тетя села за свой письменный стол. Ее брат после короткой прогулки прилег отдохнуть, и теперь она вернулась к делу, которое занимало ее мысли несколько дней до прибытия племянника.

На столе перед ней на большом листе бумаги была изображена сетка гексаграмм. Как и много раз раньше, она попыталась расшифровать их послание.

В этом вся проблема с «Ицзином». Великая книга редко дает четкие ответы. Загадочные слова, пророческие выражения, тайны, которые предстоит разгадать. Все в руках толкователя. Иногда сообщение казалось ясным, но зачастую это не так. Было ли ее толкование относительно будущего племянника последовательным? Ей так казалось. Вот признаки опасности, но не близко. Вот предположения о смерти, неожиданной, но неизбежной. Смерть от воды.

Все так расплывчато.

Она ничего не сказала брату. Или Шижуну. А смысл?

---

²¹ Отсылка к истории обнаружения гадальных костей «цзягувэнь», когда в 1899 г. ректор Императорской академии наук Ван Ижун обратил внимание на снадобье «драконовы кости», которое продавали в аптеке.

* * *

Вечеринка в честь Трейдера проходила просто великолепно. Для начала ему вручили подарок.

– Мы не могли придумать, что тебе подарить, – сказали ему. – А потом кто-то предложил подарить тебе картину. Но какую именно? После дальнейших обсуждений мы решили, что раз ты такой потрясающе красивый парень, то лучше всего подарить тебе твой же портрет!

– Чтобы послать твоей даме сердца! – раздался чей-то голос.

– Надо бы сразу несколько, чтобы хватило для всех девиц, – присоединился еще кто-то. – Но мы не можем себе этого позволить!

– Так что держи! – с гордостью воскликнули друзья.

Разумеется, это была миниатюра. Портреты обычно дарят пожилым, чтобы повесить на стену после ухода на покой, а не молодым парням, у которых жизнь только начинается. Но тем не менее Треjder был горд. Они выбрали обычную овальную форму. Такие портреты нравятся дамам. Выполнен маслом, рама из слоновой кости. Портрет был написан с такой поразительной реалистичностью и богатством красок, что мог бы принадлежать кисти прославленного Эндрю Робертсона. Не принадлежал, но мог бы. Все сошлись во мнении, что с его бледным лицом и мрачной задумчивостью Треjder – Байрон китайской торговли.

– Помнишь того художника, которого мы наняли, чтобы сделать зарисовки всех нас для группового портрета? – спросили друзья. – Это был художник-миниатюрист. На самом деле он тогда все время рисовал исключительно тебя.

Треjder торжественно их поблагодарил. Он и правда был в восторге от подарка. Сказал, что будет хранить портрет всю жизнь в память о хороших днях, проведенных в их компании. Он мог бы и дальше разглагольствовать, но друзья перебили:

– Замолчи уже! Пришло время для песни.

Юный Кросби, маленький рыжеволосый шотландец, сел за рояль.

Он сочинил песню. Ну, если быть точным, в этом ему помогала вся остальная честная компания. Гарстин, Стэндиш, Суон, Джайлз, Хамфрис – балагуры из всех торговых домов. Разумеется, и Чарли Фарли.

Эрнест Рид улыбнулся и неторопливо затянулся сигарой. Американец был крепко сбитым обладателем коротко стриженных волос и густых каштановых усов. Двадцативосьмилетний молодой человек с мудростью сорокалетнего. Отличный гребец. Душа компании. А еще ловелас. Он взглянул на Джона Трейдера:

– Масштабные проводы, Треjder. Когда уезжаете?

– Через три дня.

– Тогда мы можем увидеться снова. Я собираюсь в Макао, перед тем как отправиться домой.

– Всегда рад хорошей компании, – ответил Джон.

Он не стал спрашивать американца, чем занимается его контора. Рид из тех людей, которые дозируют сведения о себе, рассказывая что-то, если только захочет и когда захочет.

– Значит, займетесь торговлей с Китаем, – продолжил Рид. – И как вы относитесь к торговле опиумом?

– Это лекарство. – Треjder пожал плечами. – В Англии настойку опия дают даже детям.

– А если кто-то чересчур увлекся опиумом... это его личные проблемы.

– Как с вином и крепким алкоголем. Их тоже прикажете запретить?

– Нет, – резонно заметил Рид. – Хотя, по слухам, пристрастие к опиуму сильнее. Факт остается фактом: китайский император этого не одобряет. Продажа или потребление опиума является незаконным в его владениях.

– Слава Богу, я не подпадаю под действие китайских законов! – Трейдер бросил быстрый взгляд на Рида. – Ваши соотечественники тоже приторговывают опиумом.

– О да, – ухмыльнулся Рид. – Рассел, Кушинг, Форбс, Делано – самые громкие имена в старом Бостоне. Но размах торговли Америки с Китаем – ничто по сравнению с вами, англичанами. – Он сделал еще одну затяжку. – Я слышал, вы вступили в партнерство.

– Да. Маленькая контора. «Одсток и сыновья». На самом деле ею управляют два брата. Один здесь, второй в Кантоне.

– Наслышан, – сказал Рид. – Успешные дельцы. Повезло вам, что есть деньги, которые можно инвестировать.

– Всего лишь небольшое наследство. Не более.

– И вы хотите побыстрее разбогатеть, – заметил Рид.

Джон Трейдер задумчиво кивнул и тихо ответил:

– Типа того.

Настал следующий день – воскресенье. Обычно по воскресеньям Чарли навещал тетюшку. Как правило, они ели в первой половине дня, а потом отправлялись на неторопливую прогулку, чтобы способствовать пищеварению. Иногда приходили гости, но сегодня собрались только члены семьи.

– Как прошла вчерашняя вечеринка? – спросила тетя Харриет.

– Все как ты и предвидела. Шуточки про Китай. Кросби пытался сочинить песню. Все подтрунивали над Джоном по поводу грядущего богатства.

– Но он и сейчас не беден, насколько я поняла, – заметила тетя Харриет.

– Он хочет большего. – Чарли доверительно посмотрел на тетюшку. – Он влюблен.

– Правда? В кого же?

– В Агнес Ломонд.

– Расскажи про эту Агнес Ломонд. Мы виделись только мельком.

– А нечего особо рассказывать. Не понимаю, что он в ней нашел.

– И когда все началось?

– В тот день, когда ее отец пригласил нас на ланч. Трейдера словно молния поразила. А через пару дней я узнал, что он наносил визит ее матери, а мне о своих планах и словом не обмолвился.

– Он нравится полковнику?

– Отнюдь. Полковник его терпеть не может. Но после того визита миссис Ломонд сочла Трейдера душкой. – Чарли помолчал. – Думаю, полковнику непросто. Агнес вполне привлекательная, но ничего особенного. Разумеется, благородных кровей, но не богата. Так что полковнику нужно проявлять осторожность. Отцам не хочется прослыть теми, кто дает от ворот поворот молодым людям. Это отпугнет других возможных женихов.

– Трейдер ухаживает за мисс Ломонд?

– Ну до этого еще не дошло. Ему разрешено навещать ее матушку и встречаться с Агнес. Полагаю, они видятся на других приемах. Но мне кажется, он намерен укрепить свои позиции, прежде чем двинуться дальше.

– Поэтому он едет в Китай, чтобы быстро сколотить состояние? А что будет в его отсутствие?

– Полковник будет рыскать по всей Британской империи в поисках более симпатичного ему молодого человека. – Чарли тихонько хихикнул. – Должно быть, он струхнул, потому что даже меня спросил, не заинтересован ли я.

– Тут я его понимаю. Они с твоим отцом дружны. Ты ему нравишься. Любая девушка была бы счастлива выйти за тебя. А ты заинтересован?

– Она не в моем вкусе.

– А известно ли, что сама мисс Ломонд думает обо всем этом?

– Не имею ни малейшего представления, – широко улыбнулся Чарли.

Опиум

Март 1839 года

Китайские моря. Теплая ночь. Легкий бриз. Масляные лужицы облаков на горизонте, а над ними среди звезд висит серебряная четвертинка луны.

Китайские моря могут быть коварными – ужасными во время муссонов. Но сегодня черная вода, гладкая, как лак, расходилась под носом клипера.

Груз, уложенный внизу в пятистах ящиках из мангового дерева, сто из которых принадлежало Трейдеру, что составляло большую часть его состояния, тоже был черным.

Опиум.

Джон Трейдер смотрел с палубы на воду с невозмутимым выражением лица, как у заправского картежника. Он сделал свой выбор. Обратного пути нет. Ему повезло, что Одстоки искали младшего партнера. Трейдер познакомился с младшим братом Бенджамином еще до того, как обратился к нему с предложением присоединиться к их делу. Он выбрал подходящий момент.

– Моему брату Талли уже пятьдесят, – сказал ему коренастый торговец. – Много лет он провел в Кантоне, теперь хочет вернуться к отцу в Лондон и работать с ним. – Он улыбнулся. – Такой выбор не по мне. Отец – сварливый старикан. Так что Талли нужен кто-то, чтобы освоить азы в Кантоне. Думаешь, ты подойдешь?

– Кажется, это именно то, что я искал, – ответил Трейдер.

– Мы хотели бы взять того, кто сможет внести свою долю в общее дело. – Бенджамин внимательно посмотрел на него.

– Возможно, мне это интересно. Зависит от условий.

– Там все не так, как в Калькутте, – предупредил Бенджамин. – Никакой тебе светской жизни. В Кантон допускают только мужчин. Во время торгового сезона им приходится торчать там неделями. Семьи селятся в Макао – неплохое местечко. Хороший климат. Как ты знаешь, там всем заправляют португальцы, но есть и английская община. Английская церковь и все такое. Кстати, там живет и представитель британского правительства. Сейчас этот пост занимает некто капитан Эллиот. Осмелюсь сказать, неплохой человек.

– И ты уйдешь на покой с целым состоянием, – весело добавил Трейдер.

На самом деле лучше пока скрывать тот факт, что он и сам надеется разбогатеть побыстрее.

– Если повезет. – Бенджамин Одсток задумчиво смотрел на него, пока Трейдер изучал табачные пятна на белом жилете собеседника. – В этом деле мужчине нужны предприимчивость и стальные нервы. Цены колеблются. Иногда наступает перенасыщение рынка.

– Императору не по душе торговля.

– Не беспокойся об этом. Спрос огромный и продолжает расти. – Бенджамин Одсток надул красные щеки. – Просто сохраняй хладнокровие. Не удивлюсь, – спокойно продолжил он, – если торговля опиумом будет продолжаться вечно.

Одстоки хорошо знали свое дело. Джон решил, что может доверять им.

Пробило полночь, когда они увидели впереди шхуну. Три огонька. Сигнал. Трейдер все еще был на палубе, рядом с капитаном.

– Думаю, это Макбрайд, – сказал капитан. – Он любит забирать здесь груз.

– Почему?

Склад находился на острове Линдин.

– Макбрайд предпочитает открытое море. – Мгновение спустя капитан отдал приказ: – Остановиться!

Когда они подошли ближе, шкипер поднял фонарь, чтобы они могли разглядеть его бородастое лицо.

– Это он, – подтвердил капитан.

Затем над водой раздался голос Макбрайда:

– На Линдине ничего не продается. Покупателей нет.

Треjder почувствовал, как бледнеет. К счастью, в темноте этого не видно.

– Он лжет? – спросил он у капитана. – Чтобы вынудить продать ему всю партию?

– Макбрайд – честный малый. Кроме того, он сам-то не покупает, а проворачивает комиссионные сделки.

Мой первый рейс, подумал Джон, и груз, в который я вложил все свое наследство, нельзя продать. Неужели все пропало?

– Я хочу попытать счастья на берегу! – крикнул Макбрайд. – Есть место еще для ста ящиков. Заинтересованы?

Джон вспомнил слова Бенджамина Одстока про стальные нервы. А еще ему нужна холодная голова. И предприимчивость. Но все же Треjder удивился, услышав собственный голос:

– Только если возьмете меня с собой и отвезете в Кантон, когда мы закончим.

Повисла пауза, а потом Макбрайд крикнул:

– Договорились!

На шхуне было двадцать человек – англичане, голландцы, ирландцы, пара скандинавов и четверо индийских ласкаров²². Им потребовалось меньше получаса, чтобы переправить сто ящиков с клипера в широкий трюм шхуны.

Тем временем Джон выяснил, что он не единственный пассажир, с радостью обнаружив на борту Рида, его знакомого из Калькутты.

– Я плыл себе в Макао, – объяснил американец, – и тут утром нарисовался Макбрайд. Когда я услышал, что он собирается сегодня к побережью, то сразу же спрыгнул с корабля и решил плыть с ним. – Он широко улыбнулся. – Рад провести время в вашей компании, Треjder. У нас тут еще миссионер на борту. – Рид ткнул пальцем в сторону, где какой-то человек спал в гамаке. – Голландец.

Теперь, когда груз разместили в трюме, Макбрайду не терпелось поскорее отплыть. Команда подсуетилась, и вот они уже снова отправились в путь.

– Если желаете, можете воспользоваться моей каютой, джентльмены, – предложил шкипер. – А если предпочитаете палубу, то в кормовой части есть одеяла. Я бы на вашем месте прикорнул.

Рид выбрал палубу. Джон последовал его примеру. Если вдруг что-то произойдет, не хотелось бы пропустить. Они прошли вперед и устроились. Там тихонько сидела или спала большая часть команды. Миссионер в гамаке, огромный тучный мужик, так и не проснулся. Время от времени его храп смешивался с еле слышным шуршанием ветра в оснастке. Джон сразу провалился в сон и не просыпался, пока в небе не забрезжил первый намек на рассвет. Рид уже не спал, задумчиво глядя на угасающие звезды.

– Доброе утро, – тихо произнес Джон. – Давно проснулись?

– Какое-то время назад. – Рид взглянул на Джона. – Груз, который вы переместили на шхуну, принадлежит вам?

---

²² Ласкары – матросы или ополченцы индийского происхождения, служащие по найму на британских кораблях.

- Частично. – Джон сел; локон темных волос свалился на лоб, и Треjder смахнул его.
- То есть вы сделали ставку на этот товар. Вы одалживали деньги?
- Не все.
- Рисковый парень. – Рид отстал с расспросами.
- Они поднялись и подошли туда, где у штурвала стоял шкипер.
- Все спокойно? – поинтересовался Рид.
- Сейчас нужно опасаться только пиратов, – ответил Макбрайд, а потом продолжил: – Если мы и впрямь встретимся с пиратами, то я дам вам пистолет и попрошу пустить его в ход.
- Я сумею выстрелить. – Рид достал сигару.
- Судя по виду, вы из тех, кто избородил все моря и океаны.
- Да, довелось по свету поскитаться.
- Если позволите спросить, что привело вас сюда, сэр?
- От жены сбежал. – Рид зажег сигару и молча сделал пару затяжек. – Я впервые занимаюсь контрабандой. – Он улыбнулся. – Раньше я никогда не совершал преступлений.
- Вы преступили только китайский закон, – заметил Макбрайд, – а это не считается.
- Хорошо. – Рид покосился на миссионера, который храпел еще громче, и спросил: – Скажите, а вы всегда возите с собой миссионера?
- Обычно да. Они говорят на местном наречии. Используем их как переводчиков.
- А они не возражают против... торговли?
- Сами все увидите, – улыбнулся Макбрайд.

Через час после рассвета показался берег – небольшой мыс к западу, который вскоре снова исчез. Затем ничего до середины утра, когда начала проступать береговая линия. Еще час спустя Треjder заметил приближающиеся к ним квадратные паруса. Он взглянул на Макбрайда и спросил:

– Пираты?

Шкипер покачал головой, передал на некоторое время штурвал Риду, а сам растолкал миссионера:

– Подъем, Ван Бускерк. У нас клиенты.

Треjder наблюдал за происходящим. Грузный голландец, стоило ему проснуться, начал двигаться с удивительной скоростью. Он вытащил из-под навеса две большие плетеные корзины и открыл их. В одной лежали книги в дешевом переплете, в другой – брошюры в цветных бумажных обложках. Затем он подошел к штурвалу.

– Библия? – спросил Рид.

– Евангелие, мистер Рид, и христианские трактаты. Конечно, на китайском. Напечатано в Макао.

– Чтобы обратить язычников?!

– На то уповаю.

– Станный способ обращать в свою веру, если можно так выразиться, с борта судна с опиумом.

– Если бы я мог проповедовать на берегу, сэр, без угрозы ареста, то не оказался бы здесь, – ответил здоровяк и посмотрел на шкипера. – Какой груз мы продадим в первую очередь?

Макбрайд указал на Трейдера, и голландец повернулся к Джону:

– Вы гарантируете, что груз – исключительно «патна» и «бенарес»? Никакой «мальвы»²³.

– Все надлежащим образом упаковано и скатано в шары, – заверил Джон. – Высший сорт.

---

²³ Ост-Индская компания производила опиум на двух фабриках в городах Патна и Газипур (в английской колониальной транскрипции – Бенарес); от этих географических названий получили свои названия и два основных сорта опиума «патна» и «бенарес». В районе плато Мальва существовал третий центр производства опиума, который не подчинялся Ост-Индской компании. Поступавший оттуда опиум так и назывался «мальва», но был намного хуже по качеству, зато существенно дешевле.

– Вы доверите мне обсуждение цен? – спросил миссионер, видя, что Джон колеблется. – Так будет лучше.

Треjder покосился на Макбрайда, и тот кивнул.

Странный парень этот огромный голландец, подумал Джон. Говорит на множестве языков. Бог знает сколько лет провел на Востоке, пытаясь обратить язычников из страны, в которую не мог попасть. А теперь, похоже, Джон должен вверить свое состояние в руки этого голландца.

– Ладно, – сказал он.

* * *

Контрабандисты приплыли на длинной, вытянутой неокрашенной лодке с квадратными парусами, на борту которой сидели тридцать или сорок гребцов, вооруженных ножами и абордажными саблями. Китайцы называли их лодки-драконы. С какой бы стороны ни дул ветер или даже в полный штиль лодка-дракон могла маневрировать на большой скорости, и ее было трудно поймать.

Не успели контрабандисты поравняться с ними, как невысокий, крепко сбитый босоногий парень, с косичкой, в хлопковых штанах до колен и расстегнутой рубашке, быстро поднялся на борт и направился напрямиком к Ван Бускерку.

Переговоры прошли на удивление быстро и велись на кантонском диалекте, на котором голландец, казалось, говорил бегло. Перекинувшись парой фраз, контрабандист вместе с Макбрайдом нырнул в трюм, выбрал ящик и поднял его на палубу. Взяв острый нож, он срезал мешковину вокруг деревянного ящика и вскрыл смоляную печать. Мгновение спустя ящик был открыт, и контрабандист начал продираться через слои упаковки, пока не добрался до верхнего слоя, где в двадцати отсеках лежали плотно завернутые в маковые листья шарики опиума, похожие на множество маленьких пушечных ядер.

Вытащив один шарик, парень соскреб лист, вытер нож о рубашку, вонзил кончик лезвия в твердый темный опиум, а затем облизал. Закрыв на мгновение глаза, он резко кивнул и повернулся к Ван Бускерку.

Менее чем через минуту, после быстрых переговоров, сделка была заключена.

– Пятьдесят ящиков по шестьсот серебряных долларов каждый, – объявил голландец.

– Я рассчитывал на тысячу, – сказал Джон.

– Не в этом году. Сначала он вообще предлагал пятьсот. Вы по-прежнему получите прибыль.

Они не успели договорить, а одни члены экипажа уже поспешно поднимали ящики на палубу, в то время как другие начали передавать их через борт команде лодки-дракона. Тем временем с лодки контрабандистов перегрузили сундук с серебром. Как только сундук оказался на палубе, китайский контрабандист принялся отсчитывать нужную сумму. Шкипер спокойно наблюдал, пока китаец выкладывал мешки с серебряными долларами и слитки серебра.

Однако Ван Бускерк, похоже, потерял всякий интерес к сделке. Он метнулся к плетеным корзинам, залез в первую попавшуюся и вытащил стопку книг.

– Помогите мне, господин Треjder! – крикнул он. – Это меньшее, что вы можете сделать для меня.

Треjder заколебался. Серебро все еще складывали на палубе. Но Рид услужливо подошел к другой корзине, набрал охапку брошюр и, зажав их подбородком, направился к борту судна. Там он бросил их в лодку контрабандистов, а голландец проделал то же самое со своими Евангелиями.

– Прочтите их! – велел голландец китайским гребцам на кантонском диалекте. – Несите Слово Божие!

Погрузка опиума продвигалась теперь с поразительной скоростью. Люди выстроились в живую цепочку, так что тяжелые ящики перетекали из трюма на палубу, а потом через борт плавно, как змея. К тому времени, как Ван Бускерк и Рид раздали еще по две охапки религиозной литературы, погрузку завершили, и китайский контрабандист собрался покинуть их судно.

– Попросите его подождать! – крикнул Треjder голландцу. – Я еще не проверил деньги!

Но Ван Бускерк и ухом не повел, контрабандист, к ужасу Трейдера, перемахнул через борт к себе на лодку, а его гребцы уже отталкивались веслами. Рид и капитан улыбались, пока миссионер спокойно закрывал плетеные корзины, прежде чем подойти к куче серебра.

– Думаете, он мог вас обсчитать? – спросил Ван Бускерк и слегка покачал головой. – Вы скоро узнаете, молодой человек, что китайцы таким не промышляют. Даже контрабандисты. Серебра ровно столько, сколько должно быть. Уверяю вас.

Складывая деньги в собственный сейф, Треjder обнаружил, что это действительно так.

Еще два часа они продолжали свой путь. День выдался прекрасный, и солнечные лучи весело скользили по морской глади. Джон с Ридом стояли у релинга. Несколько раз они видели, как над водой взмывают стаи летучих рыб.

Какое-то время они наслаждались видом, и тут американец негромко заметил:

– Я пытался понять, что вы за человек, Треjder. Вы кажетесь приятным юношей.

– Благодарю.

– Те, кто занимается этим бизнесом, обычно довольно суровые ребята. Я не утверждаю, что вы не можете быть суровым. Но вы кажетесь более рафинированным. Интересно, что же движет вами? Что-то, от чего вы бежите или, наоборот, к чему стремитесь? Я совершенно уверен, что вас что-то пожирает изнутри. И вот я задумался: не может ли тут быть замешана женщина?

– Может быть, – признался Джон.

– Тогда, должно быть, вы ввязались в торговлю опиумом из-за какой-то совсем еще юной особы, – с улыбкой сказал Рид.

Час спустя Макбрайд увидел медленно приближающееся судно с квадратными парусами и выругался.

– Военная джонка, – объяснил он. – Правительственный корабль. На борту официальные лица.

– Что они намерены предпринять?

– Зависит от обстоятельств. Они могут конфисковать груз. – Он взглянул на Трейдера и заметил, что тот побелел как мел. – Можем сдать и поплыть домой. Могу их обогнать. Или мы можем выйти в море и попробовать подплыть с другой стороны. Но возможно, они все еще будут ждать нас.

Джон молчал. Он сам вызвался в эту поездку, и как теперь прикажете объяснить новым партнерам потерю пятидесяти ящиков опиума? В любом случае он не мог позволить себе потерять их. Треjder повернулся к Риду. На этот раз опытный американец выглядел озадаченным.

К его удивлению, решение принял Ван Бускерк.

– Плыдем дальше, джентльмены, – спокойно распорядился он; его полное лицо оставалось бесстрастным. – Положитесь на меня. – Голландец обратился к шкиперу: – Макбрайд, когда мы приблизимся к ним, прошу вас пришвартоваться, чтобы чиновник мог подняться на борт. Еще будьте любезны, поставьте на палубу стол, два стула и на стол два бокала. Всем молчать, просто вежливо слушать, даже если вы понятия не имеете, что он говорит. Остальное беру на себя.

Треjder наблюдал за приближением военной джонки. Высокие деревянные борта, безусловно, производили впечатление. Мачты казались огромными, как и паруса из бамбуковых

циновок. Массивная корма раскрашена под китайскую маску. По обе стороны от носа корабля были нарисованы пристально смотревшие глаза. На загроможденной всяким хламом палубе пушки бросались в глаза.

На борт поднялся один-единственный чиновник-мандарин. Он прибыл в крошечной лодке, в которой сидел с невозмутимым видом. Это был человек средних лет, с длинными висячими усами, в небольшой черной шапочке. Поверх вышитого халата была надета куртка длиной три четверти, на груди красовался большой квадрат с обозначением ранга. Поднявшись на борт, он спокойно огляделся. Очевидно, китаец не боялся, что западные варвары применят к нему насилие. Чиновник вытащил какой-то свиток и начал зачитывать. Документ был написан на официальном мандаринском диалекте, который на слух странным образом напомнил Трейдеру птичьих трели.

– Что он говорит? – шепотом спросил Трейдер у Ван Бускерка.

– Что император печется о здоровье и безопасности своих подданных, а потому категорически запрещает продажу опиума. Если у нас на борту есть опиум, то его незамедлительно конфискуют и уничтожат.

– Ну вот и все, – поморщился Джон Трейдер.

– Терпение, – пробормотал голландец.

Когда мандарин закончил зачитывать высочайший указ, Ван Бускерк выступил вперед и низко поклонился. Указав на накрытый стол, он вежливо осведомился у китайца, не хочет ли тот присесть и немного побеседовать. Когда они сели, голландец вынул из-за пазухи серебряную фляжку и наполнил стоявшие перед ними бокалы темно-коричневой жидкостью.

– Мадера, джентльмены, – обратился он к зрителям. – Всегда вожу с собой.

Он церемонно чокнулся с китайцем, и некоторое время двое мужчин цедили напиток и вежливо о чем-то беседовали. В какой-то момент, как заметил Трейдер, миссионер выглядел обеспокоенным и, казалось, внимательно расспрашивал мандарина. Затем он жестом подозвал Трейдера.

– Господин Трейдер, мне придется попросить тысячу серебряных монет из вашего сейфа, – мягко распорядился он. – Макбрайд возместит вам свою долю позже.

– Позвольте поинтересоваться зачем...

– Просто принесите деньги, – велел голландец. – В мешке.

Через пару минут, передав мешок с серебром, Трейдер наблюдал, как голландец со всей почтительностью вручил его чиновнику. Тот взял подношение и, не пересчитывая, дабы не проявить неуважения, поднялся, чтобы уйти.

Только когда чиновник уже отплыл, Трейдер спросил:

– Вы только что подкупили правительственного чиновника?

– Это была не взятка, – ответил голландец, – а подарок.

– Что вы ему сказали?

– Правду, разумеется. Я объяснил, что, если он спросит вас, капитана или даже Рида, припрятан ли в трюме опиум, я полностью уверен, что вы скажете «нет». Он был достаточно вежлив, чтобы согласиться, что в этом случае вашего слова будет достаточно. Затем я сделал ему небольшой подарок. Он мог бы просить большего, но не стал.

– Тысяча серебряных монет – это мало?!

– Вы очень легко отделались. Желаете, чтобы я вернул его и мы обсудили бы произошедшее?

– Определенно, нет.

– Тогда мы можем плыть дальше. – Ван Бускерк кивнул Макбрайду, давая понять, что путь свободен.

– Вот и вся хваленая китайская нравственность, – скривился Трейдер.

– Спешу напомнить, господин Треjder, – тихо проговорил миссионер, – что наркотиком торгуете вы, а не он.

Вечером того же дня они достигли места встречи – небольшого острова с защищенной якорной стоянкой. Судно покупателей с парой красных флагов уже ждало их там. Половину изначального груза Макбрайд продал еще в Кантоне, за что получил оплату серебром, а сейчас надлежащим образом передавались аккредитивы. Но когда китайский торговец обнаружил, что у них есть еще сто ящиков плюс оставшиеся у Трейдера пятьдесят, то заплатил за них наличными.

К вечеру деловая часть поездки подошла к завершению. Оба судна бросили якорь, чтобы разойтись на рассвете. Тем временем китайский торговец с радостью согласился отобедать со своими новыми западными друзьями.

Обед вышел приятным: простая еда, пристойное вино. Ван Бускерк плеснул всем по чуть-чуть мадеры. Миссионер и китайский торговец общались по-кантонски, остальные переговаривались на английском. Однако в конце трапезы их ждал небольшой сюрприз.

– Джентльмены, – объявил миссионер, – вы более не нуждаетесь во мне, а наш китайский друг согласился подбросить меня вдоль побережья, пока он не вернется сюда, чтобы встретить очередной британский опиумный корабль, на котором я смогу вернуться. Во время моего путешествия в его компании, возможно, я даже смогу сойти на берег.

– Вы задумали опасную вещь, сэр, – нахмурился Макбрайд. – Обычно миссионеры не покидают наши суда. Если вас поймают, никто вас не защитит. Особенно на берегу.

– Я знаю, капитан. – Огромный голландец одарил его почти извиняющейся улыбкой. – Но я миссионер. – Он пожал плечами. – Я уповаю на защиту от... – Он указал на Небеса.

Остальные восприняли его слова в молчании.

– В добрый путь, преподобный, – сказал Рид после некоторой заминки. – Мне будет не хватать вас.

– Я отправлюсь на их судно со своим багажом сегодня же вечером, – сообщил Ван Бускерк, – чтобы не задерживать ваше отплытие утром.

Через четверть часа, повесив на плечо кожаную сумку с немногочисленными пожитками и заранее спустив плетеные корзины за борт, Ван Бускерк приготовился проститься с ними, но перед этим поманил Трейдера и прошел с ним на противоположный конец палубы, где их не могли подслушать.

– Господин Треjder, – заговорил здоровяк тихим мягким голосом, – вы позволите дать вам один совет?

– Разумеется.

– Я ошиваюсь тут уже много лет. Вы молоды, и вы хороший человек. Я это вижу. Я умоляю вас бросить этот бизнес. Возвращайтесь на родину или хотя бы в Индию, чтобы вести праведную жизнь. Если вы и дальше продолжите заниматься торговлей опиумом, господин Треjder, то есть опасность потерять свою бессмертную душу. – (Джон не отвечал.) – И вы должны знать еще кое-что. Когда сегодня я болтал с тем мандарином, он поделился новостями, которые подтвердили слухи, долетавшие до меня. – Голландец понизил голос до шепота. – Впереди неприятности. Бо-о-о-ольшие неприятности. – Миссионер медленно кивнул. – Если вы сейчас увязнете в торговле опиумом, то, боюсь, можете разориться. Так что мой совет вам как деловому человеку, пусть даже вас не заботит бессмертие души: хватайте деньги, которые вы тут заработали, и бегите.

– Бежать?

– Да. Спасайтесь бегством.

* * *

На следующее утро Мэйлин испытала новое для себя чувство. Ей велено было развесить во дворе выстиранное белье, и она уже развесила половину. Младший Сын смотрел на нее с любовью. Он только что приобрел щенка и сейчас играл с ним, сидя на скамейке под апельсиновым деревом посреди двора.

Солнце ярко сияло. За стеной справа колыхались на ветру бамбуковые листья. Слева за черепичной крышей виднелись рисовые поля на холме. Из кухни доносился аппетитный запах лепешек, приготовленных на открытом огне.

Но тут Младший Сын увидел, что его жена пошатнулась, словно вот-вот упадет в обморок, и с тревогой вскочил на ноги.

Мэйлин и сама толком не поняла, что с ней. Тошнота накатила так внезапно. Испугав попавшегося по дороге цыпленка, она доплелась до апельсинового дерева и схватилась за ветку, чтобы не упасть.

Как назло, именно в этот момент свекровь решила выплыть во двор.

– Ах ты, негодная девчонка! – закричала она. – Ты почему бросила вешать белье?

Но Мэйлин ничего не могла с собой поделать. Муж даже не успел ее поддержать, как Мэйлин согнулась пополам и ее вырвало. Свекровь подошла и пристально посмотрела на нее, а потом, к удивлению Мэйлин, заговорила с ней ласково:

– Пойдем. – Она отпихнула сына и взяла Мэйлин под локоть. – Быстрее, быстрее. – Она проводила Мэйлин в ее спальню. – Присядь. Тут прохладно.

Мэйлин слышала, как муж спрашивает, что происходит, а его мать довольно резко велит ему заняться делом. Мэйлин села на деревянный стул, размышляя, уж не вытошнит ли ее снова, а тем временем свекровь сбегала на кухню и через пару мгновений вернулась с чашкой имбирного чая.

– Выпей немного прямо сейчас. Чуть позже поешь.

– Простите, – промямлила Мэйлин. – Я не знаю, что со мной такое.

– Не знаешь? – удивилась свекровь. – Это утренняя тошнота. Иве повезло. У нее такого не было, а у меня каждый раз. В этом нет ничего плохого, – приободрила она невестку. – У тебя родится замечательный сын.

На следующий день Мэйлин снова тошнило. И через день тоже. Когда она спросила у свекрови, сколько, по ее мнению, будет продолжаться такое состояние, та ответила уклончиво:

– Может, и не очень долго.

Доказательство того, что в чреве невестки всюю растет маленькая жизнь, и воспоминания о собственных страданиях от утреннего недомогания сделали свекровь добрее. Она настойчиво отправляла Мэйлин отдыхать всякий раз, когда та чувствовала тошноту, и частенько болтала с ней, как никогда раньше. Естественно, речь шла о будущем ребенке.

– Он родится в год Свиньи, – сообщила свекровь. – Стихия Земли. Земляная Свинья – неплохой год.

Уже в три года Мэйлин могла наизусть перечислить по порядку животных, которые в китайском гороскопе обозначают годы: Дракон, Змея, Лошадь, Коза... Всего их было двенадцать, так что животные повторялись раз в двенадцать лет. Но это еще не все. Полагалось добавить к названию животного еще одну из пяти стихий: Дерево, Огонь, Земля, Металл и Вода. В итоге полный цикл китайского гороскопа с учетом стихий составлял шестьдесят лет.

Все дети знали, что характер зависит от года рождения. Одни тотемные животные хорошие, а другие не очень.

Огненная Лошадь не сулит ничего хорошего. Мужчины, рожденные в год Огненной Лошади, доставляют неприятности своим семьям. Иногда крупные неприятности. Если у вас

родилась девочка в год Огненной Лошади, никто не возьмет ее замуж. Китайцы старались вообще не заводить детей в этот год.

Мэйлин имела общее представление о таких сложных вещах, а вот свекровь была экспертом.

– Стихия Земли усиливает Свинью, – объясняла она. – Говорят, рожденные в год Свиньи толстые и ленивые, но не всегда. Те, кто появился на свет в год Земляной Свиньи, трудолюбивы и заботятся о женах.

– Он вырастет обжорой? – спросила Мэйлин.

– Нет, но он будет есть все подряд, – рассмеялась свекровь. – Повезет его жене. Не нужно готовить особо хорошо. Если она ошибется, то он ее простит. Окружающие будут его любить и доверять ему.

– Говорят, те, кто родился в год Земляной Свиньи, не особо смышленные, – с легкой грустью заметила Мэйлин.

– Да тут это особо и не нужно, – возразила свекровь. – У таких людей есть еще одна черта, – продолжила она. – Они боятся, что их поднимут на смех, потому что они глуповатые и доверчивые. Тебе нужно будет всегда его поддерживать, чтобы он ощущал себя счастливым, тогда он будет хорошо работать.

На следующий день Мэйлин осмелилась задать вопрос:

– Матушка, а что, если родится девочка? Какой она вырастет?

Однако свекровь такая возможность не особо интересовала.

– Не волнуйся. Я ходила к гадалею. Сначала ты родишь сыновей. Дочь появится позже.

Мэйлин толком и не понимала, радоваться такой новости или горевать. Но она посмотрела на свою невестку, ставшую уже просто огромной, и ей пришло на ум, что если у Ивы, как и ожидалось, родится мальчик, а у нее девочка, то дружелюбию, которое выказывала ей Матушка, внезапно наступит конец.

Однажды днем неожиданно для Мэйлин ее навестил отец, который обычно не заглядывал к Лунам. Но когда служанка пришла сказать, что он у ворот и хотел бы поговорить с дочерью, свекровь не просто разрешила Мэйлин выйти к нему, но добавила:

– Пригласи его внутрь, если он пожелает.

Отец робко топтался у маленького деревянного мостика в сопровождении парня, которого Мэйлин никогда раньше не видела.

– Это друг Нью, – объяснил отец. – Привез весточку от него, но мне не передает. Только тебе. – Он отошел назад.

Мэйлин посмотрела на парня: лет двадцать пять, худощавый, красивый. Он улыбался. Но что-то в нем ей не понравилось.

– Ты кто такой? – спросила она.

– Мое прозвище Морской Дракон. Я знакомый твоего братишки. Поскольку я отправился в ваши края, он передал мне на словах послание для тебя. Хочет, чтобы ты знала, что с ним все в порядке.

– Он сейчас в большом городе? В Гуанчжоу?

– Поблизости от Гуанчжоу.

– А чем он занимается?

– Ему хорошо платят. В один прекрасный день он даже, возможно, разбогатеет. – Парень снова улыбнулся. – Передал, что не хочет, чтобы ты называла его братишкой. Теперь зови его Двоюродным Братом из Гуанчжоу.

У Мэйлин упало сердце. Братишка намекает, что стал другим человеком? Он присоединился к триаде?

– Он имеет дело с оружием? – нервно спросила Мэйлин.

– Не волнуйся. Он вооружен кинжалом и саблей. – Морской Дракон неверно истолковал ее вопрос. – И отлично управляется с ножами. – Парень рассмеялся.

– Он работает на суше или в море?

– В море.

Отец снова подошел к ним:

– Нам пора.

Мэйлин кивнула. Она узнала все, что нужно было знать. Нью стал контрабандистом или пиратом. По сути одно и то же. У нее появилось ужасное чувство, что братишка скоро найдет свою погибель.

* * *

Спасайтесь бегством. Джон мысленно велел себе выкинуть из головы предупреждение миссионера. Нет смысла обдумывать его слова. Нужно просто попасть в Кантон и встретиться с Талли Одстоком, тогда он поймет, что происходит и что ему делать.

Господь свидетель, подумал Треjder, если я не могу доверять братьям Одсток больше, чем едва знакомому голландскому миссионеру, то мне не следует иметь с ними дела.

Если бы только слова голландца перестали эхом звучать в голове!

Они добрались до залива, по которому можно было попасть в дельту Жемчужной реки.

– Видите эти пики? – Макбрайд указал на далекую скалистую береговую линию, которая еле заметно проступала на горизонте. – Ближайший – остров Гонконг. Там нет ничего, кроме рыбацкой деревушки. Но рядом прекрасная якорная стоянка. Хорошее место, чтобы укрыться от шторма.

Рид присоединился к Треджеру, и некоторое время они смотрели вдаль на скалы Гонконга.

– По слухам, у Одстоков дела идут хорошо, – заметил американец. – Вы знакомы с их бабушкой?

– Не довелось. Он ушел на покой и вернулся в Англию.

– Говорят, старший Одсток оставил после себя громкую славу. – Рид ухмыльнулся. – Дьявол во плоти, как его называли. Ум острый как игла.

Треjder нахмурился. Американец пытается осторожно предупредить его касательно Одстоков? Он не был уверен.

– Я знаю Бенджамина, – сказал Треjder. – Хороший человек.

– А второго брата, который живет в Кантоне?

– Талли Одстока? Мы еще не встречались.

Рид выглядел пораженным до глубины души.

– Я бы предпочел узнать всю подноготную человека, прежде чем стать его партнером.

– Вам кажется, что я слишком поспешил влезть в его дела?

– Большинство людей полагают, что судьба должна им благоволить. – Американец печально кивнул. – Я и сам был таким.

– Думаю, я слушаю внутренний голос. Если что-то кажется правильным... – Джон пожал плечами. – Это все равно что плыть по течению реки жизни.

– Возможно, – согласился Рид. – Но мой опыт показывает, Треjder, что жизнь скорее напоминает океан. Непредсказуемая. Волны накатывают со всех сторон. Порой выпадают шансы.

– Что ж, видимо, я двигаюсь правильным курсом, – сказал Джон.

Был полдень, когда они миновали Гонконг. Еще несколько часов шхуна пробиралась между с виду дружелюбными островками, разбросанными у входа в залив, пока вечером на горизонте не появился Макао.

Остров Макао разительно отличался от Гонконга. На протяжении веков здесь обитали португальцы, бухта была мелкой, а на крутых склонах в лучах вечернего солнца грелись очаровательные домики, виллы, церкви и крошечные крепости.

Они бросили якорь на рейде Макао. К ним двинулась четырехвесельная шлюпка, и Рид сел в нее, чтобы высадиться на берег.

– Может быть, еще доведется встретиться! – Он пожал руку Трейдеру. – Если нет, то удачи!

Путешествие из Макао в Кантон началось на следующее утро и заняло почти три неторопливых дня. Макбрайд большую часть времени помалкивал.

В первый день они двинулись вглубь залива. Около полудня Трейдер увидел на горизонте паруса.

– Линдин, – проворчал Макбрайд. – Там разгружаются суда, перевозящие опиум. Подальше от глаз китайского губернатора.

Днем, когда залив начал сужаться, слева показался далекий берег, состоящий из бесконечных илестых отмелей, за которыми возвышались горы. У Трейдера всего лишь разыгралось воображение или они зловеще взирали сверху вниз?

На второй день они увидели впереди несколько мысов.

– Бог²⁴, – кратко сказал Макбрайд. – Ворота в Китай.

Когда они добрались до Бога, шхуна остановилась у джонки, пришвартованной на некотором расстоянии от берега, откуда на палубу быстро поднялся молодой китайский чиновник, взял плату с Макбрайда и жестом велел двигаться дальше.

Ворота в Китай, безусловно, хорошо охранялись. Они проплыли между двумя огромными фортами по обе стороны реки с глиняными стенами толщиной тридцать футов и впечатляющими рядами пушек, нацеленных на воду. Любой нежелательный корабль в проливе разнесут на куски. Вскоре они подплыли еще к одной паре устрашающих фортов. Могущественная империя, подумал Джон, грандиозная защита.

Канал стал еще уже. Они измерили глубину лотом.

– Отмели, – буркнул Макбрайд. – Нужно быть осторожнее.

По пути Трейдер видел заливные рисовые поля, деревни с деревянными хижинами, поля с зерновыми, время от времени попадался фруктовый сад или храм с изогнутой крышей. Маленькие джонки с треугольными парусами на бамбуковом каркасе скользили по отмели, словно крылатые насекомые.

Вот он какой, Китай. Пугающий. Живописный. Загадочный. Сампаны подплывали достаточно близко, чтобы Трейдер мог сверху вниз посмотреть на их хозяев – китайцев с косичками, которые бесстрастно пялились на него снизу вверх. Он улыбнулся, даже помахал им, но китайцы не ответили. О чем они думали? Трейдер понятия не имел.

Утром третьего дня они добрались до излучины реки, и Трейдер увидел впереди лес мачт.

– Вампу, – сказал Макбрайд. – Там я вас и оставлю.

– Я думал, вы отвезете меня в Кантон.

– Здесь разгружаются корабли. Отсюда доплывете до Кантона. Доберетесь до темноты.

После того как шхуна преодолела целую сеть островов, пристаней и якорных стоянок, Трейдер обнаружил, что его сейф и чемоданы быстро перегрузили на одну из барж, идущих вверх по течению. На прощание Макбрайд пожал ему руку и мрачно заметил:

– Теперь вы сами по себе, господин Трейдер.

---

²⁴ Бог, или Бокка-Тигрис, или по-китайски Хумэнь (Тигровые Врата) – узкий пролив в дельте Жемчужной в месте ее впадения в Южно-Китайское море.

Ему пришлось ждать два часа до отправления баржи. Последние мили вверх по Жемчужной реке показались утомительными. Поскольку Джон не мог общаться с китайцами, управляющими баржей, то остался наедине со своими мыслями.

Как и большинство других транспортных судов, баржа должна была забрать последний урожай чайного сезона – черный чай самого низкого качества – до того, как торговля в Кантоне на летние месяцы приостановится. Возможно, Джон все это себе напридумывал, но ему показалось, что команда вымоталась к концу сезона.

Днем небо нахмурилось. Облака наливались свинцом. Треjder уже начал задаваться вопросом: доберутся ли они до Кантона до сумерек? Скорее всего, нет, решил он. Но тут, после того как они вышли из очередного изгиба реки, перед ним предстало вытянутое неопрятное скопление плавучих домов, напоминавших плавучие трущобы. В конце этих домов, чуть в стороне, у берега было пришвартовано большое раскрашенное трехпалубное судно. Слуги зажигали фонари вокруг его палуб, и в их свете Треjder видел ярко накрашенных девушек, посматривающих через борт.

Это, должно быть, китайская «цветочная лодка», плавучий бордель, о котором он столько слышал. Теперь команда ожила. Ему ухмылялись, тыкали пальцем в девушек и жестами объясняли, что они могут подойти поближе. Девушки ободряюще махали, но с вежливой и полной сожаления улыбкой Треjder покачал головой.

А через несколько минут, когда позади осталась целая стая джонок, показался и пункт назначения.

Изображения и литографии, которые он видел, были точными. Это, вне всякого сомнения, тот самый великолепный порт, который иностранцы называли Кантон. Ему сказали, что западное название ввели в обиход португальские торговцы. Услышав, что китайцы называют провинцию Гуандун, они по ошибке приняли это за название города. Вскоре Гуандун стал Кантоном. К тому времени, когда внешний мир узнал, что город на самом деле называется Гуанчжоу, название Кантон уже прочно укоренилось среди иностранцев.

Кстати, большинство западных путешественников называли Бэйцзин Пекином; англоговорящие произносят не «Москва», а «Москоу», «Мюнхен» по какой-то непонятной причине – как «Мюнх». Некоторые упертые британцы со свойственной им напыщенностью упорно именуют французский город Лион «Лайонс».

Что это – высокомерие, невежество, лень? А может, ощущение, что точность в отношении иностранных названий – это слишком муторно, заумно и не так уж необходимо? Скорее всего, и то и другое.

Крепостные стены древнего города тянулись поодаль от реки. Там могли жить только китайцы. Но между стенами и рекой раскинулся великолепный квартал, населенный иностранными торговцами.

Огромное открытое пространство, ничем не застроенное, если не считать пары таможенных будок, простиралось вдоль набережной на четверть мили. За ним виднелась вереница красивых белоснежных зданий в георгианском колониальном стиле, смотревших через площадь на воду. Ко многим были пристроены веранды с элегантными зелеными навесами. Все эти конторы и склады иностранных торговцев служили и жилыми помещениями. Здесь поселились торговцы из разных стран, и перед каждым зданием высился флагшток, на котором хозяева могли поднять свой флаг. Поскольку на латыни этих благородных торговцев называли «факторами», то великолепные кварталы стали именоваться факториями. На берегу Жемчужной реки основали тринадцать таких факторий, среди них Британская, Американская, Голландская, Французская, Шведская, Испанская.

Когда баржа подошла к пристани, Треjder заметил китайского носильщика, бегущего к одному из больших зданий. И к тому времени, как его багаж оказался на берегу, Треjder

увидел толстяка, суетливо спешащего ему навстречу. Не могло быть никаких сомнений, кто это.

На щеках Талли Одстока горели пурпурные пятна, из-за излишней тучности глаза казались маленькими, седые волосы торчали пучками, вызвав у Трейдера ассоциации с репой.

– Мистер Треjder? Я Талли Одсток. Рад, что вы в безопасности. Слышал, вы проделали путь вдоль побережья. Удалось ли продать опиум?

– Да, мистер Одсток. Пятьдесят ящиков по шестьсот за каждый.

– Правда? – Талли с удивлением закивал. – Вы отлично справились. Просто отлично! – Он выглядел озабоченным.

Носильщики уже погрузили сейф и ящики на тележку.

Они направились к Британской фактории.

– Говорят, сейчас продажи снизили оборот, – сказал Треjder.

Талли бросил на него быстрый взгляд:

– Значит, вы не слышали новостей? – Увидев недоумение на лице Трейдера, Одсток добавил: – Да вы и не могли слышать. Все случилось только сегодня утром. Боюсь, дела плохи. – Он вздохнул. – Конечно, все наладится. Не стоит беспокоиться.

– О чем именно вы толкуете? – с подозрением спросил Треjder.

– Китайцы немного перегнули палку с опиумом. Вот и все. Я расскажу вам за обедом. Мы здесь неплохо питаемся, знаете ли.

Треjder встал как вкопанный:

– Говорите сейчас. – Он удивился, что проявил такую твердость в разговоре с собеседником старше себя. – Сколько мы потеряем?

– Тяжело сказать. Думаю, довольно много. Обсудим это за обедом.

– Сколько конкретно?!

– Ладно... – Талли надул багровые щеки. – Я полагаю... чисто теоретически... ну... вы понимаете... короче говоря... все.

– Я могу потерять все?!

– Да все уляжется, – заверил Талли. – А сейчас давайте пообедаем.

* * *

Снег на горных перевалах добавил еще неделю к его путешествию, и Шижун боялся, что заставит эмиссара Линя ждать. Поэтому, добравшись наконец до Гуанчжоу, он испытал облегчение, узнав, что высокопоставленный чиновник еще не прибыл.

Шижун решил провести время с пользой. Чего бы Линь ни потребовал от него, чем больше он будет знать о местности, тем лучше.

Найдя временное жилье, он отправился на поиски провожатого и после непродолжительных расспросов нашел подходящего кандидата – кантонского студента, готовящегося к сдаче провинциальных экзаменов на чиновничью должность. Фонг был худым умным молодым человеком, который радовался возможности заработать таким образом немного денег.

За три дня они изучили шумный Старый город, пригороды и зарубежные фактории. Молодой Фонг был весьма хорошо осведомлен и, кроме того, оказался отличным учителем. Под его руководством Шижун продолжал совершенствоваться кантонский и вскоре обнаружил, что понимает многое из того, что говорят на улицах. Со своей стороны, Фонг задавал Шижуну вопросы всякий раз, когда они вместе ели, желая узнать, что важный гость думает обо всем увиденном.

– Вам нравится местная еда? – спросил Фонг во время первой совместной трапезы. – Слишком много риса?

– Аромат у блюд очень резкий. И все слишком сладкое, – пожаловался Шижун.

– Кисло-сладкое. Это южнокитайская кухня. Попробуйте курицу. Не так сладко. И рулетки с начинкой.

В конце второго дня, когда они сидели и попивали рисовое вино, Фонг поинтересовался, оправдывает ли Гуанчжоу его ожидания.

– Я знал, что все тут куда-то спешат, – признался Шижун, – но толчея на рынке и на улицах... Пройти невозможно.

– А еще мы все смуглее северян, – широко улыбнулся Фонг, – и печемся только о деньгах. Ведь так вы говорите про нас в Пекине, да? – Шижун не мог отрицать очевидного, и Фонг со смехом воскликнул: – Это правда!

– А что жители Гуанчжоу говорят про нас? – спросил в свою очередь Шижун.

– Выше. Кожа блее.

Фонг, естественно, подбирал слова очень осторожно. Но Шижун раскручивал его, пока молодой кантонец не признался:

– У нас говорят, что северные крестьяне просто сидят на корточках целый день.

Шижун улыбнулся. Крестьяне северных равнин часто сидели вместе таким образом, пока отдыхали от работы.

– Но они по-прежнему собирают урожай, – ответил он.

Особенно его интересовало, что Фонг думает о перевозке опиума. Сначала, зная, какую должность занимает Шижун, Фонг уклонялся от ответа, однако на пятый день, когда он уже в достаточной мере доверял Шижуну, чтобы быть с ним честным, ответил:

– Из Пекина спускают приказы. Устраивают облавы на опиумные курильни. Арестовывают курильщиков. Устраивают чистки в сельской местности. Кучу народу упекли в тюрьму. Но люди все равно хотят опиума. Это пустая трата времени. Даже губернатор так считает. Что бы вы ни предпринимали, а через год все вернется в обычное русло.

Прошла неделя, прежде чем прибыл эмиссар Линь. Он обрадовался, что Шижун уже на месте, и еще больше обрадовался, услышав, что юный помощник не терял времени даром.

– Ваше усердие достойно похвалы. Будете моим секретарем, но еще глазами и ушами.

Линь сразу же поселился в особняке в пригороде, недалеко от иностранных факторий, и сказал Шижуну, что он тоже должен жить там. В первый вечер Линь изложил свой план действий:

– Я прочитал все отчеты из провинции по дороге сюда. В течение следующей недели мы пообщаемся с губернатором провинции, местными чиновниками, торговцами из Гуанчжоу и их слугами, которые расскажут нам больше, чтобы я мог вынести собственный вердикт. Тогда мы сокрушим торговлю опиумом. Как вы думаете, кому нужно нанести первый удар?

Пересказав то, чем поделился Фонг, и то, что видел собственными глазами, Шижун откровенно признался, что, по его мнению, отучить людей от употребления наркотика – задача долгая и тяжелая.

– Я сожгу все их опиумные трубки, – мрачно сказал Линь. – Но вы правы. Единственный способ искоренить эту траву – перекрыть канал поставки. Итак, молодой господин Цзян, кто наш наипервейший враг?

– Рыжеволосые заморские дьяволы, которые привозят опиум в империю.

– Что нам о них известно?

– Я побывал в их факториях. Похоже, они все разные. Приехали из множества стран. И только у некоторых действительно рыжие волосы.

– Самые страшные преступники приезжают из страны под названием Британия. Такое чувство, что никто толком не знает, где это. А вы знаете?

– Нет, господин эмиссар. Мне разузнать?

– Возможно. Хотя на самом деле не имеет значения, где живут эти ничтожные люди. Однако я узнал, что этой страной правит королева и она прислала сюда какого-то чиновника.

– Да, господин эмиссар. Его зовут Эллиот. Он из благородной семьи. В настоящий момент перебрался в Макао.

– Может, эта королева не знает, что творят пираты из ее страны. Может, ее подчиненный ей не докладывает.

– Может быть, господин эмиссар.

– Я пишу этой королеве письмо. Его переводят на ее родной варварский язык. Когда письмо будет готово, я отдам письмо подданному, чтобы тот передал ей. Я сделаю королеве выговор и дам указания. Если она добродетельная правительница, то, несомненно, прикажет этому Эллиоту казнить пиратов. Хуже всех человек по имени Джардин. Нужно начать с него. – Он сделал паузу, затем испытующе посмотрел на Шижуну. – Но дело даже не в заморских варварах. Для Поднебесной несложно разобраться с несколькими пиратами. Поэтому я снова спрашиваю: кто наш настоящий враг, господин Цзян? Вы знаете?

– Я точно не знаю, господин эмиссар.

– Это наши собственные торговцы в этом городе. Хонги²⁵, торговые гильдии. Именно их император уполномочил иметь дело с иностранцами. Это предатели, те, кто позволяет варварам продавать опиум, и мы будем с ними жестко расправляться.

Следующие несколько дней были полны забот. Не говоря, что намеревается предпринять, Линь провел множество бесед и собрал доказательства. Шижун работал днем и ночью, делал заметки, писал отчеты и выполнял поручения. Через неделю Линь поручил лично ему небольшую миссию. Нужно было пойти к одному из торговцев-хонгов и побеседовать с ним.

– Ничего не выдавайте ему, – наставлял Линь. – Будьте дружелюбны. Поговорите с ним об иностранных торговцах и их делах. Выясните, что он в действительности думает.

На следующий день Шижун отчитался:

– Во-первых, господин эмиссар, я обнаружил, что он не верит, будто торговле опиумом положат конец. На время прервут, да. Но он считает, что, как только вы сделаете достаточно, чтобы порадовать императора, вы уедете. Потом все вернется к тому, как было раньше. И хотя ему известна ваша репутация честного человека, он явно не верит, что вас нельзя подкупить, как всех остальных.

– Еще что-нибудь?

– Две вещи, господин эмиссар. Его тон предполагал, что они с варварскими торговцами стали добрыми друзьями. Более того, от его слуг я узнал, что он лично в долгу перед одним из варваров по имени Одсток.

– Отличная работа! Император был прав, когда решил не подпускать заморских дьяволов к нашему народу. Тем не менее, пусть даже мы ограничиваем их одним портом и селим за пределами городских стен, они все равно умудряются развратить наших торговцев, которые считаются достойными людьми.

– Это правда.

– Вы сказали, что есть вторая вещь.

– Может быть, это не имеет значения, господин эмиссар. Слуга сказал мне, что этот торговец Одсток со дня на день ожидает прибытия молодого ученого, который будет младшим партнером в его бизнесе. Хотя это кажется странным, – добавил Шижун, – что образованный человек стал торговцем.

– Кто их поймет, этих варваров. Когда он приедет, хочу, чтобы вы с ним познакомились. Может, он знает что-то полезное.

– Как пожелаете, господин эмиссар, – ответил Шижун с поклоном.

---

²⁵ Хонг – официальный компрадор, который покупал у цинских властей лицензию и платил налоги. Так называли и его самого, и его торговый дом.

– А пока, – сказал Линь с мрачной улыбкой, – думаю, мы готовы. Вечером созовите всех хонгов. – Он быстро кивнул Шижуну. – Мы нанесем удар сегодня же.

* * *

Джон Трейдер в ужасе уставился на Талли Одстока. Они сидели в его маленьком кабинете, выходящем окнами на узкую аллею, тянувшуюся от фасада Британской фактории к Китайскому переулку позади. Две масляные лампы освещали желтоватым светом кожаные кресла, в которых они устроились. В помещении было тепло и душно, но Джону Трейдеру было холодно, как в пустыне Гоби.

– Это случилось прошлым вечером, – объяснил Талли. – Этот новый чинуша Линь созвал всех торговцев-хонгов. Заявил им в лицо, что они преступники и предатели. Затем сказал, что торговцы из факторий должны сдать весь имеющийся опиум, а хонги должны это организовать – они несут ответственность за всю зарубежную торговлю, понимаете ли, – и добавил, что, если они ослушаются, он начнет их казнить. Дал три дня. А пока никому из нас не разрешается покидать Кантон.

– И когда он говорит про весь наш опиум...

– То не ограничивается тем небольшим количеством, которое имеется у нас в факториях. Он имеет в виду весь объем, который мы храним на складах ниже по реке и в заливе, а также грузы на судах, которые все еще прибывают. Он имеет в виду все, что у нас есть. Это огромное количество!

– И тот опиум, который я купил и за который заплатил?

– Разумеется. – Талли сочувственно покивал. – Должен признать, испытание тяжелое. Но когда вы вложились в партнерство, этот ваш вклад тут же превратился в деньги Одстоков, как вы понимаете. – Он просиял. – Конечно, вы будете получать десять процентов от будущей прибыли.

– От какой прибыли? – с горечью спросил Трейдер, и Талли промолчал. – То есть я потерял свои вложения?

– Я бы так не сказал, – ответил Талли. – Осмелюсь предположить, что все уладится.

– Мы сдадим опиум?

– По этому поводу будет собрание. Послезавтра. Вы тоже будете участвовать, разумеется, – добавил Талли, словно это все решало.

В ту ночь Джон Трейдер почти не спал. В квартире Одстоков, на территории Британской фактории, имелись две небольшие спальни: спальня Талли выходила окнами в переулок, а в комнате, где разместили Джона, окон не было. В полночь, лежа в этой душной коробке и слушая храп Талли через стену, Джон протянул руку к медной масляной лампе, все еще слабо горевшей, и повернул вверх фитиль. Затем, взяв листок бумаги, Джон уставился на написанное. Не то чтобы ему это было нужно. Он знал все цифры наизусть.

Общий объем инвестиций. Долг. Причитающиеся проценты. Наличные на руках. Тупо глядя на числа, он еще раз все пересчитал. При скромных расходах он сможет выплатить проценты по своему долгу и прожить год, но не более того. В лучшем случае пятнадцать месяцев.

Братья Одсток не знали об этом долге. Трейдер использовал дополнительные вложения, чтобы договориться о более выгодной сделке в рамках партнерства. При нормальных обстоятельствах это и была бы выгодная сделка. Но сейчас? Ему грозило банкротство.

Зачем он это сделал? Разумеется, чтобы завоевать Агнес. Чтобы быстро разбогатеть. Чтобы доказать ее отцу, что по прошествии некоторого времени он сможет сделать Агнес хозяйкой поместья в Шотландии. Джон знал, что ему это по силам. Ее лицо возникло перед

мысленным взором Трейдера. Да. Это возможно. И не только это. Судьба. У него возникла уверенность, которую он не мог объяснить. Так суждено.

Вот почему он оставил безопасную и заурядную Калькутту и пошел ва-банк в Китае, выбрав открытое море, штормы и острые скалы, а в случае неудачи даже смерть, если понадобится, как и многие тысячи авантюристов до него. Он должен был так поступить. Такова его природа. Даже сейчас, на грани разорения, внутренний голос подсказывал: если бы ему дали шанс, он снова поступил бы так же.

Но он глядел на мрачные цифры посреди ночи, и его не покидал страх, а потом он все-таки заснул, но спал урывками в темной клетушке, пока за стеной не зашевелился Талли Одсток, возвещая наступление утра.

– Пора вас со всеми познакомить, – сказал Талли, когда они вышли после завтрака.

Голос его звучал бодро, словно бы никаких поводов для волнений не было.

Джон все еще не понимал, что за человек Талли. Он считал, что Талли – такой же солидный прожженный торговец, как и его брат. Но не слишком ли быстро братья приняли его деньги и заключили с ним соглашение о партнерстве? Если он скрывал размер сторонних заимствований, не были ли Одстоки, в свою очередь, не совсем откровенны с ним касательно состояния их бизнеса?

И когда Талли говорил, что все наладится, пытался он обмануть нового партнера или, что еще хуже, самого себя? Во-первых, Треjder не сомневался – прямо-таки нутром чуял это, – Талли Одсток напуган.

Но все же больше никого, похоже, случившееся не встревожило. К полудню они побывали в каждой фактории. Он познакомился с французскими и шведскими торговцами, они посетили датчан, испанцев, голландцев. Практически все сошлись во мнении: «Это всего лишь начальное предложение Линя. Мы откажемся. Потом он будет вести переговоры».

– Ему нужно устроить спектакль, чтобы произвести впечатление на императора, получить повышение и переехать в другое место, – заверил их один из голландских торговцев. – Обычные игры китайских чиновников.

Даже это прозвучало обнадеживающе, но когда они пришли в Американскую факторию, то услышали еще более ободряющее мнение.

Уоррену Делано, красивому молодому человеку, с роскошными усами, бакенбардами и дружелюбной улыбкой – однако Джон обратил внимание на стальные глаза, – было всего тридцать, но американец успел уже разбогатеть на торговле опиумом. Делано воплощал все надежды Джона и легко отклонил требование Линя.

– Весь опиум, который у меня есть, взят под реализацию, – заявил Делано. – Я считаю, что не могу распоряжаться чужим товаром. У меня нет на это законного права. Все проще простого!

– Чертовски разумный аргумент! – согласился Талли. – Третью нашего опиума тоже взята под реализацию. Принадлежит торговцам-парсам²⁶ в Бомбее.

– Ну вот, – произнес Делано.

Когда они ушли, Треджеру показалось, что его тучный партнер обрел новую уверенность.

– Вернемся этой дорогой, – предложил Талли, ведя Трейдера на Старую Китайскую улицу.

За нарядными фасадами, выходящими на набережную, каждая из факторий тянулась лабиринтом крошечных дворов и лестниц более чем на сотню ярдов к кантонской дороге, известной как улица Тринадцати Факторий и служившей границей между факториями и китайским пригородом. Отсюда через квартал факторий к набережной шли три небольшие улицы:

---

²⁶ Парсы – последователи зороастризма в Южной Азии (Индия и Пакистан), имеющие иранское происхождение.

Хог-лейн рядом с Британской факторией, Старая Китайская улица рядом с Американской факторией и Новая Китайская улица, которая разграничивала Испанскую и Датскую фактории. И хотя они находились в пределах квартала факторий, эти улицы были заполнены китайскими лавочками, в которых продавались деликатесы и различные товары для дома, какие только мог, по мнению хозяев этих лавочек, захотеть купить заморский дьявол.

Когда они прошли мимо лавочек и оказались на улице Тринадцати Факторий, Талли презрительно ткнул большим пальцем влево, в сторону красивого старинного китайского особняка неподалеку:

– Вот где обосновался эмиссар Линь. – Он фыркнул. – Видать, думает, что может следить за нами оттуда.

После короткой прогулки по оживленной улице они свернули направо на Хог-лейн. Талли указал на дверь:

– Это наша больница на случай, если захвораете. Там работает отличный доктор, американский миссионер. Его зовут Паркер. Хороший парень. – Он кивнул. – Ну вот и все, что вам нужно. Пора на ланч, как мне кажется.

Британскую факторию построила в XVIII веке Ост-Индская компания. Просторная столовая располагалась в передней части верхнего этажа между библиотекой и бильярдной. Окна столовой выходили на обнесенный стеной английский сад, простирающийся почти до набережной. Картины маслом на стенах, красивые стулья и взвод вышколенных официантов – все, чтобы воссоздать комфорт и стабильность лондонского клуба.

Не все английские торговцы проживали на территории фактории, какой бы большой она ни была. Многие селились в других факториях, но Британская фактория служила им клубом, и в тот день на ланч собралось больше дюжины мужчин. Джардин, величайший торговец опиумом из всех, не так давно отплыл в Англию, и председательствовал его партнер Мэтисон. Присутствовали торговцы помельче, и один из них, парень по фамилии Дент, показался Трейдеру вылитым пиратом, особенно на контрасте, поскольку один из племянников Джардина привел с собой в высшей степени респектабельного доктора Паркера.

Но все они, миссионеры или пираты, казались добродушными и готовыми дать хороший совет. Мэтисон велел Трейдеру сесть рядом с ним. Его лицо в обрамлении ухоженных бакенбард, похожих на подставки для книг, имело приятное, довольно умное выражение, и он скорее напоминал продавца книг, чем безжалостного торговца опиумом, как подумалось Трейдеру.

– Секрет комфортной жизни здесь, Трейдер, – сердечно начал Мэтисон, – в том, чтобы обзавестись первоклассным компрадором. Именно ваш хонг имеет дело с местными жителями, находит вам хороших китайских слуг, продукты питания и все, что вы пожелаете. У нас есть отличный человек.

– Слуги все местные?

– Почти. Они не доставляют хлопот. Кантонцы – практичные люди.

– Стоит ли мне выучить китайский?

– Я бы не советовал, – предостерег Мэтисон. – Властям это не нравится. Они не хотят, чтобы мы сближались с их подданными. Я уверен, вы в курсе, здесь все говорят на пиджине и все его понимают: хонги, слуги, простой народ на набережной. Вы быстро научитесь. – Он повернулся к американцу. – Доктор Паркер, разумеется, говорит по-китайски, но это другое.

Американец был невысоким гладковыбритым очкариком лет тридцати.

– Понимаете ли, местные, включая чиновников, обращаются ко мне за лечением, – объяснил миссионер с улыбкой. – Им хочется удостовериться, что мы понимаем друг друга, пока я не начал кромсать их на куски.

– Я слышал, китайцы очень гордятся своей традиционной медициной, – сказал Трейдер.

– Да. Иглоукальвание и лечение травами часто срабатывают. Но в вопросах хирургии мы их значительно опередили. Они это знают и приходят к нам.

– То есть у них сплошь знахари-шарлатаны, – твердо заявил Трейдер.

– Нам не стоит задирать нос слишком сильно, – благоразумно заметил Паркер. – Не забывайте, сэр, не так давно хирургические манипуляции в Лондоне проводили цирюльники.

Вспомнив, как Ван Бускерк разбрасывал брошюры китайским контрабандистам, Трейдер спросил Паркера, удалось ли тому обратить кого-нибудь в Кантоне.

– Пока нет, – признался Паркер. – Но надеюсь, что однажды я заслужу достаточно уважения как врач, чтобы они прониклись уважением и к моей вере. Нужно просто набраться терпения, вот и все.

– Испытание веры, – хмыкнул Талли Одсток.

– Можно и так сказать, – спокойно произнес Паркер, а потом одарил Трейдера добрым взглядом. – Мистер Одсток сказал, что вы получили степень в Оксфорде. Впечатляюще.

– Да, – заколебавшись всего на мгновение, ответил Джон Трейдер.

Он знал – постарался выяснить заранее, – что и Мэтисон, и Джардин получили степени в Эдинбурге. Джардин был дипломированным медиком. Но для купца или простого горожанина иметь высшее образование весьма необычно, а в армии и на флоте так и просто неслыханно. К интеллектуалам относились с подозрением.

Однако был способ отучиться в Оксфорде и при этом доказать внешнему миру, что ты порядочный человек – получить диплом, но без отличия.

Умные, прилежные студенты получали дипломы с отличием. Хорошие парни без интеллектуальных претензий могли выбрать гораздо менее строгий экзамен, хорошо провести время и получить простой диплом. Это означало, что они обучались в этом заведении, научились читать и писать, а еще выпивать, как джентльмен. Один знакомый Джона поклялся, что провел три года в Оксфорде, не открыв ни единой книги.

– Мой опекун хотел, чтобы я поступил в Оксфорд, – сказал Джон. – Полагаю, я кое-чему научился, но, знаете ли, диплом у меня без отличия.

На самом деле Трейдер наврал. Он получил диплом с отличием, но счел более разумным сказать новым знакомым в Калькутте, что диплом у него самый обычный, и твердо придерживался этой версии.

Во время трапезы обсуждались также угрозы со стороны эмиссара. Талли передал слова Делано, и все их восприняли положительно. Присутствующие согласились с выжидательной тактикой. Дент стукнул кулаком по столу и заявил: если эмиссар и дальше будет чинить им препоны, то надо собраться всем вместе, схватить этого проклятого чинушу и швырнуть в реку. Трейдер, как новоприбывший, просто слушал, не высказывая собственного мнения.

Пока он молча наблюдал за горсткой торговцев, которым грозили колоссальные потери. Эта группа незащищенных людей торчала на крошечной полоске земли, в то время как вокруг них раскинулась многомиллионная империя, способная сокрушить их за минуту. Трейдер не мог не восхищаться ими. Да, они высокомерны, пренебрегают моральными принципами, но Трейдеру они показались британцами до мозга костей именно потому, что сейчас хладнокровно заседали в собственном клубе.

Однако, когда подали десерт, Трейдер все-таки осмелился задать вопрос.

– Я кое-чего не понимаю, – признался он Мэтисону. – В Индии интересы нашей торговли защищает армия Ост-Индской компании. А здесь, в Китае, у нас нет никаких военных сил, хотя есть представитель британского правительства, которого именуют суперинтендантом. Итак, мой вопрос: если британская торговля находится под угрозой, как и средства к существованию британских торговцев, что намерен предпринять в этой связи суперинтендант?

– Эллиот?! – воскликнул Талли Одсток и фыркнул. – Да ничего. Бесплезный малый. Ничего он не предпримет.

Его слова вызвали шепот одобрения.

– Капитан Эллиот, как вы видите, не пользуется особой популярностью, – спокойно ответил Мэтисон. – Он недавно уехал в Макао, но, без сомнения, скоро вернется.

– А почему его недолюбливают? – спросил Трейдер.

– Отчасти, думаю, потому, что он аристократ, – сказал Мэтисон. – Двое его кузенов – лорды, один занимает пост генерал-губернатора Индии, другой состоит в кабинете министров. По крайней мере один член его семьи – адмирал. Мы, торговцы, не чувствуем, что он испытывает к нам приязнь. И ему определенно не нравится торговля опиумом. Фактически он не одобряет ее и, следовательно, не одобряет нас всех.

– Почему бы тогда этому чертову парню не пойти работать на императора Китая? – перебил Талли.

– Разумеется, Эллиот обязан защищать наши интересы, – продолжил Мэтисон, – поскольку импорт чая очень важен для британского правительства. То же самое и с хлопком, который мы продаем Китаю, хотя, несмотря на все усердие владельцев фабрик в Англии, смею заверить, китайский рынок никогда не освоит столько хлопка, чтобы оплатить весь чай, который нам нужно купить.

– Сейчас все хорошо, Мэтисон, – начал Талли Одсток, – но, если ситуация ухудшится, а все идет именно к этому, мне хочется, чтобы человек, которому я могу доверять, прикрывал тылы, а не переметнулся практически на сторону Китая. Что до его высоких моральных принципов, то, как только человек начинает строить из себя святошу, никогда не знаешь, что он выкинет дальше. Мы можем все потерять.

– Нужно сохранять хладнокровие, – произнес Мэтисон.

– Я сохраняю, – горячо заверил Талли.

– Но вы ошибаетесь, считая, что Эллиот сочувственно относится к Китаю, – продолжил Мэтисон. – На самом деле я бы даже сказал, что все наоборот.

– С чего вдруг такие выводы?

– Я внимательно приглядывался к Эллиоту. Он аристократ, империалист, возможно, дипломат. А теперь посмотрим на Китай. Надменная империя, которая считает себя выше всех остальных. Если мы отправим посольство в Китай, императорский двор решит, что мы хотим отдать дань уважения. Они ожидают, что посол будет императору в ноги кланяться. Торговцам вроде нас наплевать, пока мы можем торговать. Но для Эллиота это невыносимо – оскорбление британской короны и его достоинства. Он озабочен собственным статусом.

– Нет торговли – нет денег. Нет денег – нет статуса. – сварливо процедил Талли.

– Согласен. Но даже в том, что касается торговли, Эллиот Китаю не друг. Почему? Китай не позволит нам торговать так, как мы торгуем с другими странами. Во всей этой огромной империи нам разрешено заниматься торговлей только в Кантоне, но при этом даже запрещено жить в городе. Если бы у нас был свободный доступ в города Китая, чтобы предлагать наши товары, – кто знает? – нам, возможно, даже не пришлось бы ввозить опиум. По крайней мере, так мог бы возразить Эллиот. Короче говоря, он ненавидит статус-кво. До тех пор пока император не признает Британскую империю как равную и не начнет нормально торговать и общаться с другими странами, Эллиот будет решительно противостоять ему.

– Язык у вас подвешен что надо, – неохотно протянул Одсток и повернулся к Трейдеру. – Вы вот выпускник Оксфорда. Я надеюсь, вы станете достойным соперником Мэтисону в словесных баталиях.

Трейдер не успел ответить на это предложение, как разговор прервал слуга, который вошел в столовую и объявил:

– Мистер Чжоу просит мистера Одстока зайти к нему. И захватить с собой мистера Трейдера. Это срочно.

– Что за черт!.. – Одсток оглядел присутствующих с удивлением, а потом обратился к Трейдеру: – Чжоу – хонг. Китайский торговец, с которым я в основном имею дело. – Он посмотрел на слугу. – А зачем?

– Приказ эмиссара Линя.

– И меня вызывают? – в ужасе переспросил Джон, и слуга кивнул.

– Очень странно! – воскликнул Мэтисон; он выглядел немного встревоженным, а после паузы сказал: – Что ж, полагаю, вам лучше пойти.

Пока Трейдер шел по Хог-лейн вместе со слугой господина Чжоу и Талли Одстоком, его партнер старался говорить совершенно спокойно.

– Я зову его Джокером, – пояснил он. – Видите ли, его имя звучит похоже на Джо. Он не возражает.

Они были на полпути по Хог-лейн, когда Талли остановился у прилавка и купил пару миндальных печений. Отдав одно Трейдеру, он тут же, у прилавка, начал медленно жевать свое.

– Господин Чжоу просил прийти побыстрее! – взволнованно вскричал слуга, но Талли пропустил его слова мимо ушей.

– Никогда не торопитесь. Никогда не выглядите встревоженным, – сказал Талли Трейдеру, который понял намек и захрустел миндальным печеньем, прежде чем сдвинуться с места. – Кстати, – продолжил Талли, – мы побеседуем, и через некоторое время нам подадут чай. Предполагается, что, выпив чая, вы отклоняетесь. Тут так положено.

– Я должен знать что-то еще? – спросил Джон.

– Сейчас Джокер должен нам кучу денег. Но не беспокойтесь. Джокер – честный малый. Мы знакомы много лет. Он заплатит. – Талли кивнул. – На самом деле я не виделся с ним около недели. Интересно, что он думает обо всей этой чепухе, что городит Линь.

Дорога до дома господина Чжоу заняла всего пять минут. Особняк был впечатляющим, с внутренним двором, пристройками и красивым садом позади. Хозяин принимал их в изысканно обставленной комнате, увешанной красными фонарями.

– Добрый день, Джокер, – поздоровался Талли. – Давно не виделись.

– Шесть дней, – ответил хонг.

Пока Джон Трейдер пялился на господина Чжоу, ему показалось, что его партнер выбрал этому китайцу самое неподходящее прозвище.

Хозяин с достоинством восседал на стуле, похожем на трон. Его голова была вытянутой формы, лицо длинное и очень худое, как у скелета. Поверх богато расшитого халата он надел черную шелковую куртку с широкими рукавами. На шее болтались длинные янтарные бусы в два ряда, свисавшие аж до пояса. Джону господин Чжоу скорее напомнил императора, чем придворного шута-джокера.

– Это господин Трейдер, – сказал Талли. – Учился в Оксфорде.

Господин Чжоу ответил легким кивком и улыбнулся.

– Как поживаете, господин Чжоу? – вежливо поинтересовался Джон.

– Вы умеете говорить по-китайски?

– Пока нет.

Ответ не произвел на китайца особого впечатления.

– Джокер, чего хочет от нас эмиссар Линь?

– Он хочет весь опиум, – ответил хонг.

– А зачем?

– В противном случае он потеряет лицо.

– Ничего не получится, – твердо сказал Талли и внимательно посмотрел на Джокера.

Внезапно в глазах торговца блеснул настоящий страх.

– Джокер напуган, – пробормотал Талли Трейдеру, а потом снова обратился к китайцу: – А зачем Линь вызвал Трейдера?

Но прежде чем Джокер успел ответить, раздались чьи-то голоса, а спустя мгновение слуга ввел в комнату двоих.

* * *

Цзян Шижун посмотрел на троих мужчин. Чжоу он уже знал. Кто из оставшихся двоих Одсток, тоже очевидно. Значит, темноволосый молодой человек, должно быть, и есть тот ученый.

Ему было интересно поговорить с Трейдером, но не хотелось общаться через Чжоу, которому он не доверял, поэтому Шижун привел своего переводчика. Чтобы быть точным, переводчик прибыл вместе с эмиссаром Линем – любопытный, маленький, худощавый человечек неопределенного возраста. Он утверждал, что ему сорок, но с таким же успехом ему могло быть и пятьдесят. На нос переводчик нацепил поцарапанные круглые очки с очень толстыми линзами, хотя Шижун не заметил, чтобы они как-то увеличивали глаза. Переводчик утверждал, что говорит и пишет по-английски на одинаково продвинутом уровне, так как сначала учился в семье миссионера в Макао, а затем совершенствовал знания во время пребывания в Сингапуре. Благодаря этому он был известен в широких кругах под прозвищем господин Сингапур.

Как только господин Чжоу всех представил, то добавил, обращаясь к Шижуну, что Одсток только что спрашивал, какие цели преследует эмиссар в Гуанчжоу.

Шижун вежливо поклонился и обратился к господину Сингапuru:

– Скажи этому варвару, что эмиссар Линь прибыл сюда, чтобы положить конец торговле опиумом. – Он наблюдал, как переводчик без особых усилий передал его недвусмысленное сообщение. Он заметил, что Одсток выглядит циничным и взбешенным, а вот юный Трейдер помрачнел. – С преступниками, которые будут продолжать нелегальную торговлю, мы будем жестоко бороться, – продолжил он. – Некоторых, включая господина Чжоу, могут казнить.

Господин Чжоу совсем приуныл. Дальше Одсток что-то сказал, а господин Сингапур перевел:

– Толстый варвар спрашивает, хочет ли Поднебесная продавать чай.

– Поднебесной нет необходимости торговать чем бы то ни было, – ответил Шижун, – но те товары, которые мы поставляем, полезны для здоровья, например чай или корень ревеня, без которого вы умрете. – Он заметил, что оба варвара выглядят удивленными. Очевидно, они пока не осознали, что Шижун в курсе, что их жизнь зависит от поставок ревеня. – Мы разрешим торговцам-варварам приобретать эти товары за серебро, – твердо завершил Шижун. – У меня все.

Одсток и Чжоу молчали. Шижун обратил свое внимание на Трейдера.

– Спроси у него, если он ученый, то почему стал пиратом, – велел он господину Сингапuru.

– Он говорит, что он не пират, а торговец.

– Хорошо, если он ученый, то зачем стал торговцем, представителем самого низшего класса.

– Говорит, что торговцы вовсе не низший класс. По крайней мере, у него в стране.

Шижуну показалось, что молодой варвар отвечал на его вопрос с жаром, даже вызывая, как будто его страна ровня Поднебесной. И это учитывая, что он и его приятель-варвар заняты тем, что травят людей ради наживы.

– Мы считаем, – твердо сказал Шижун, – что быть крестьянином и честно возделывать землю – нравственное занятие. Торговец, который присваивает себе чужой труд и перепродает

ради выгоды, явно обладает более низкими моральными принципами и заслуживает презрения. Скажи ему это.

Господин Сингапур, похоже, затруднялся это перевести, но в итоге справился. Треjder промолчал. Шижун снова перешел в атаку:

– В любом случае его заявление, что он не пират, не соответствует действительности. Если бы он был честным человеком, то зачем нарушать закон и продавать опиум контрабандистам?

– Он говорит, что не подчиняется китайскому законодательству.

– Ему придется уважать законы Поднебесной, поскольку он здесь находится, а еще потому, что наши законы справедливы и мудры.

Пока господин Сингапур пытался передать его мысли, Шижун задумался. Такое впечатление, что ответы Трейдера не соответствуют его статусу.

– А он и правда ученый? – скептически поинтересовался Шижун.

– Говорит, что учился в Университете Оксфорда.

– Я не знаю, что это. Спроси у него, где его страна и насколько она велика.

– Он говорит, что это остров, расположенный далеко-далеко на западе, но владеет империей больше, чем Поднебесная.

Шижун почувствовал укол разочарования. Очевидно, этот юноша не только высокомерный, но еще и лжец. Наверное, разговор с ним – пустая трата времени. Но он с бесстрастным лицом продолжал расспрашивать:

– Правда ли, что вашим королевством управляет женщина?

– Он говорит, что почти всегда были короли-мужчины, но с недавних пор страной управляет молодая королева.

– Она порядочная женщина или безнравственная?

– Он говорит, что королеву зовут Виктория и она человек высочайших моральных принципов.

– Тогда почему она позволяет торговцам продавать опиум?

– Их королева не считает опиум чем-то плохим. Она и сама его принимает. Опиум полезен для здоровья, а вреден только в случае чрезмерного употребления.

– В том-то все и дело! – воскликнул Шижун. – Его принимают в избыточных количествах. Сначала люди покуривают понемногу, а потом им хочется больше и больше, и вот они уже не в состоянии остановиться. Тратят на опиум все свои деньги. Не могут работать. Превращаются в слабые тени, а в итоге умирают. Миллионы жителей Поднебесной пострадали от этой отравы. Как он может говорить, что опиум полезен?

– Он говорит, что каждый сам в ответе за свои действия.

– Хороший правитель должен защищать свой народ. Он отвечает за подданных, как отец за сына. Он что-нибудь слышал о Конфуции?

– Говорит, что слышал.

Значит, варвар не совсем уж невежествен.

– Тогда он знает, что все люди должны подчиняться: сын подчиняется отцу, отец подчиняется императору. Если император правит мудро и справедливо, это распространяется на всех его подданных. Когда нарушается цепочка надлежащего поведения, наступают зло и хаос. В Поднебесной живут миллионы людей. Но все они сплочены в своем послушании ради служения императору, справедливость которого проистекает из Небесного Мандата. Так что не вам или какому-то варварскому правителю судить, что правильно, а что нет, а императору. Больше говорить не о чем.

Шижун заметил, что у господина Сингапура ушло довольно много времени, чтобы перевести этот пассаж Треджеру. Но он был терпелив. Пока этот варвар, ученый он или нет, не поймет основные принципы морали, у них нет основания для дальнейших разговоров.

– Он говорит, что его королева тоже помазана Небом, – наконец заявил господин Сингапур.

– В таком случае, – торжествующе изрек Шижун, – я покажу ему письмо. – Он вытащил документ и протянул Трейдеру. – Можешь объяснить, что это черновик послания, которое эмиссар Линь намерен отправить его королеве, и ты перевел написанное на его родной язык.

Он с удовлетворением наблюдал, как Трейдер взял письмо и принялся читать.

Это было хорошее письмо. Составлено в типичном для чиновника духе. Разумное. Вежливое. В нем отмечалось, что торговля между их странами на протяжении веков велась в мире и согласии. Но в последнее время торговля опиумом приобрела огромные и разрушительные масштабы. В письме со всем почтением предполагалось, что Путь, определенный Небом, одинаков для всех стран, и эмиссар уверен, что королева Виктория отнеслась бы к ввозу яда в свое королевство точно так же, как относится император. Он знал, что опиум поступал только из определенных земель, находящихся под ее властью, и что она лично не руководила этими продажами. Линь объяснял, что торговлю нужно немедленно пресечь, и просил ее запретить торговцам продолжать привозить опиум. Письмо заканчивалось завуалированным предупреждением, что сам император и Небо презрят ее правление в случае, если она не выполнит моральный долг, но если же королева послушается и сделает так, как просит император, то, без сомнения, на нее снизойдет благословение.

В самом деле, в письме не было ничего плохого, за исключением отвратительного перевода господина Сингапура, из-за чего Трейдер постоянно хмурился, пытаясь вычленивать смысл.

Через некоторое время Трейдер протянул письмо обратно.

– Как ученый, вы оцените письмо, – сказал Шижун.

– Он говорит, оно очень интересное, – сообщил господин Сингапур.

– Надеюсь, ваша королева тут же положит конец торговле, – продолжил Шижун.

– Я не могу говорить за ее величество, она сама принимает решения, – осторожно заметил Трейдер.

Им подали чай. Обстановка была напряженной. Шижун передал сообщение, которое хотел передать Линь, и поскольку Трейдер, как оказалось, не ахти какой ученый, у него не узнать ничего очень полезного.

Вглядываясь в лицо темноволосого молодого человека, Шижун подумал, что на нем лежит печать легкой грусти. Может быть, осталась еще в нем благопристойность? У Шижуна не было желания заводить дружбу с этим незнакомцем-варваром, но ему стало любопытно, а потому неожиданно для самого себя он сказал:

– Мой отец – хороший человек. Каждый день я думаю: как бы он хотел, чтобы я себя вел, и веду себя именно так. Хотел бы ваш отец, чтобы вы занялись торговлей опиумом?

Когда господин Сингапур перевел, Трейдер склонил голову, словно бы глубоко задумавшись, а потом тихо ответил:

– Вам повезло. Я потерял обоих родителей еще в детстве. Меня воспитывал престарелый родственник. Он был моим опекуном.

– Он был хорошим человеком?

– Он не уверен, – перевел господин Сингапур. – Он не знает.

– Думаю, – мягко заметил Шижун, – вы сами понимаете, что не стоит торговать опиумом, и это вас беспокоит.

Джон Трейдер не ответил. После окончания чайной церемонии пришло время им с Одстоком покинуть дом господина Чжоу.

– Знаете, это все чушь собачья, – заметил в тот вечер Талли Одсток в разговоре с Трейдером; они сидели в обнесенном стеной саду перед Британской факторией. – Увидите, что будет завтра, когда начнутся настоящие переговоры.

- Я не уверен, – ответил Треjder. – Думаю, намерения Линя серьезны.
- Завтра его ждет полный провал, – заявил Одсток. – Что же до этого глупого письма королеве...
- Возможно, по-китайски оно звучало нормально, – заметил Треjder. – В конце я даже начал улавливать смысл. Но перевод настолько искажен, что получилась какая-то тарабарщина. Этот господин Сингапур – настоящий шарлатан.
- Вот оно что... – Талли проницательно посмотрел на Трейдера. – Когда этот молодой мандарин понес всю эту ерунду о том, что у вас проблемы... Ну и наглец, подумал я.
- Точно, – поддакнул Джон.
- В конце концов, все они язычники. – Талли вынул сигару, отрезал кончик, зажег, медленно затянулся, откинувшись на спинку скамьи, посмотрел на вечернее небо и выдохнул дым в сторону подрагивающих ранних звезд. – Знаете, чем я буду заниматься через пару лет, когда отойду от дел и вернусь в Англию? Женюсь. – Он кивнул и снова затянулся сигарой. – Найду хорошую жену. Начну ходить в церковь. Что-то в этом роде.
- Что-нибудь еще? – лениво поинтересовался Треjder.
- Я собираюсь основать приют для сирот. Всегда хотел это сделать.
- Звучит очень достойно.
- Человек при деньгах может сделать много добрых дел. – Талли снова выдохнул, после чего мудро добавил: – Разумеется, сначала требуется разбогатеть.
- Истинно так!
- Думаю, я отправлюсь на боковую. А вы?
- Пока не устал.
- Тогда спокойной ночи. – Талли поднялся с сигарой в руке. – Утром увидите, что я был прав.

Джон сидел в обнесенном стеной саду. Небо темнело, звезды напротив становились все ярче. Через некоторое время он встал, чтобы размяться, но здесь было слишком тесно, и Джон вышел на большую открытую набережную.

Пристань была пуста, хотя во многих джонках горели фонари. Он прошел мимо Американской фактории до конца набережной и присел на железный швартовый кнехт, глядя на темную воду. Пока Треjder размышлял о событиях прошедшего дня, вся правда об опиуме обрушилась с ужасной, холодной ясностью.

Все они здесь слишком долго, эти торговцы. Они не могли поверить, будто что-то пойдет не так, как раньше. Поэтому, конечно, решили, что Линь блефует.

Но они ошибались. Чем больше Треjder думал о молодом чиновнике, с которым имел беседу, тем сильнее росла уверенность, что Цзян Шижун, его начальник Линь и сам император действительно настроены серьезно. Это вопрос морали. На их стороне Небесный Мандат и сотни тысяч солдат, которых можно призвать. Без сомнения, они положат конец торговле опиумом.

Бог знает, внезапно подумал он, если бы письмо Линя перевели на нормальный английский и передали ее величеству, возможно, королева Виктория согласилась бы с его доводами. Эллиот, ее представитель здесь, уже это сделал. Джон вложил свои деньги в опиум и теперь – он не сомневался – потеряет все.

Почему он так поступил? Ради любви? Из-за собственных амбиций? Сейчас уже не имело значения. Слишком поздно. Он обхватил голову руками и раскачивался из стороны в сторону.

– Они обманывают себя. Одсток и остальные. Все кончено, – бормотал он. – Что я натворил? Господи! Что же я натворил?!

* * *

Шижун с радостью рассказал эмиссару, как на его глазах Трейдер прочел письмо и оно впечатлило варварского ученого.

– В некоторые моменты он выглядел будто громом пораженный, – доложил он.

– Давайте надеяться, что этот разговор сослужит добрую службу, – сказал Линь.

Увы! На следующее утро около сорока иностранных торговцев встретились и почти сразу постановили, что прямо сейчас не намерены сдавать опиум и им нужна почти неделя, чтобы все обдумать.

Первые Шижун видел, чтобы эмиссар злился.

– Скажите им, что я требую сдать опиум незамедлительно, – прошипел Линь, обращаясь к Шижуну. – Возьмите с собой господина Сингапура. Убедитесь, что они понимают, что, если ослушаются, им грозят серьезные последствия. Отправляйтесь прямо сейчас!

Доставив сообщение в фактории, Шижун прождал несколько часов, прежде чем смог вернуться с ответом.

– Господин эмиссар, они предлагают тысячу ящиков, но не больше.

Лицо эмиссара окаменело. Шижун подумал, уж не начнет ли он казнить виновных прямо сейчас. Линь прочел его мысли:

– Убить варваров просто, но это ниже достоинства Поднебесной. Можно изгнать их, однако император не хочет положить конец всей торговле, ведь в некоторых случаях это выгодно его народу. Император хочет, чтобы варвары признали свое преступление и то, что претензии Поднебесной обоснованны. Понимаете?

– Да, господин эмиссар.

– Отлично. Они не принимают нас всерьез. Нам нужно это исправить. – Линь кивнул. – Вызовите пару варваров, допросите их и, если они не согласятся сотрудничать, арестуйте. Это должно возыметь эффект.

– Вы говорите о каких-то конкретных варварах?

– Есть один особо наглый англичанин. Почти в каждом отчете на него жалуются. Его фамилия Дент. Но мне нужен еще кто-нибудь.

– Как насчет Одстока, того торговца постарше, с которым я встречался вчера? – предложил Шижун. – Мы знаем, что он подкупил хонга Чжоу. Он не выказывал признаков раскаяния, но мне он не показался храбрецом. Если он испугается, то может сдать опиум. Если один торговец уступит, возможно, они все уступят.

– Хорошо, – сказал Линь. – Приведите мне завтра Дента и Одстока.

* * *

На следующее утро Трейдер направлялся на набережную размяться, когда заметил толпу мужчин, поспешно пятившихся по Хог-лейн. Через мгновение он увидел, что их оттесняют китайские солдаты в синих куртках и конических шляпах, с копьями в руках. Они заполнили подход к переулку рядом с Британской факторией, но дальше не продвинулись. А на набережной китайские солдаты перегородили и две другие улицы, заблокировав выход к факториям и самой набережной.

Он рассказал Талли о происходящем, и Талли как раз натягивал сюртук, чтобы выйти и взглянуть своими глазами, когда на лестнице раздался топот. Шижун в сопровождении двух солдат с обнаженными мечами показался в узком дверном проеме, а мимо него проскользнул один из слуг фактории, чтобы передать распоряжение:

– Эмиссар Линь просит доставить к нему господина Одстока.

Одсток с достоинством встал и вежливо поклонился Шижуну, который ответил на поклон с такой же учтивостью. Если Талли и чувствовал страх, то хорошо его скрывал. Он повернулся к Трейдеру:

– Полагаю, мне лучше пойти с ними. – Он пожал плечами. – Вы можете остаться и держать оборону, пока я не вернусь.

– Вы собираетесь бросить меня здесь? – в ужас пролепетал Трейдер.

Талли, вероятно, ушел бы, но тут на лестнице снова раздался яростный топот, после чего мимо солдат со злостью протиснулся Мэтисон.

– Не вздумайте идти, Одсток! – крикнул он. – Они только что забрали еще и Дента.

– И он не сопротивлялся? – спросил Талли.

– Если быть точным, он сказал, что ему на... короче, наплевать и он будет рад высказать императору Китая все, что о нем думает.

– Очень похоже на Дента.

– Однако я убедил его никуда не ходить, а то, не ровен час, и не вернется.

Трейдер посмотрел на Шижуну, бесстрастно стоявшего в дверях, а потом перевел взгляд на Мэтисона:

– Вы думаете, они бы...

– Маловероятно, – сказал Мэтисон. – Но как только Дент окажется под стражей, в этом нельзя быть уверенным. И Бог знает, отпустят ли его и когда. В любом случае лучше нам держаться вместе. Мы не хотим, чтобы Линь обрабатывал нас поодиночке. – Он повернулся к Талли. – Не ходите.

– Ладно, – согласился Талли и повернулся к Шижуну. – Я отказываюсь.

После того как Шижун и его люди удалились, Мэтисон одарил Трейдера ободряющей улыбкой:

– Они могли бы увести Дента и Одстока силой. Хороший знак!

Но Трейдера его слова до конца не убедили.

Между тем китайские солдаты остались на улицах, отрезав путь к факториям.

На следующее утро солдаты никуда не делись. Прогулявшись вдоль набережной, Талли и Трейдер вошли в библиотеку Британской фактории, где собрались человек двенадцать их соотечественников во главе с Мэтисоном. Талли уселся в глубокое кожаное кресло.

– Хотите что-нибудь почитать? – спросил Трейдер.

– Определенно, нет.

Трейдер подошел к полкам. Кто-то оставил там «Записки Пиквикского клуба» Диккенса. Поскольку книгу опубликовали всего пару лет назад, Трейдер предположил, что кто-то читал ее по дороге из Англии и любезно преподнес в дар библиотеке по приезде. Возможно, восхитительная комедия на время отвлечет его от забот. Она и правда отвлекла минут на двадцать, пока один из мужчин, глядя в окно, не воскликнул:

– Господи, только взгляните на это!

И через мгновение все уже толпились у окна, глядя на открытую площадку внизу.

Там двигалась печальная маленькая процессия. Шестеро китайских солдат вели троих торговцев-хонгов. Все они были важными шишками, но никто не способен сохранять достойный вид с железным ошейником на шее, к которому крепилась цепь. Одним из хонгов был Джокер, чье лицо выражало страдание. Посреди открытого пространства процессия развернулась лицом к Британской фактории и остановилась. У командира в руке был бамбуковый жезл. Он стукнул Джокера по ногам сзади, отчего пожилой китаец вскрикнул и упал на колени. Двоих других бить не пришлось, они поняли намек и сами бухнулись на колени. Затем солдаты набросили цепи на плечи троих мужчин, чтобы им было тяжелее. Согнувшись так, будто гото-

вились к коутоу, трое торговцев стояли на коленях под палящими лучами солнца, а солдаты молча наблюдали за ними. Никто не двигался.

– Они собираются их казнить? – ужаснулся Трейдер.

– Нет, всего лишь пытаются нас напугать, – ответил кто-то.

– Чуть собачья! – фыркнул Талли Одсток.

– Согласен. Просто разыгрывают спектакль, – поддакнул Мэтисон.

– Тем не менее, – добавил Талли после паузы, – надеюсь, с Джокером ничего не случится, он должен мне целое состояние.

– Смею вас уверить, Линь знает про это, – сказал Мэтисон. – Самое правильное – не обращать внимания. – Он отошел от окна.

Перед ланчем Трейдер снова вернулся к окну, а потом после ланча, когда солнце светило прямо в затылок троих китайцев. После этого Талли удалился в свою комнату вздремнуть, Трейдер же сыграл в бильярд с племянником Джардина.

Ближе к вечеру прибыла китайская делегация. В этот раз они не были вооружены: магистрат, два чиновника младшего ранга, молодой Шижун и господин Сингапур. Магистрат отправился напрямик в спальню Дента, за ним по пятам следовал Трейдер, который пошел разбудить Одстока. Послание, переведенное господином Сингапуром, было очень коротким: «Господин Цзян здесь, чтобы препроводить господина Одстока к эмиссару Линю. Он останется здесь, пока господин Одсток не пойдет с ним».

Одсток довольно долго смотрел на Шижуну, а потом указал на стул:

– Присядьте, – а сам вернулся в постель.

Шижун сел, Трейдер тоже. Господин Сингапур объяснил, что ему нужно уйти, поскольку эмиссар Линь решил дополнить свое письмо королеве Виктории. В итоге он оставил двоих молодых людей сидеть в компании друг друга, не имея возможности поговорить.

Именно в эти полчаса Трейдер обнаружил впервые в жизни, как же это неприятно – не владеть общим языком. Конечно, в Индии живет бесчисленное множество людей, на языках которых он не говорит. Но все не так уж плохо. Многие индийские торговцы и образованные люди прекрасно владеют английским. А еще Трейдер часто встречал англичан, которые хорошо знали Индию и с удовольствием часами рассказывали про местные обычаи, религию и культуру.

Но Китай – совсем другое дело. Вот он сидит лицом к лицу с молодым человеком, чем-то на него похожим, который три дня назад пытался понять Джона и даже дал дружеский совет. Наверняка им придется провести еще несколько часов вместе, при этом они могли бы открыть для себя миры друг друга. Но только они не могут поговорить. Молчание разделило их так же эффективно, как крепостная стена.

У Трейдера возник порыв взять какую-нибудь вещь, любую, и жестами объяснить, что он хочет узнать ее название на китайском. Или он мог бы показывать что-то на себе: голова, руки, ноги, грустное лицо, веселое лицо – все, что угодно. Но Шижун ничем не выказывал желания пообщаться, а Трейдер припомнил, что китайцы не жалуют иностранцев, которые хотят выучить их язык. Поэтому остаток дня они просидели в крошечной тесной комнатенке и не узнали ничего нового.

Наконец свет за окном потускнел и стал оранжевым. Взглянув на карманные часы, Трейдер понял, что солнце садится. Он жестом показал Шижуну, что через некоторое время, возможно, пора ложиться спать. Но Шижун в свою очередь показал, что будет ночевать у них, если Одсток не поедет с ним. Трейдер проводил китайца в маленькую спаленку, в которой раньше спал сам, и предложил Шижуну лечь здесь. Затем он вошел к Талли и объяснил, что прикажет слугам принести из столовой ужин Талли и молодому мандарину. Когда он спустился по лестнице, Шижун даже не попытался задержать его.

Спустя полчаса, когда принесли еду, а Мэтисон любезно предложил ему занять спальню Джардина, Джон Трейдер выглянул в окно библиотеки. Красное солнце садилось на западе, а на набережной солдаты били и пинали троих хонгов, заставляя их встать. Но торговцы так долго простояли на коленях, что едва могли ходить, и одному из солдат пришлось тащить Джокера на цепи.

Солнечный свет всюду струился в окно, когда Трейдер проснулся в удобной постели Джардина. Утро воскресенья, и солнце уже довольно высоко. Он быстро выбрался из кровати. Нужно немедленно проверить, как там бедный старина Талли. Трейдер заглянул в столовую узнать, готов ли кофе, и если готов, то захватить кофейник своему партнеру. Но в этом не было необходимости. Талли Одсток собственной персоной сидел за столом.

– Ну вы и дрыхнуть! – весело заметил Талли.

– Что случилось?

– Мандарин ушел еще до рассвета. И ребята, сторожившие Дента. И большинство солдат. У нас перемирие на день.

– Почему?

– Эмиссар Линь, похоже, хочет продемонстрировать, какой он хороший человек, раз помнит «день субботний, чтобы святить его»²⁷.

Они пошли прогуляться по Хог-лейн, сделали круг по улице Тринадцати Факторий и вернулись к набережной. Вокруг по-прежнему оставалось довольно много солдат, а вот торговцев почти не видно, иначе можно было бы подумать, что все вернулось на круги своя. Час спустя двое хонгов, которых выставили напоказ в цепях вместе с Джокером, появились рядом с Британской факторией. Они выглядели усталыми, от пережитого накануне испытания остались синяки, но оба с радостью согласились перекусить. Джокер не пришел. Они сказали, что старый хонг отправился домой отсыпаться.

Ближе к полудню Трейдер заметил нечто странное. Вокруг стало слишком тихо. Все дело только в субботу? Он встретил Мэтисона, который сообщил, что его компрадор исчез. В Британской фактории почти никто не пришел на ланч.

– Плохой знак, – заметил Талли. – Слуги все узнают раньше нашего.

После ланча пришло известие, что капитан Эллиот, суперинтендант, возвращается из Макао.

– Неизвестно, когда он приедет, – сказал им Мэтисон, – даже если китайские власти пропустят его.

– А с чего им его останавливать? – спросил Трейдер у Мэтисона.

– Они могут решить нас изолировать.

– Не вижу толку от его приезда, – проворчал Талли, – если только он не приплывет на военном корабле.

Примерно в двадцать минут шестого на реке появилась гребная шлюпка – небольшое, обшитое внакрой суденышко едва ли двадцать футов в длину, на котором работали веслами с полдюжины гребцов. Сначала никто даже не обратил на нее внимания.

После полудня небо затянулось облаками, река казалась серой, но когда в облаках появлялись просветы, то на водной глади появлялись золотистые полосы. Трейдер, стоявший на берегу, первым заметил игру света на синей с золотым форме одного из пассажиров в хвостовой части гребной шлюпки, догадался, что это могло означать, и помчался предупредить Мэтисона и остальных.

---

²⁷ Исход 20: 8.

Нелегко производить впечатление, когда ты один-одинешенек выбираешься из гребной шлюпки, подумал Трейдер, но по мере возможностей Эллиоту это удалось.

Он был одет в форму морского офицера, на боку болталась сабля. Эллиот и так был высоким, а в треуголке, украшенной перьями, казался еще выше. Он выпрямился, подошел к группе торговцев, которые собрались, чтобы поприветствовать его, и объявил:

– Джентльмены, теперь вы под моей защитой!

Трейдер уставился на него с удивлением.

Чарльзу Эллиоту было около тридцати пяти, и он дослужился до капитана на британском флоте. Трейдер знал об этом, а потому ожидал увидеть прожженного морского волка, командира с суровым лицом. Перед ним же сейчас стоял один из тех бледных англичан, которые до сорока лет выглядят как школьники. У Эллиота даже щеки сияли, как у школьника, а такие бледно-голубые глаза могли бы принадлежать интеллигентному пастору. Когда Эллиот заговорил, то выяснилось, что он немного шепелявит.

И этот человек заявляет, что защитит их. Трейдеру в глубине души казалось, что Талли Одсток излишне презрительно настроен к Эллиоту, но теперь наконец стало понятно почему.

– Сегодня же вечером я созываю общее собрание всех факторий, – заявил Эллиот, – но сначала, Мэтисон, вы с коллегами должны рассказать, что конкретно здесь происходит. Пока же, – добавил он на подходе к Британской фактории, – не соблаговолит ли юный мистер Джардин удостовериться, поднят ли флаг империи на флагштоке.

Эллиот скрылся за дверью, а Трейдер остался на улице. Он решил, что ему не нужно присутствовать при разговоре суперинтенданта с Мэтисоном и остальными мужчинами постарше. Лучше он прогуляется немного в одиночестве и переварит увиденное.

Он добрался до конца пристани и присел на тот же швартовый кнехт, на котором так уныло устроился три дня назад. Трейдер лениво наблюдал, как мимо скользит китайская лодка с зажженными фонарями, и вдруг понял, что лодка повернула и плывет прямо к нему, чтобы пришвартоваться. Он встал и отошел от кнехта, не желая мешать. Лодка причалила к берегу. В ней сидел крупный мужчина с сигарой во рту. Это был Рид, американец.

– Доброе утро, Трейдер! – весело воскликнул он. – Вот решил заскочить. Не хочу пропустить все веселье. – Он сошел на берег и пожал Трейдеру руку.

– Господи, как же я рад вас видеть! – выпалил Трейдер. – У вас есть хоть какое-то представление, что произойдет?

– Ни малейшего. Закину багаж в Американскую факторию, а потом загляну к вам. У вас там есть виски?

В большом зале Британской фактории собралось не менее сорока человек, в основном британцы и американцы, несколько торговцев-парсов из Индии и представители других национальностей, а также два представителя хонга. Трейдер и Талли Одсток заняли места в заднем ряду, а рядом уселись американцы Рид и Делано.

Может, Эллиот и шепелявил, но начал свою речь с жаром:

– Господа! Вы должны быть готовы незамедлительно покинуть Кантон со всеми своими пожитками. Торговля продолжится, если потребуется, из открытого моря. Позиция китайских властей такова, что, хотя они пока и не позволили себе никаких зверств, я не могу гарантировать, что в Кантоне вы будете в безопасности.

– Насколько я понял, они запретили кому бы то ни было покидать Кантон, – заметил Мэтисон.

– Я потребую сейчас же выдать пропуска всем, кто вознамерится уехать.

– А если нам будут угрожать? – не унимался Мэтисон.

– Тогда мы возблагодарим Господа, – твердо ответил Эллиот, – что британский военный корабль стоит у Бога. Еще мне известно, что в Макао в полной боевой готовности ждут

два американских боевых корабля «Колумбия» и «Джон Адамс». Разумеется, наш военный корабль готов защитить наших друзей в Кантоне, и я надеюсь, что могу полагаться на ответную помощь американцев.

– Всецело! – громко воскликнули Рид и Делано.

Собрание закончилось. Может быть, из-за того, что Эллиот так недвусмысленно выразился, а американцы его поддерживали, Трейдер чуть воспрянул духом, когда они с Одстоком уходили.

– Эллиот говорил уверенно, – сказал он.

Но Талли лишь фыркнул:

– Британский военный корабль – тот самый, что, по его мнению, приплывет и всех нас спасет... А вы представляете, как он пройдет вверх по течению мимо китайских батарей береговой охраны?

– Нет, – признался Трейдер.

– Вот и он не представляет, – буркнул Талли и отправился в постель.

К девяти часам утра все узнали последние новости.

– Никаких пропусков. Китайцы отказали, причем категорически. Никто никуда не едет, – сообщил им Мэтисон в библиотеке фактории.

– Мы тут заперты, как крысы в бочке, – проворчал Талли.

– Китайские слуги испарились! – выкрикнул кто-то.

– Это блеф, – напомнил Мэтисон всем собравшимся. – Нам просто нужно сохранять спокойствие.

Вскоре после этого они увидели китайских офицеров верхом на небольших крепеньких лошадях, выехавших из переулков на набережную. Они направились к двум таможенным будкам, где привязали лошадей. Затем из переулков начали выходить какие-то люди. Пять, десять, двадцать – нескончаемый поток. На голове конические шляпы, одеты в свободные куртки и штаны, вооружены дубинками и пиками.

– Местная полиция, – пояснил Талли. – Предполагалось, что они подчиняются хонгу. Защищают торговый квартал. – Он фыркнул. – Линь теперь всех и вся контролирует.

Полицейские продолжали пребывать. Сто. Двести. Они выстроились в шеренгу перед каждой факторией. Прошло несколько минут, прежде чем Трейлер увидел, как с дальнего края территории факторий появился какой-то человек крепкого телосложения и направился к ним. Это был Рид.

Трейдер затаил дыхание. Рид шел перед шеренгой полицейских, те наблюдали за ним, но не двигались, и Рид беспрепятственно добрался до Британской фактории.

– Доброе утро, джентльмены! – весело поздоровался он, входя в библиотеку. – Имеется ли у вас что-нибудь съестное?

Нельзя было сдерживать улыбку в присутствии этого бодрого человека. Трейдер взглянул на него с благодарностью.

– Я тут просто наблюдал, как Делано пытается сварить себе яйцо, – добавил Рид в качестве пояснения.

– А вы умеете варить яйца? – поинтересовался Трейдер.

– Да, но куда забавнее наблюдать за жалкими потугами Делано. Могу ли я попросить хлеба и джем? А еще кофе?

– Да, пожалуйста, – отозвался Мэтисон, а потом с одобрением заметил: – Вы кажетесь очень спокойным.

– А что толку паниковать? Надо сохранять выдержку и все такое.

Прошел час. Полицейские перед факториями занимались физподготовкой. Они хотели припугнуть торговцев или ждали приказа от Линя?

В Британской фактории присутствующие по очереди дежурили у окна. Трейдер, Талли и Рид сидели в кожаных креслах, когда к ним присоединился Дент.

– Если полиция вломится сюда, думаю, нас с Талли снова арестуют, – заметил он.

– Возможно, – кивнул Рид, – но если Линь решит пересечь черту и пустить в ход грубую силу, то с таким же успехом может арестовать всех торговцев опиумом. – Он подумал немного. – Они могут пробыть в китайской тюрьме довольно долго.

– Вы предположили, что Линь контролирует своих людей, – сказал Талли Одсток, – но ведь может быть и иначе. Мне доводилось видеть бунты. Долгий жаркий день. Толпа народу. Нервы не выдерживают. А потом что-то происходит. Кто его знает, что именно. Их может спровоцировать все, что угодно.

– А потом? – спросил Трейдер.

– Они бунтуют и сжигают фактории к чертовой бабушке! – Талли мрачно покивал. – Прямо вместе с нами внутри.

Все молчали.

В тот день солнце палило нещадно, и швартовые кнехты вдоль кромки воды раскалились так, что к ним невозможно было прикоснуться. Полицейские закончили учения и установили бамбуковые навесы с циновками вместо крыши, чтобы укрыться в тени, но уходить не собирались, невзирая на пекло.

Эллиот заглянул в библиотеку, и все сгрудились вокруг него.

– Как только я встречу с эмиссаром, – сообщил он, – то состоятся переговоры.

Мэтисон представил ему Трейдера, пояснив, что Трейдер недавно прибыл. Эллиот очень вежливо ответил на поклон Трейдера и заметил, что он решил приехать в интересное время.

В тот вечер они отужинали соленой говядиной из кладовой с остатками свежих овощей. По крайней мере, в Британской фактории сохранился хорошо укомплектованный винный погреб.

Солнце село. Через окно Трейдер видел, как полицейские патрулируют набережную. Никаких изменений. Мужчины сели играть в карты, но Трейдер был не в настроении, поэтому он снова взял книгу и сумел полностью погрузиться в уморительные приключения Пиквика, но тут его отвлек голос Рида:

– Хватит читать! Давайте поболтаем! – Американец принес два бокала бренди.

– Должен признаться, я рад провести время в вашем обществе, а вот вы, должно быть, жалеете, что приехали.

– Мне нравится опасность. – Рид медитативно посмотрел в свой бокал. – Хотя я не думаю, что нам грозит какая-то особая опасность.

– Почему?

– Китайцам нужна торговля чаем. Они не заинтересованы в том, чтобы навредить торговцам чаем. Не забывайте, вы хотя и продаете опиум, но вы же покупаете чай.

– У меня есть еще один вопрос.

– Валяйте!

– Китайским властям, может, и не нравится торговля опиумом, но так продолжается уже долгие годы, и вдруг внезапно император хочет окончательно расправиться с ней. Я готов купиться на рассказы про крестовый поход во имя морали, но ведь что-то еще происходит?

– Хороший вопрос. – Рид сделал глоток бренди. – Я бы предположил, что это Мексика.

– Мексика?

– Я тут на прошлой неделе выпивал с одним морским волком в Макао, и он это объяснил именно так. Какая валюта была основной во всем мире на протяжении веков? Серебря-

ные доллары. Испанские. Восьмерики²⁸. Это единственная валюта, которой все доверяли. И большая часть серебра поступала из мексиканских рудников. Но затем Мексика становится независимой от Испании. Они чеканят собственные серебряные доллары. Неплохого качества. Но в открытом море каждый по-прежнему хочет получать испанские восьмерики, торговля расширяется, а их не хватает. За них готовы даже выложить больше номинальной стоимости. Короче говоря, приемлемой серебряной валюты для торговли не хватает. Улавливаете нить?

– Вроде как.

– Хорошо. Какая всегда была проблема с китайской торговлей?

– Что они продавали нам, а сами в ответ особо ничего не покупали.

– Именно. Полвека назад китайский император посмотрел на английские товары, предложенные на продажу, и как-то не впечатлился.

– И с тех пор особо ничего не поменялось.

– Правильно. А когда китайцы продают нам чай, как они хотят, чтобы мы им платили?

– Серебром.

– Когда ваш компрадор идет на местный кантонский рынок и покупает овощи, в ход идет мелочь, медные монеты. Но более крупные сделки, включая все правительственные налоги и расходы, оплачиваются серебром. Так что китайскому правительству всегда было нужно много денег. Они продавали нам чай, и серебро притекало в страну.

– Ага.

– А когда у нас не хватило серебра из-за дефицита восьмериков, мы придумали хитрый трюк: китайские контрабандисты будут платить нам серебром, если мы втюхаем им опиум. Круг замкнулся. Мы торгуем опиумом и платим Китаю за чай его же собственным серебром.

– То есть Китай не получает столь необходимого серебра.

– О, все намного хуже. Опиум вызывает привыкание. Покупки опиума в Китае растут намного быстрее, чем продажи чая. В результате из Китая утекает больше серебра, чем притекает. Намно-о-о-ого больше. Они истекают серебром, как кровью. – Рид пожал плечами. – Император должен что-то сделать.

– Значит, все дело в серебре! – воскликнул Треjder. – А не в чем-то еще.

– Не так быстро, Треjder. Вы спросили, почему император обрушил удар на нас. Я считаю, что у него нет выбора из-за проблемы с серебром. Но означает ли это, что он не печется о своем народе? Держу пари, он обеспокоен. Или что торговля опиумом – не грязный бизнес?

– Что вы хотите этим сказать?

– Я не верю, что все сводится к одной причине, Треjder. Черное и белое, добро против зла. В реальной жизни все не так. Историки будущего обнаружат, что сейчас одновременно происходят самые разные вещи, причем некоторые из них, возможно, и вовсе случайность. Если историки смогут вычлениить какую-либо закономерность, она, вероятно, будет сложной, постоянно изменяющейся системой, как море. – Он улыбнулся. – Бог создал Вселенную, Треjder, но это не значит, что Он создал ее простой.

На следующее утро по всей набережной расставили на столбах плакаты площадью пять квадратных футов, исписанные иероглифами. Доктор Паркер вышел прочитать, что там написано.

– Линь заявляет, что лучше проявит терпение, чем прибегнет к насилию, но мы должны сдать опиум. Если Эллиот не может контролировать британских торговцев, то ему нет смысла здесь находиться. А если он не подчинится, его поразит само Небо. – Паркер криво ухмыльнулся, глядя на них. – Может, угроза и исходит от Неба, но она вполне реальна.

– Чертовски грубо! – воскликнул Талли.

---

²⁸ Испанское песо равнялось восьми реалам, поэтому часто называлось восьмериком.

– Я бы сказал, это скорее похоже по тону на школьного учителя, отчитывающего непослушных школьников, – ответил Паркер. – Наверное, Линь видит это именно так.

Эллиот ненадолго появился в библиотеке, и Мэтисон сразу обратился к нему:

– Мы в тупике. Я собираюсь предложить Линю достаточно опиума, чтобы это устроило императора и он сохранил лицо. Четыре, может, пять тысяч ящиков. Если повезет, это поможет.

– Я запрещаю вам что-либо предлагать ему! – отрезал Эллиот.

– У вас есть план получше? – сердито проворчал Мэтисон.

– Да.

– И какой же?

Но Эллиот уже развернулся и вышел.

Он вернулся ранним вечером. Трейдер, Рид, Мэтисон и большинство британских торговцев, которые оставались на территории фактории, собрались вокруг.

– Джентльмены, ясно, что Линь не может и не намерен торговаться. Поэтому я собираюсь отдать ему весь опиум, – спокойно объявил Эллиот.

Раздался вздох изумления.

– Весь? – переспросил Мэтисон.

– Весь, что у нас есть здесь, на складах, на судах в заливе. Даже опиум под реализацию.

Все до последнего ящика.

– Мы должны отдать все Линю?! – воскликнул Дент. – Будь я проклят, если соглашусь на это!

– Нет. Вы отдадите опиум мне. А я – Линю.

Воцарилась ошеломленная тишина.

Первым заговорил Мэтисон:

– То есть вы присвоите себе опиум как представитель британского правительства?

– Верно.

– Собирается ли правительство возмещать нам убытки?

– Замысел именно такой.

Мэтисон нахмурился:

– Если сложить, то получится более двадцати тысяч ящиков с опиумом.

– Я согласен. Простите, джентльмены, но сейчас я вынужден откланяться. – И Эллиот ушел.

– Ну, по крайней мере, он вытаскивает нас из этой дыры, – пробурчал Талли. – Придется чертовски долго ждать денег, если мы их получим, но это лучше, чем ничего. – Он повернулся к Трейдеру. – Вы не согласны?

Джон Трейдер медленно кивнул. Да, если у вас такое состояние, как у Талли и Мэтисона, то можно позволить себе роскошь подождать. Но если все ваши деньги вложены в ящики с опиумом, о которых идет речь, и такую же сумму вы одолжили, это уже совсем другая история. Поскольку Трейдер не мог признаться, то ничего не сказал, просто кивнул остальным и вышел. Но, уходя, Трейдер услышал, как Мэтисон спросил, что по поводу происходящего думает Рид. Выдохнув сигарный дым, американец ответил:

– Мне кажется, сэр, ваш капитан Эллиот – хитрый сукин сын.

* * *

Две недели спустя, прекрасным апрельским днем, два британских судна двигались по заливу в направлении Бога. В полумиле с мелководья Нью с небольшого сампана, в котором сидел вместе с Морским Драконом, наблюдал за британцами, пока они плыли к пункту приема.

Нью заметил, что контрабандист посмотрел на залив, и, проследив за взглядом Морского Дракона, смог разглядеть еще два судна на горизонте. Они приплывали уже третий день, привозя свой груз эмиссару Линю, который собирался уничтожить весь сданный опиум.

– Огромные потери, – с сожалением произнес Нью. – Как думаешь, Линь действительно получит двадцать тысяч ящиков?

Морской Дракон снова перевел взгляд на два судна перед ними. Опиума на борту каждого из них хватило бы, чтобы его людям было чем заняться несколько месяцев и они неплохо заработали бы. Но Морской Дракон не ответил своему младшему товарищу. Казалось, у него на уме было что-то еще. Наконец он произнес:

– Ты стал бы мне врать, Нью?

– Нет.

– Когда ты впервые приехал сюда, Нью, остальные не хотели брать тебя в команду. Ты знал об этом? Но я сказал: «Он молод, быстро научится». – Морской Дракон сделал паузу. – Почему они меня послушали?

– Ты главный.

– А еще?

– Они доверяют тебе.

– Именно. – Морской Дракон посмотрел на воду. – Доверяют. А еще боятся меня. – Он задумчиво кивнул. – Никто из них не солгал бы мне, Нью. Ни один. Потому что в противном случае я бы их прикончил. Ты ведь знаешь об этом?

– Да.

– Когда ты только появился, мы делали хорошие деньги. Затем торговля стала падать, но мы нашли опиум, который можно было приобретать вдоль побережья. Тебе хорошо платили.

– Я тебе всем обязан.

– Теперь из-за этого проклятого Линя по всему побережью остро нуждаются в опиуме, а у нас его нет. Мы уже месяц ничего не зарабатывали, – вздохнул красивый контрабандист. – Может, стоит разъехаться по домам. Я разрешил уехать всем, кто хочет. Но возможно, все наладится. Нужно скинуться, чтобы купить еду и переждать трудные времена. Все говорят мне, сколько у них денег. – Он посмотрел на Нью. – Но когда настал твой черед, я спросил: «Почему у тебя так мало денег?» А ты ответил, что все проиграл в азартные игры.

– Это так.

Теперь Морской Дракон буравил Нью взглядом:

– Нью, ты же знаешь, почему доверие так важно! Если завяжется бой, то наши жизни зависят друг от друга. Я должен знать, что любой из моих ребят прикроет меня, а я прикрою его. Если нет, то он представляет опасность и должен умереть.

– Я тебе всем обязан, – повторил Нью.

В его кодексе чести эти слова означали только одно: он готов защищать Морского Дракона ценой жизни. Для него контрабандист был главнее всех, кроме отца и еще одного человека.

– Я видел, как ты прятал деньги, – тихо произнес контрабандист.

Нью сохранял спокойствие. Ни один мускул на его лице не дрогнул. За красный пояс был заткнут нож. Морской Дракон сидел напротив, но по диагонали. Если бы контрабандист набросился на него, то потерял бы равновесие ровно настолько, чтобы оказаться в невыгодном положении, и он должен это понимать, как и то, что Нью заметил этот факт.

Значит, он не планирует убивать меня прямо сейчас, подумал Нью, но все равно на всякий случай следил за Морским Драконом.

– Это не мои, – сказал Нью после паузы.

– Твои. Ты имеешь в виду, что ты не собираешься оставлять их у себя. Думаю, ты собрался отдать их той молодой женщине, которую просил навестить. Ту, что зовет тебя братишкой. Но зачем, Ньо? Она живет в огромном доме.

– Она вышла замуж в богатую семью, но ее родители – самые бедные крестьяне в деревне. У нее ничего за душой.

– Значит, каждую ночь перед сном ты представляешь, как приедешь и удивишь ее подарком, велишь ей спрятать деньги и сохранить для себя. Ты об этом добром деле мечтаешь? – (Ньо кивнул.) – И ты солгал мне, хотя понимал, что я убью тебя, если узнаю. – Морской Дракон повернулся и задумчиво посмотрел на Ньо. – Ты храбрый молодой человек, Ньо. Лучший из всех моих людей. – Он вздохнул. – Но я не могу позволить тебе врать мне. Что делать будем?

– Ты мне скажи. – Ньо наблюдал за пиратом, высматривая малейший намек на движение, но Морской Дракон не шевелился.

– Оставь себе то, что скопил для той женщины, – тихо сказал Морской Дракон. – Но ты отдашь мне точно такую же сумму из своих будущих заработков. И никуда от меня не денешься, пока не заплатишь. И еще: ты больше никогда не солжешь мне.

– Никогда.

– Молись всем богам, чтобы торговля опиумом восстановилась.

Ньо кивнул, а затем спокойно произнес:

– Может быть, стоит убить эмиссара Линя.

* * *

Если Джон Трейдер предполагал, что осада окончена, его ждало жестокое разочарование. Эллиот мог пообещать отдать опиум, но Линь не поверил ему на слово.

– Я отпущу вас, когда в моем распоряжении окажется последний ящик с опиумом, – сказал он англичанину. – А пока все вы останетесь в заложниках.

– Это возмутительно! – заявил Талли Мэтисону.

Но крупнейший торговец опиумом был настроен куда более философски:

– На его месте, Одсток, вы бы нам доверяли? – Он вздохнул. – Нам придется выгрузить ящики со всех судов в заливе и за его пределами. Это может занять недели.

Это был сезон между холодными сухими зимними ветрами и влажным летним муссоном. Дни стояли жаркие, по набережной летали клубы пыли, и идти было некуда. Теперь Трейдер понял, почему каждый апрель обитатели факторий так жаждут покинуть Кантон и отправиться к холмам и морским бризам на маленьком острове Макао.

Полиция и войска, пусть и не столь многочисленные, продолжали осаду. На противоположной стороне улицы Тринадцати Факторий местные кантонцы развлекались, забираясь на крыши, чтобы наблюдать за западными варварами, запертыми внизу. Слуги не появлялись уже много дней. Свежую еду трудно было раздобыть. Ощущалась нехватка воды. Стоки не смывались. Порой вонь была ужасной. Но постепенно, по мере того как тысячи ящиков с опиумом скапливались в пункте приема ниже по течению реки, эмиссар Линь облегчал суровые условия жизни западных заложников.

В начале апреля он разрешил им отправить почту вниз по реке. Трейдер написал два личных письма. Первое было адресовано Чарли Фарли. Он рассказал другу о произошедшем, выразил уверенность, что они получают компенсацию от британского правительства, хотя сам не был в этом так уж уверен, и передал привет тетушке Чарли.

Второе письмо далось ему труднее: он не осмелился написать самой Агнес Ломонд, но написал ее матери.

Он выбрал правильный тон: уважительный, дружелюбный, откровенный. Принимая гостей, миссис Ломонд хотела бы показать друзьям, что получает сведения о положении в

Китае из первых рук, поэтому следил, чтобы описывать все точно. В то же время он раздул опасность осады, восхвалял хладнокровие Эллиота и торговцев, в том числе и себя самого. А еще, для ушей полковника, он ясно дал понять, каким оскорблением стало это нападение для всей Британской империи – оскорблением, которое нельзя стерпеть. Треjder закончил письмо вежливым вопросом о здоровье всех членов семьи и пожелал всего наилучшего всем Ломондам, включая Агнес.

Почему он написал это письмо? Ведь шансов, что он когда-либо попросит руки Агнес, почти не осталось. Так разве не было письмо пустой тратой времени? Самому себе он объяснил, что это дань вежливости. Нужно сохранить в британском сообществе репутацию человека безупречного воспитания. Но это не вся правда. Глубинный инстинкт выживания настойчиво рекомендовал никогда не сдаваться. Нельзя опускать руки. Даже когда кажется, что игра окончена.

В тот день, когда Джон отправил письма, Линь позволил слугам вернуться. Примерно в середине месяца несколькими моряками, оказавшимися в ловушке в осаде, разрешили уехать. Но торговцам предписано было остаться.

Что произойдет, когда им наконец позволят уехать? Прекратится ли торговля с Китаем? Действительно ли британское правительство компенсирует им убытки? Никто не мог точно сказать.

Однажды тихим днем Треjder вошел в библиотеку Британской фактории. Талли пошел к себе, чтобы прикорнуть после ланча. Многие торговцы сделали то же самое, и библиотека опустела, если не считать одного весьма элегантного человека, заснувшего прямо в глубоком кресле.

Это был суперинтендант Эллиот собственной персоной.

Стараясь не беспокоить спящего, Треjder устроился в кресле в другом конце комнаты и открыл «Записки Пиквикского клуба» Диккенса. Через несколько минут его так увлек забавный рассказ, что он даже забыл, что не один.

Джон дошел до знаменитого описания выборов в Итансвилле. Сначала он хихикал, затем захохотал, а через две минуты уже плакал от смеха.

Он смутился, обнаружив у кресла суперинтенданта Эллиота, который заглядывал через плечо, чтобы увидеть, что Треjder читает.

– А-а, – дружелюбно произнес джентльмен. – «Записки Пиквикского клуба»! Превосходно.

– Прошу прощения, сэр, – пробормотал Треjder. – Я не хотел вас будить.

– Все в порядке. Я уже проснулся. – Он по-свойски сел напротив Трейдера. – Рад, что вы находите, над чем посмеяться. Сейчас трудные времена, а вам еще тяжелее, чем джентльменам постарше, как мне кажется.

– Крупные торговцы типа Джардина и Мэтисона смогут пережить этот шторм, сэр. У них огромные ресурсы, которых нет у меня.

– Знаю, – закивал Эллиот. – Мне жаль.

Через пару минут Треjder добавил:

– Я понимаю, что вам нужно вытащить нас из этой передрыги, но смею спросить, если вы, конечно, сможете ответить: как вы считаете, я получу компенсацию?

– В итоге получите, но ждать придется очень долго.

– Я боялся, что вы так и скажете.

– Если это послужит вам утешением, – мягко произнес Эллиот, – то Джардин сейчас уже почти добрался до Лондона. И письмо от Мэтисона окажется в его руках одновременно с моим докладом британскому правительству. Джардин будет обрабатывать министров, включая самого Палмерстона. Опиумное лобби в парламенте сильное. И поскольку я забрал у вас опиум

от имени правительства и передал Линю, это становится делом правительства. Им придется что-то делать. Вы понимаете?

– Думаю, да. – Все довольно логично, однако по какой-то неясной причине Трейдеру казалось, что в головоломке все еще не хватает какого-то элемента, и он нахмурился. – Могу я задать еще один вопрос?

– Безусловно.

– Просто я нечаянно слышал, как Рид сказал одну странную вещь, когда вы объявили, что сдадите весь опиум, а мы получим компенсацию.

– И что же он сказал?

– Я процитирую его слова, заранее прошу извинить меня. Он сказал, что вы хитрый сукин сын.

– Да неужели? – Эллиот выглядел довольным.

– Я спросил его, что это значит. Он ответил, что я сам все узнаю, но я не уверен.

Эллиот помолчал, задумчиво рассматривая Трейдера.

– Если я поделюсь с вами конфиденциальной информацией, Трейдер, вы дадите мне слово, что никому не передадите мои слова? Ни вашему партнеру Одстоку, ни Риду, ни одной живой душе?

– Обещаю!

– Во сколько вы оценили бы двадцать тысяч ящиков с опиумом?

– По меньшей мере в два миллиона фунтов стерлингов. Возможно, больше.

– И вы думаете, что у британского правительства есть столько наличных денег?

– Я не знаю.

– У правительства их нет. А если бы и были, то они не дали бы. Так откуда же деньги?

– Я не знаю.

– От самих китайцев. Мы должны заставить их заплатить.

– Вы говорите про войну?

– Война – громко сказано. Китай огромен, а тут тьма народу. О сухопутной войне не может быть и речи. Но береговая оборона устарела, военные джонки, которые мы видели, неуклюжи и плохо вооружены. Любой британский военный корабль разнесет их в щепки. Вот что мы должны делать. Проще говоря, мы должны сбить их с толку.

– А потом? – спросил Трейдер.

– Знаток истории Китая говорят, что для китайцев обычная практика – откупиться от неприятностей, если есть такая возможность. Их империя древняя и закрытая. Пока все возвращается на круги своя, им все равно. Но они ненавидят терять лицо. Я считаю, что, вместо того чтобы потерять лицо и потопить еще больше своих кораблей и разбить береговые батареи, они согласятся на скорейшие условия перемирия. Естественно, туда включают торговые уступки и репарации, которые можно направить для возмещения наших военных расходов и компенсацию нашим торговцам за опиум. Мистер Рид проницателен, и он прав. – Эллиот улыбнулся. – Британской империей правит флот.

Итак, Эллиот замыслил войну между своей страной и Китаем.

Трейдер был под впечатлением. Он привык к высокомерным военным, опытным местным чиновникам и циничным торговцам Калькутты, но это было его первым настоящим знакомством с холодным, безжалостным дипломатическим интеллектом, который стоял за всем происходящим.

Но мне это мало чем поможет, подумал он. Моя единственная надежда даже не на британское правительство, а на будущую войну против огромной империи, которой может и не случиться и в исходе которой, что бы там себе ни считал Эллиот, нельзя быть уверенным.

– У меня последний вопрос, – сказал он. – Вы знаете, что эмиссар Линь написал письмо королеве. Оно написано на корявом английском, но его аргументы достаточно ясны. Что, если ее величество согласится и встанет на сторону Китая?

Эллиот пристально посмотрел на него и улыбнулся.

– Мой дорогой Треjder, ради всего святого, что заставляет вас думать, что письмо ей покажут?! – мягко спросил он.

В начале мая войска и полиция покинули набережную. Но Мэтисон, Дент, Одсток и большинство английских торговцев все еще оставались заложниками до тех пор, пока весь обещанный опиум не сдали китайцам. Только на последней неделе мая пришло известие: «Линь получил свои двадцать тысяч ящиков».

Но все же эмиссар на этом не успокоился, у него появилось еще одно требование.

– Этот проклятый Линь хочет, чтобы мы подписали обязательство, что ни в одном грузе, который в будущем мы ввезем на территорию Китая, не будет опиума. Любой экипаж, у которого обнаружат опиум, арестуют, – сказал Талли.

– Это логично, – отозвался Треjder, – после того, с каким трудом он уничтожил весь опиум в этом сезоне.

– Будь я проклят! – пробурчал Талли. – Насколько я знаю, он использовал бы это основание, чтобы арестовать меня. Осмелюсь предположить, что меня бы даже казнили. Он потребовал, чтобы Эллиот подписал обязательство, выступив таким образом гарантом всех требований Линя. А Эллиот отказывается даже смотреть на бумаги.

Настоящим сюрпризом стало то, что через два дня Мэтисон как бы невзначай сообщил, что он подписал обязательство.

– Какого черта?! – возмутился Талли.

– Чтобы выбраться отсюда, Одсток.

– И вы намерены сдержать слово?

– Определенно, нет, – улыбнулся Мэтисон. – Лично я подписал обязательство исключительно под принуждением, так что это не в счет.

– Черт возьми! – протянул Талли с невольным восхищением.

Еще несколько человек подписали обязательство. Однако Эллиот так и не подписал. Но больше никаких требований не выдвигалось. Возможно, Линя это не беспокоило, ведь в глазах императора, что немаловажно, Линь уже победил.

Британские купцы начали уезжать. Однажды Треjder стал свидетелем того, как портрет бывшего короля упаковали и унесли на набережную. В другой день он видел, как один торговец погрузил свои запасы – сорок ящиков вина – в лодку и отправился в путь. Однако, когда Талли сказал, что они уезжают следующим утром, Треjder сообщил, что присоединится к своему партнеру в Макао несколько позже.

– Рид и кое-кто из американцев задержатся тут еще на пару дней. Я приеду с ними.

Талли выглядел слегка удивленным, но не стал возражать.

По правде говоря, Джон не мог заставить себя уехать. Ему было где остановиться в Макао. Талли предложил Треджеру комнату в своем доме. Это не проблема.

Джона Треждера сдерживала смутно маячившая перспектива банкротства. Как он мог позволить себе даже самую скромную светскую жизнь в Макао? Что он мог сказать о себе женам и семьям торговцев, чтобы не соврать? Дело в том, что он предпочел бы прятаться от мира, чем вращаться в нем.

Если бы я мог, то лучше провел бы все лето в одиночестве в фактории, подумал он.

Поскольку это было невозможно, Треjder начал предаваться другой мечте. Что, если он сбежит? Можно написать кредиторам, сказать, чтобы они потребовали вернуть долги из

государственной компенсации, когда ее выдадут, а затем с чистой совестью он возьмет все наличные деньги, что у него были, и исчезнет.

Мир огромен. Письма, отправленные из Индии на самых быстрых судах, по-прежнему добирались до Англии несколько месяцев. Если бы его кто-нибудь и попытался искать, на это ушли бы годы.

Но куда податься? Скитаться по свету, как Рид? Можно было бы устраиваться на работу тут и там. Или даже отправиться в Америку. Кто знает, не исключено, что он сколотит там состояние.

Так странно! Еще совсем недавно Трейдер мечтал поселиться с Агнес в шотландском поместье. Теперь мысль о том, чтобы жить как перекасти-поле, без корней, без связей, почти без идентичности, внезапно показалась привлекательной. Освободиться от обязательств. Делать то, что душе угодно. Свободно заводить женщин в любом уголке мира. Мечта многих молодых людей.

Рид, похоже, любил подобную жизнь. Возможно, они могли бы какое-то время путешествовать вместе.

Прошло несколько дней. Все британцы уехали. Миссионер доктор Паркер пока оставался в своей импровизированной больнице, но фабрики закрывались. Наконец Рид сказал Трейдеру, что он тоже уезжает в Макао и Трейдеру стоит отправиться вместе с ним.

– Но для начала, мой юный друг, вы присоединитесь ко мне и еще нескольким друзьям в увеселительной поездке.

– Хорошо. А куда мы поедем?

– Сами все увидите.

* * *

Солнце сияло над водами залива, когда Шижун гордо стоял рядом с эмиссаром Линем, наблюдая за уничтожением опиума.

С каждым днем его восхищение эмиссаром росло. Дело было не только в его моральной силе, поскольку Линь определенно оправдал свою репутацию благопристойного конфуцианца. В одиночку, не пролив ни капли крови, он заставил варваров сдаться. Но не менее впечатляющей была и его скрупулезность. Манера его управления внушала трепет.

– Остановить торговцев наркотиками – только первый шаг, – объяснил он Шижуну. – Мы должны избавить наш народ от дурной привычки.

По всей провинции проводились облавы на опиумные притоны. В самом Гуанчжоу были конфискованы горы трубок с опиумом высотой более десяти футов.

– Даже этого недостаточно, – заявил Линь. – Мы должны найти способы помочь наркоманам избавиться от тяги к наркотику. Говорят, есть какие-то эффективные снадобья из слив или цветов ивы и персика. Поспрашивайте, – приказал он, – не сможете ли узнать, что они собой представляют. Если лекарства не помогут, наркоманов можно запереть за решеткой и запретить принимать наркотики до полного излечения.

Слухи о впечатляющих результатах Линя уже достигли ушей императора. Однажды на глазах Шижуна эмиссару доставили подарок из Пекина. Он прибыл в великолепном футляре, и Линь сначала девять раз исполнил коутоу перед этим футляром, поскольку его касалась рука Сына Неба, затем открыл и радостно ахнул.

– Это мясо! Оленина! – воскликнул он. – Вы же понимаете, что это означает?

Китайцы писали иероглифами, которые выражали идею, а не звучание, но в речи очень многие слова произносились похоже, что давало пищу для игры слов. На разговорном мандаринском слово «олень» звучало так же, как слово, обозначающее успешную карьеру.

– Поздравляю, господин эмиссар, – тихо произнес Шижун. – Повышение по службе вам обеспечено.

Линь кивнул. Он был слишком переполнен эмоциями, чтобы говорить.

План Линя по уничтожению двадцати тысяч ящиков с опиумом был настоящим шедевром. С этой целью он выбрал место, где небольшая река впадала в Жемчужную. Там уже был огромный склад, в котором ящики с опиумом стояли длинными рядами. Ближе к берегу Линь начал строить, вернее, копать.

Он распорядился вырыть огромную яму – двадцать пять ярдов на пятьдесят. Потом вторую и третью. Ямы были всего несколько футов глубиной. День за днем небольшая армия рабочих укладывала каменные плиты на дно каждой ямы. Затем они обшивали стены бревнами и устанавливали трубы для подачи пресной воды из речушки и шлюзы, чтобы содержимое каждой ямы вытекало в реку, откуда прилив уносил его ежедневно в море. Через каждую яму Линь распорядился перебросить широкие деревянные мостки.

В то же время на телегах доставили мешки с солью и известью и сложили под навесами. А еще Линь приказал соорудить небольшую приподнятую платформу, с которой можно было наблюдать за происходящим. К началу июня все было готово.

Но прежде чем приступить, нужно было выполнить одну важную обязанность, которая послужила для Шижуна еще одним доказательством благочестия его начальника. Вместе со своими подчиненными Линь отправился в местный храм, где молились рыбаки. Сделав подношения, он с глубокими извинениями предупредил морское божество, что вынужден сбросить большое количество опиумных отходов в океан, и умолял приказать всем рыбам уплыть подальше от опасного места.

В то утро они уже час как трудились, когда к ним явились американцы. Они попросили об аудиенции пару дней назад, и их просьбу удовлетворили.

– Американские варвары могут прийти, – заявил Линь. – За исключением некоторых, типа Делано, они, в отличие от английских варваров, почти не промышляют контрабандой опиума и представляют меньшее из зол.

Шижун привел с собой господина Сингапура на случай, если эмиссар пожелает поговорить с посетителями.

Они стояли на платформе с видом на выкопанные ямы. Линь был одет в простой халат, без знаков чиновничьего ранга, и в обычную коническую шляпу. Слуга держал высоко над его головой зонтик на длинном шесте.

На мостках рабочие растаптывали черные шарики опиума в порошок, чтобы затем сбросить получившуюся массу в воду. Они уже избавились от содержимого двадцати ящиков, а Линь намеревался уничтожить в восемь раз больше только за сегодня.

Пока американцы пробирались через обломки ящиков, которыми была завалена вся прилегающая территория, эмиссар Линь нахмурился.

– Я дал разрешение на трех посетителей. А пришли четверо, – резко сказал он.

Шижун посмотрел на варваров. Какое-то время их лица было трудно разглядеть из-за слишком яркого света, но потом он узнал Трейдера.

– Господин эмиссар, четвертый – английский ученый, о котором я вам говорил. Велите его отослать?

– Ученый? – задумчиво переспросил Линь. – Пусть подойдет.

Все четверо низко поклонились, им разрешили встать в нескольких футах от эмиссара, чтобы наблюдать за работой. Рабочие сбросили опиум в ближайшую огромную яму и добавили известь и соль. После этого другие рабочие спрыгнули в яму и начали перемешивать это месиво веслами. Вокруг распространился едкий запах. Шижун с удовольствием наблюдал, как посетители закрывали нос и морщились. Даже эмиссар позволил себе криво улыбнуться. Он и его люди привыкли к этой вони.

– Варвары пожалели, что пришли, – хмыкнул он, но, когда варвары более или менее пришли в себя, распорядился: – Приведите английского ученого.

Господин Сингапур перевел. Шижун наблюдал за происходящим. Эмиссар был очень добр.

– Эмиссар Линь слышал о вас. Хотя вы и торговец, но сдавали у себя в стране экзамены. Вы ученый. Даже слышали о Конфуции.

– Это правда, – ответил Треjder с вежливым поклоном.

– Эмиссар верит, что вы не лишены моральных принципов. Как видите, мы уничтожаем наркотик, который ваши соотечественники привезли, чтобы отравить наш народ, и господин эмиссар надеется, что они усвоили урок. Эмиссар спрашивает, не стыдно ли вам того, что они сделали.

Треjder ответил не сразу, он выглядел задумчивым.

– Стыдно, – наконец произнес он.

– Эмиссар рад слышать это. Ваш ответ доказывает, что у вас доброе сердце и высокие нравственные принципы. Он спрашивает, помните ли вы письмо, которое он написал вашей королеве.

– Да.

– Письмо стало даже лучше. Эмиссар отправил две копии, но не знает, передадут ли их вашей королеве. У него нет доверия.

– Я думаю, она их увидит, но откуда я могу знать.

– Эмиссар спрашивает, знакомы ли вам честные ученые в вашей стране.

– Определенно. Мои учителя в Оксфорде – честные люди.

– Эмиссар желает, чтобы вы взяли копию его письма и отправили своим знакомым честным ученым, чтобы передать королеве. Вы это сделаете?

И снова Треjder замаялся, а потом твердо ответил:

– Это большая честь, и я сделаю все возможное, чтобы письмо доставили королеве. – Он склонил голову. – Даю слово.

Эмиссар Линь выглядел очень довольным и велел Шижуну дать Треджеру копию письма. Через некоторое время варвары ушли.

– Как думаете, он действительно раскаялся? – спросил Линь Шижуну.

– Трудно сказать, господин эмиссар, но, кажется, да.

Линь кивнул. Шижун видел, что его начальник тронут, и это ему в нем нравилось.

– Похоже, – задумчиво сказал Линь, – что Владыка десяти тысяч лет²⁹ может научить добродетели даже варваров.

* * *

На следующий день, когда Треjder и Рид отправились в Макао. Их лодка проплывала то место, где опиумные отходы смывали в залив. Рид повернулся к своему юному другу и тихо заметил:

– Вы понимаете, что дали Линю слово, что доставите письмо?

– Я перепугался, что он не выпустит меня из Кантона, пока я не соглашусь со всем, что он скажет, – признался Треjder.

– Допустим. Но как бы то ни было, вы дали слово.

---

²⁹ Владыка десяти тысяч лет – титул, который использовался при обращении к императору.

* * *

Через час ребенок появился на свет. Деревенская повитуха находилась в доме Лунов с прошлой ночи. Ива долго не могла разродиться. Мэйлин и Матушка помогали. Когда наконец все случилось, акушерка передала младенца Матушке. Ребенок плакал, но тихонько. Все молчали. Усталая Ива посмотрела на свекровь, а потом запрокинула голову; ее глаза ничего не выражали.

Она родила вторую девочку.

В тот день в доме было очень тихо. Никто даже мимо шмыгнуть не смел. Все в деревне, конечно, знали новости. Те, кто мог бы зайти по делам, боялись встретить гневное лицо хозяйки дома. Слуги с головой ушли в работу. Никто не обсуждал, удачный день или нет, и не делал предсказаний относительно характера новорожденной.

Мэйлин вымоталась и попросила Матушку отпустить ее отдохнуть ненадолго. Та ответила согласием. За последний месяц живот стал просто огромным, а Матушка была более заботливой, чем когда-либо, почти не позволяла ей работать и даже не ругала, если Мэйлин делала что-то не так.

Немного переведя дух, Мэйлин зашла к Иве. Та не спала, но выглядела бледной и подавленной. Малышка, завернутая по традиции в белую ткань, которую прислала мать Ивы, лежала в бамбуковой колыбельке рядом с кроватью матери. Мэйлин рассмотрела ребенка. У девочки на головке был небольшой пушок. Возможно, она похожа на Иву. Трудно судить.

– У тебя пара дней на отдых, сестрица, – улыбнулась Мэйлин.

После этого должна была приехать мать Ивы с одеждой для малышки и подарками.

Ива, казалось, даже не слышала.

– Теперь я знаю, каково это – быть тобой, – наконец сказала она.

– О чем ты?

– Когда я вышла за сына Лунов, со мной тут обращались со всеми почестями, поскольку мой отец богат, а с тобой не были так милы.

– Ничего другого я и не ожидала. Мне повезло выйти за Младшего Сына. Он ко мне очень хорошо относится.

– Я была добра к тебе?

– Очень.

– А я уверена, что не была достаточно добра. Прости, сестрица. – Ива вздохнула. – Ну а теперь я испытала то же самое на собственной шкуре. У меня нет сына, зато родились две девочки. Матушка недавно заходила и почти со мной не разговаривала. Она смотрела на меня как на грязь. Как только я приду в себя, то в следующий раз, когда сделаю что-то не так, она мне всыплет. Вот увидишь.

Через некоторое время Ива сказала, что устала, и Мэйлин ушла.

Но то, что Мэйлин увидела в тот вечер, заставило ее подумать, что Ива может ошибаться насчет Матушки. Солнце уже садилось, когда ребенок проснулся и начал попискивать. Мэйлин сидела в тени за невысоким апельсиновым деревом, когда свекровь вышла с младенцем. Она ходила взад-вперед по двору, нежно покачивая малышку, и Мэйлин слышала, как свекровь приговаривала:

– Вот, моя красавица. Спи, бедняжка.

Мэйлин показалось, что голос Матушки, обращенный к крошечной внучке, настолько полон нежности, что не пройдет много времени и она простит Иву за то, что родилась еще одна девочка. Младенец вскоре заснул, и свекровь вернулась в комнату Ивы. А затем и Мэйлин отправилась к себе, легла рядом с мужем и сама погрузилась в сон.

Утром она проснулась и с удивлением увидела, что Младший Сын стоит рядом с трагичным лицом.

– Девочка умерла ночью, – сообщил он.

– Умерла? Что ты имеешь в виду?

– Должно быть, перестала дышать. Такое иногда случается.

Мэйлин вскочила и побежала к Иве. Ребенка не было. По щекам Ивы струились слезы.

– Что случилось?! – воскликнула Мэйлин. – Как это произошло?

Взгляд, которым одарила ее Ива, был ужасен. В нем смешались гнев, горечь и беспомощность.

– Может, теперь Матушка простит меня, – глухо произнесла она, – раз ребенок умер.

В тот день Мэйлин изначально собиралась к родителям. Она засомневалась, стоит ли идти, но Матушка сказала:

– Если хочешь, иди!

Мэйлин пришла к родителям в полдень и пробыла у них пару часов, а когда вернулась, Матушка сидела в одиночестве посреди пустого двора под апельсиновым деревом. Она выглядела мрачной. Жестом велела Мэйлин сесть на скамеечку напротив, Матушка какое-то время молча смотрела на нее, а потом наконец попросила:

– Расскажи, какие слухи ходят в деревне. – Мэйлин замялась, но Матушка приказала: – Говори правду! Выкладывай все.

– Говорят, что мы убили ребенка.

– Мы?

– Наша семья.

До Мэйлин и раньше доходили истории про девочек, рожденных в бедных семьях, которые не могли их прокормить или у которых и так уже было слишком много девочек. О новорожденных, которые незаметно исчезли. Утонули они, задушены или просто умерли внезапно естественной смертью, как часто случается с младенцами? Кто знает. И она предположила, что те, кто знал, вероятно, не говорили. Она никогда не слышала, чтобы подобное происходило в их родной деревне. Такие вещи творятся в другой деревне или даже в провинции, а не в вашей собственной. Но люди все равно об этом судачат.

– То есть они говорят, что это я сделала, – категорично заявила Матушка.

Мэйлин не ответила. Этого и не требовалось. Матушка вздохнула:

– Они меня боятся. А ты думаешь, что это сделала я?

Мэйлин вспомнила выражение лица свекрови, когда та укачивала малышку.

– Нет, Матушка.

– Хорошо, – кивнула свекровь. – Я этого не делала.

Это должен был быть конец истории.

Однако на следующую ночь Мэйлин внезапно проснулась и так резко села в постели, что разбудила Младшего Сына.

– Что такое? – пробормотал он.

– Мне приснился кошмар. Просто ужас!

– Расскажи.

– У меня родился ребенок, но не мальчик, а девочка. – Она смотрела в отчаянии прямо перед собой. – А потом Матушка взяла его и... – Она прижала руки к животу, словно могла защитить ребенка в своем чреве. – Взяла и убила.

– Она ни за что бы так не сделала. Ты же знаешь.

– Да, знаю. – Мэйлин покачала головой.

Но на самом деле она не знала. В этом-то вся проблема.

– Людям снятся кошмары, – сказал Младший Сын. – Зачастую это просто самое ужасное, что они могут представить. Это естественно. Но кошмар не становится от этого реальностью.

– Все в деревне думают...

– Я знаю. Это глупо. Они просто боятся ее.

– И я тоже.

Младший Сын обнял ее за плечи:

– Я не позволю, чтобы с нашим ребенком что-нибудь случилось. Обещаю. А теперь ложись-ка спать.

Но ей было не уснуть.

Макао

Июнь 1839 года

У Рида в Макао была женщина. Иными словами, он снимал у нее комнату и был единственным квартирантом. Ее муж, голландский капитан, умер много лет назад.

Рид нашел жилье почти сразу же по прибытии. Через некоторое время съездил вверх по побережью с Макбрайдом и Трейдером, затем вернулся к вдове и снова уехал, чтобы отправиться в Кантон. Конечно, он не ожидал, что так долго будет заперт в Кантоне, но вдова не принимала других постояльцев, и комната ждала Рида, когда он вернулся.

Незадолго до отъезда Рида в Кантон благонамеренный, но излишне любопытный член здешней общины подошел к нему на улице и заявил, что неприлично открыто жить в грехе с местной жительницей. Мгновение спустя он пожалел о своих словах.

Рид повернулся к нему и достаточно громко, чтобы его могли услышать другие прохожие, заявил:

– Вы предлагаете, сэр, честную вдову, которая, чтобы сводить концы с концами, сдает комнату уважаемому человеку, обвинить в непристойности? Вы так говорите о каждой домовладелице, сдающей жилье?

– Нет, конечно, сэр, – возразил джентльмен, – но вы ее единственный постоялец, и вы должны согласиться...

– Я ничего вам не должен, сэр! Если бы у нее было шесть жильцов, вы бы ходили по городу и распускали слухи, что она блудит сразу с шестерыми?

– Ни в коем случае...

– Знаете ли вы о законах, карающих за клевету, сэр? Должен ли я обратиться в суд, дабы защитить имя невинной женщины? Или отхлестать вас прямо здесь?! – яростно крикнул Рид.

Добропорядочный джентльмен поспешил прочь, а весь Макао еще час смеялся. Больше Рида никто не беспокоил по поводу его квартирной хозяйки.

Трейдер услышал эту историю от Талли в тот самый день, когда они прибыли на остров.

– В Кантоне вы и словом не обмолвились, что у вас тут женщина, – сказал Трейдер на следующее утро Риду.

– Трейдер, приличный человек никому не рассказывает о своих женщинах. – Рид сурово посмотрел на него. – Женщина должна верить, что мужчина не станет болтать лишнего. – Затем он улыбнулся. – Найдите себе хорошую женщину. Это то, что вам нужно.

На португальском острове в Южно-Китайском море царил средиземноморская атмосфера: скромные холмы Макао усеивали крошечные старинные форты, скорее живописные, чем угрожающие.

Это место знало славные дни. Два с половиной века назад, в расцвет династии Мин, еще до того, как в Риме возвели великолепный собор Святого Петра, иезуиты построили прекрасный каменный храм Святого Павла на вершине холма в самом сердце Макао, чтобы провозгласить могущество католической веры даже в Азии. Его видно было с расстояния двадцати миль, как и иезуитский форт с пушкой, расположенный на холме.

Но слава Макао канула в Лету. Совсем недавно огромная церковь сторела, уцелел лишь южный фасад, теперь одиноко стоящий на вершине холма, словно огромная театральная декорация, и сияющий на рассвете и в лучах заходящего солнца, но тем не менее он бездействовал.

Джону Трейдеру нравился Макао. Квартира, где он обосновался с Талли, находилась в переулке, сразу за авенидой де Прайя-Гранде, изгибавшейся вдоль широкой бухты. В первый

день он гулял с Талли по набережной. Вереница прелестных домиков, в основном оштукатуренных в португальском стиле – одни белые, другие выкрашенные в яркие тона, в красный, зеленый или синий, – весело смотрела на вымощенную камнем улицу, волнорез, каменистый пляж, на джонки с квадратными парусами, бороздящие мелководье, и на мачты изящных европейских кораблей, стоящих на якоре, а вокруг пахло морской солью и водорослями.

– Я счастлив, что мы сняли квартиру здесь, – объяснил Талли. – Можно каждый день гулять по набережной без необходимости пыхтеть и карабкаться по холмам.

Над набережной, на склонах, португальские улицы уступили место оштукатуренным виллам и британским колониальным резиденциям.

Макао по-прежнему называли островом, хотя в наши дни узкая песчаная коса соединяла его с материком. Это был международный порт, но, поскольку гавани требовали углубления дна, здесь могли плавать только мелкие местные джонки, а европейские суда обычно ставили якорь в более глубоких водах – на рейде.

Но действительно важным было то, что, хотя португальские губернаторы веками управляли Макао, он по-прежнему принадлежал императору Китая.

– Вы должны понять, – сказал Трейдеру Талли, – что Макао – пример типично китайского компромисса. Если здесь и идет торговля опиумом, а она идет, просто в небольших количествах, португальский губернатор хранит это в тайне. Конечно, португальцы – католики. Но вы можете быть чертовски уверены, что губернатор велит миссионерам-иезуитам с осторожностью проповедовать среди местных. Китайские власти не любят, когда их сограждане переходят в другую веру, даже в Макао. Тем не менее, – подытожил он, – пока губернатор проявляет хотя бы капельку здравого смысла, китайцы особо не трогают Макао. До сих пор он был для нас довольно безопасным убежищем.

Официально начался сезон дождей, но погода все еще стояла прекрасная, как в лучшее английское лето. Трейдер был рад вдохнуть полной грудью соленый морской воздух и снова обрести свободу.

Его беспокоило только одно: привезенное из Кантона письмо Линя королеве Виктории.

Он задавался вопросом, что делать с письмом. Отдать Эллиоту? Это самое простое решение. Трейдер очень сомневался, что Эллиот отправит его, но зато тем самым Трейдер снимет с себя ответственность. Конечно, если он действительно намеревался выполнить обещание, данное эмиссару, то должен отправить письмо доверенному лицу в Англии. Кому-нибудь из профессоров в Оксфорде, кто вхож ко двору. Или можно сжечь письмо и забыть обо всем. Через неделю он решил просто положить его в сейф, который стоял под кроватью.

Англоязычное сообщество в основном составляли семьи торговцев, кроме того, здесь жили и миссионеры, учителя и ремесленники, хотя их было немного. Трейдера, как холостяка, приглашали повсюду, и никто не ожидал, что он ответит любезностью на любезность. Британские и американские семьи умели развлекаться: карты, музыка, любительские театральные представления и прогулки вверх по холмам, откуда открывался прекрасный вид, или вниз по равнине Кампу к северу от города. Трейдер прекрасно проводил время и почти не тратил деньги. Раз в неделю они с Ридом встречались, чтобы выпить в любимом баре Рида на набережной.

Несмотря на совет Рида, Трейдер с осторожностью подходил к поиску женщины. В некоторых англоязычных семьях были девушки на выданье. Однако Трейдер был осмотрителен. В конце концов, он сейчас и не имел возможности ухаживать за кем-либо из них. Дав понять, что его дама сердца осталась в Калькутте, он сделался уважаемым, безопасным и довольно интересным как для молодых леди, так и для их матерей, что его вполне устраивало.

Как и в любом порту, в Макао было несколько борделей. Но Трейдер всегда был несколько разборчивым, кроме того, боялся подцепить какую-нибудь нехорошую болезнь. Две замуженные дамы, жены торговцев, прозрачно намекали, что не прочь узнать его получше. Но

в небольшом сообществе такие связи сулили неприятности. Меньше всего ему было нужно, чтобы обозленные мужья усугубили уже имевшиеся проблемы. Так что пока он просто обходился без женщин.

В итоге Трейдера беспокоили только долги. В пылу светской жизни ему обычно удавалось не думать о них. Но полностью позабыть не выходило. Если Треjder просыпался ночью, проблема настойчиво лезла в голову.

Лежа без сна, он, казалось, слышал, как в первый рабочий день каждого месяца медленно-медленно капает платеж с его банковского счета в далекой Калькутте, уничтожая его состояние. Заснуть уже не получалось.

И вот однажды ночью Трейдера приснился сон. Он пересекал веревочный мост над какой-то бескрайней пропастью, оглянулся и, к своему ужасу, увидел, что деревянные доски, по которым он только что шел, отрываются и падают одна за другой. Пospешив вперед, он снова оглянулся и осознал, что падающие доски почти догнали его. А потом внезапно доски под ногами исчезли, и он полетел в бездонную пустоту.

Двумя днями позже кошмар вернулся, и, проснувшись с криком, он до рассвета пролежал в полном душевном раздоре. После этого чувство страха навещало его все чаще и чаще, и он ничего не мог с этим поделать. Его секрет намертво приклеился к нему и шагал рядом, близкий, как друг, и смертельный, как враг. Иногда Треjder чувствовал себя настолько подавленным, что приходилось силой вытаскивать себя из постели. Но ему всегда удавалось сделать веселую мину, чтобы продемонстрировать ее миру. Он даже гордился, что мастерски скрывает страхи.

Так тянулись дни, и Джон Треjder, постоянно размышлявший обо всем на свете, даже не осознавал, что он одинок.

Шла третья неделя июня, когда он побывал на старом кладбище. Влажная жара, свойственная сезону дождей, в этом году наступала медленно, но в тот день она дала о себе знать.

Они с Талли прогулялись по Прайя-Гранде, но Треjder почувствовал потребность еще пройтись.

– Почему бы вам не подняться на холм? – предложил Талли. – Если захотите передохнуть, загляните на Старое протестантское кладбище. Довольно приятное местечко.

По пути вверх Треjder вспотел. Он чувствовал себя подавленным. Макао выглядел красиво на расстоянии, но вблизи все было не так радужно. И сегодня недостатки бросились в глаза.

Покрашенные оштукатуренные стены домов потрескались. Карнизы над дверными проемами отсутствовали. Повсюду грязь. Уличная пыль липла к ботинкам. Казалось, в каждом переулке сидит нищий. Треjder увидел в канаве дохлую кошку, которую разрывали на части вороны.

На полпути к холму он подошел к церкви Святого Доминика в стиле барокко. Кремово-желтые стены, белая отделка, высокие зеленые двери. Какая-то старуха подметала каменную террасу перед входом, но, кроме нее, на маленькой площади никого не было. Поблизости стояла уютная скамейка, но Трейдера пока не требовалась передышка, и он продолжил свой путь. Наконец миновав огромный открытый фасад храма Святого Павла и обойдя позицию иезуитских орудий, он оказался на вершине холма и теперь наслаждался прекрасными видами и легким ветерком.

А сейчас пора немного отдохнуть, подумал он.

Протестанты получили разрешение построить скромную часовню всего двадцать лет назад. Это было небольшое простое белоснежное здание. Сюда заглядывали в основном британцы и американцы, хотя привечали протестантов любой национальности. И на ровной площадке чуть ниже часов с лужайкой, мягко затененной деревьями и огороженной толстыми каменными стенами, находилось Старое протестантское кладбище.

Здесь было прохладнее, чем на улице. Слабый морской ветерок касался верхушек деревьев, хотя листья почти не шуршали. Надгробия, видневшиеся из травы, и таблички на стенах были больше, чем он ожидал, некоторые аж шесть футов высотой. Надписи, очевидно высеченные местным каменщиком, казались немного грубоватыми, но все имели одну общую черту: это были последние свидетельства о тех, кто прибыл на далекий остров и ушел из жизни, не успев вернуться на родину.

Участники Ост-Индской компании, голландские морские капитаны, американские торговцы, их жены, иногда их дети – все они ушли вдали от дома.

Некоторое время Джон Трейдер сидел на камне, затем прошелся по траве, читая надписи на надгробиях. На одной из стен он заметил мемориальную плиту. Некий лейтенант Фредерик Вестбери, служивший в Британском военно-морском флоте, умер в ходе боевых действий, и о нем скорбела вся корабельная команда. Моложе, чем Трейдер сейчас. Плита была довольно большой, так что товарищам по команде лейтенант, должно быть, нравился.

Трейдер задавался вопросом: установили ли убитые горем родные этого юноши еще один памятник в какой-нибудь деревенской церкви в Англии? Он решил, что да. И тогда ему пришла в голову мысль: если бы он сегодня умер, появилась бы здесь мемориальная плита? Талли позаботится об этом? Бог его знает. Но совершенно ясно, что ни в одной деревенской церкви в Англии никаких памятников не предвидится.

Его никто не станет оплакивать. Да и помнить-то будет лишь жалкая горстка людей. Чарли Фарли загрузит и захочет написать соболезнования, но, увы, их на самом деле некому адресовать.

Внезапно тени деревьев, вместо того чтобы приносить долгожданное облегчение от жары, навеяли печаль. Трейдер почувствовал невыразимую грусть и медленно побрел к камню, на котором сидел раньше. Там он обессиленно сел и опустил голову. Хорошо, что рядом никого нет, так как, к своему удивлению, Трейдер обнаружил, что в глазах у него стоят слезы.

Он пробыл там двадцать минут, и, слава Богу, слезы окончательно высохли к тому моменту, как рядом раздался голос:

– Приветствую, мой юный друг! – (Трейдер поднял глаза и увидел Рида.) – Вы выглядите подавленным, – заметил Рид.

– Нет, не особо.

– Приятное место, не так ли? Я часто гуляю здесь. Как ни странно, я как раз думал о вас. О том, что вы мне сказали во время нашей первой встречи.

– И что же это было?

– Помнится, вы признались, что обременены долгами.

– Ох! Я так сказал?

– Полагаю, ситуация усугубилась с учетом, что торговля остановилась, а весь опиум уничтожен.

– Но нам сказали, мы получим компенсацию, как вы и сами знаете.

– Это будет чертовски долгое ожидание. Тем временем наверняка каплют проценты.

– Все верно.

Рид посмотрел на него по-доброму:

– Я могу заплатить проценты за вас. Вы позволите?

Трейдер уставился на него в изумлении:

– Но... мой Бог! С чего вдруг? Вы даже не знаете размера моего долга.

– Я представляю себе масштаб вашей деятельности. У меня есть неплохая идея. – Перспектива, похоже, нисколько не смутила американца. – Вы не такой плохой парень. А я уже много лет не делал никому добра. Вернете позже. Когда сможете. Спешить некуда.

– Но, Рид, я занимаюсь торговлей опиумом! Вы же сами говорили, что это грязный бизнес.

- Знаете, Треjder, как говорят: инвестируйте в человека. Возможно, вы начнете торговать чем-то другим. – Он усмехнулся. – По всей вероятности, придется.
- Вы невероятно добры, Рид, но я не могу позволить вам...
- У меня есть деньги, друг мой, – тихо произнес Рид и широко улыбнулся. – В достаточном количестве, чтобы моя жена захотела выйти за меня.
- А если не смогу расплатиться с вами?
- Тогда... – Рид одарил его очаровательной улыбкой, – жене достанется меньше после моей смерти.
- Я не знаю, что сказать.
- Еще кое-что, Треjder. Как насчет обеда у меня завтра? Моя квартирная хозяйка великолепно готовит.

Миссис Виллемс, вдова, жила в домике, отделанном голубой штукатуркой, на тихой улочке примерно в пятидесяти ярдах от старой иезуитской артиллерийской установки. В саду позади дома был пруд с лилиями. Дом принадлежал миссис Виллемс, а сад – ее белому коту, у которого нужно было спрашивать разрешение, если вы хотели посетить пруд с лилиями.

Как и многие жители Макао, миссис Виллемс выглядела наполовину азиаткой, наполовину европейкой. С широко расставленными миндалевидными глазами и красивыми чертами лица она была привлекательной, но сколько ей лет? Треjder так и не понял. Ей могло быть как тридцать пять, так и все пятьдесят. Хозяйка приветствовала его на плохом английском, но явно понимала все, о чем они говорили.

Дом был обставлен просто, интерьер представлял собой приятное смешение стилей: китайский стол, красивый старинный португальский шкаф, несколько голландских кожаных кресел. На стенах Треjder заметил акварели из разных стран. На одной из них был изображен Лондонский порт.

– Какие прелестные картины, – вежливо сказал он хозяйке, которая, казалось, была польщена.

– Подарок мужа, – с довольным видом ответила она.

– Она просила мужа привезти картину всякий раз, когда он уезжал в путешествие, – объяснил Рид. – Я полагаю, так он доказывал, что думает о ней. – Он улыбнулся миссис Виллемс. – Как видите, у него был довольно хороший вкус.

Они уселись в кресла, и миссис Виллемс подала напитки, а потом исчезла в кухне.

– Вы ей понравились, – сказал Рид, который выглядел довольным. – Я это вижу.

– В ней преобладает китайская кровь? – спросил Треjder.

– Зависит от того, что вы называете китайской кровью, – ответил Рид. – Ее мать азиатка с примесью японской крови. Отец был сыном португальского купца и местной танка.

– Танка?

– Это очень древняя народность, живущая вдоль побережья. Они родственники китайцев, как я полагаю. Но их язык, которому уже не одна тысяча лет, разительно отличается от китайского. Ханьцы презирают танка, поскольку считают, что танка – не китайцы. Они дурно с ними обращаются, поэтому танка стараются жить отдельно, на лодках. Кормятся в основном за счет рыбной ловли.

– Зачем же тогда португальский купец взял танка в жены?

– Все просто. Они живут в Макао, и им нужно на ком-то жениться. Ни одна приличная девушка из числа ханьцев ни за что не пойдет за них замуж. Не забывайте, мы все для них варвары. Поэтому португальцы женились на танка. Вы видите их потомков на улицах каждый день.

Еда была чудесной. В большинстве домов, где он успел побывать, предпринимали попытку приготовить что-нибудь английское с местными вариациями, а миссис Виллемс предложила местную кухню Макао – оригинальную смесь португальской и южнокитайской, сдобренную малайскими и индийскими специями. Такое можно встретить только на этом крошечном острове.

Они начали с ароматного супа с креветками под названием «лакасса»³⁰, к которому подавали белое вино, терпкое португальское «Винью верде». Затем последовали блюда на выбор. Среди прочих курица, запеченная по-европейски, с картофелем и кокосовым соусом карри. Трейдер закрыл глаза, чтобы насладиться насыщенным ароматом. Затем подали овощи, приготовленные с лапшой.

– Это блюдо называется «Восторг будды», – сообщил Рид с улыбкой.

А еще минчи с белым рисом, мясным фаршем и глазуньей сверху. Треска, гребешки и черный пудинг с апельсиновым джемом, салат из свиных ушей, картофель с трюфелями. Затем в изобилии последовали десерты: разумеется, миндальное печенье, португальские сыры, заварной крем из кокосового молока, манговый пудинг. Ну а закончилась трапеза кофе, а не китайским чаем.

Миссис Виллемс хотя и была внешне похожа на китайку, но сидела за столом с мужчинами, как европейка. Блюда им подносила симпатичная девушка, которую Трейдер принял за прислугу. Всякий раз она подходила к столу потупившись, а потом быстро исчезала на кухне.

Хозяйка задала несколько вежливых вопросов о его семье и о том, как он попал в Кантон. Но Трейдер почувствовал, что ее не особенно интересуют ответы. На самом деле она хотела знать дату и время его рождения. Когда речь зашла о месте рождения, он просто указал на изображение Лондонского порта на стене.

На протяжении всей трапезы Рид направлял разговор, как капитан корабля, обеспечивающий легкий переход. Трейдер вежливо беседовал с миссис Виллемс. Он расспросил о путешествиях и узнал, что она жила в нескольких азиатских портах со своим мужем. Но Трейдеру показалось, что хозяйка, хотя и рассказывала о периодических поездках голландского морского капитана в Лондон, Нидерланды и даже в Португалию, имела весьма смутное представление об их точном местонахождении. И только в конце обеда разговор таки зашел в бурные воды.

Молодая служанка принесла кофе. На этот раз она немного задержалась, возможно прислушиваясь к разговору. Понимала ли она по-английски? Наблюдала ли она за ним? Она больше походила на португалку, чем миссис Виллемс. У нее были высокие азиатские скулы и миндалевидные глаза. Но ее черты были резче, а густые волосы имели темно-каштановый цвет, а не черный. У нее был большой рот с полными губами. Чувственное лицо, подумал Трейдер. И да, она наблюдала за ним.

Миссис Виллемс тоже это заметила, поскольку внезапно крикнула что-то на местном варианте португальского, и молодая женщина умчалась прочь.

Затем совершенно спокойно миссис Виллемс обратилась к Трейдеру:

– Вы посещаете здешние бордели?

Вопрос застал его врасплох, и в первое мгновение он даже решил, что ослышался. Он взглянул на Рида, но Рид, выглядевший удивленным, ничего не сказал.

– Нет, миссис Виллемс, – выдавил Трейдер, – не посещаю.

Она пристально смотрела на него, а он не понимал, о чем она думает. Вообще-то, он сказал правду, но поверила ли она?

– Вы бывали на «цветочных лодках» в Кантоне. – Это прозвучало даже не как вопрос, а как утверждение.

---

³⁰ Считается, что это эволюция знаменитого малайзийского супа «лакса».

– Меня туда зазывали, – ответил Треjder, вспомнив ту лодку, мимо которой они проплывали в день его приезда, – но я не пошел.

– А почему?

– Не хочу подцепить что-нибудь. – Раз она так грубовато откровенна, то и он тоже.

– Вы чистоплотный юноша?

– Да.

Казалось, хозяйка потеряла интерес к данной теме, потому что встала из-за стола и пошла на кухню принести что-нибудь или наказать девушку, он понятия не имел.

Рид подождал, пока она не уйдет, и только потом спросил:

– Вам понравилась та девушка, Треjder?

– Возможно. Интересная внешность. А почему вы спрашиваете?

– Она от вас без ума.

– Девушка? С чего вы так решили?

– Я знаю. Эта юная особа – двоюродная сестра миссис Виллемс.

– Ого! – Треjder задумался над ответами. – Но эти вопросы о публичных домах...

– Она проверяла вас. Я сказал, что с вами все в порядке, но она чувствует ответственность за девушку. Вот почему она спросила о вашем дне рождения. Чтобы составить ваш гороскоп.

– Понятно, – медленно проговорил Треjder, а потом спросил: – И что они здесь предлагают?

Улыбка Рида стала шире.

– Все, что хотите.

Имя у нее было португальское – Марисса. В последующие недели Треjder виделся с ней каждый день или раз в два дня. Он подходил не к парадной двери дома, где мог столкнуться с миссис Виллемс, а к боковой, ведущей в кухню, рядом с которой располагалась небольшая спальня Мариссы. Иногда он уходил днем, иногда вечером, а если оставался на ночь и возвращался в свою квартиру утром, Талли Одсток никогда не спрашивал, где он был, но, без сомнения, знал. Британские и американские семьи, в домах которых Треjder бывал, не упоминали Мариссу, хотя, вероятно, тоже знали о ней.

Что касается Рида, то они продолжали встречаться, вместе ходили выпить, порой стилизовались на различных светских мероприятиях, но когда Треjder навещал Мариссу, то они не высовывали носа из ее комнаты.

Их роман быстро перерос в страсть. Ему достаточно было просто увидеть Мариссу на кухне или ощутить тонкий запах ее кожи, как им овладевало острое желание. У нее было крепкое крестьянское тело, хотя кожа оказалась бледнее, чем он ожидал вначале. Кроме того, Треjder вскоре обнаружил, что Марисса была удивительно податливой. Он не мог насытиться ею, и, похоже, это было взаимно. Большую часть времени они проводили в ее спальне.

Иногда они отправлялись на прогулку. Пушечная батарея с прекрасным видом на гавань, расположенная по соседству, была приятным местом для прогулок по вечерам. Или же он вел Мариссу на Старое протестантское кладбище и гулял с ней под сенью деревьев. Это не беспокоило девушку, хотя она была католичкой. Не единожды он целовал ее в этом тихом, обнесенном стеной месте. Иногда они уходили подальше, на север, на широкую открытую равнину Кампу, или спускались к берегу на южной оконечности острова, чтобы посетить прекрасный старый даосский храм А-Ма, где зажигали ароматические палочки для богини Мацзу, защищавшей рыбаков.

Треjder учил ее английскому языку, и Марисса быстро делала успехи. Она любила расспрашивать о его жизни. Он рассказал, как осиротел и о детских годах в школе, в ярких подробностях описывал Лондон и Калькутту. Марисса сообщила, что ее собственные родители

умерли, ее старшая сестра вышла замуж и жила на материке, как и сама Марисса до приезда в Макао к миссис Виллемс.

Через пару недель после начала отношений Трейдер начал понимать, что не все сказанное Мариссой – правда.

С самого начала их романа было ясно, что в плане плотских утех Марисса очень опытна. Она научила Трейдера тому, чего он никогда раньше не делал.

Это был их третий вечер вместе, когда Трейдер воскликнул:

– Где ты научилась этому?!

Она помедлила всего мгновение, прежде чем ответить:

– Я была замужем за моряком в течение года. Потом он сгинул в море.

Тем не менее, когда несколько дней спустя в разговоре с Ридом он заметил, что Мариссе, наверное, было грустно овдоветь, его друг весьма удивился, а потом расплывчато пробормотал:

– Ну да...

Неделю спустя Марисса вскользь упомянула о том, что ее мать болеет. Трейдер сказал, что считал, что ее родителей нет в живых.

– Я так сказала? – нахмурилась она, а затем тут же добавила: – Мой отец умер. А мать живет с сестрой.

Трейдер не стал развивать эту тему, но задумался: а знает ли он, что она за человек? С девушкой познакомили его Рид и миссис Виллемс. Они должны знать. Или они о чем-то договорились с ней, а ему ничего не сказали? О чем же?

Однажды он задал вопрос Риду:

– Мне нужно ей платить?

– Нет, просто время от времени дари подарки. Сходи с ней на рынок. Она тебе подскажет, что ей нравится.

Несколько дней спустя во время их прогулки Марисса показала на рулон шелка и сказала, что ткань красивая. Трейдер понял намек.

Погода стояла неплохая. Разумеется, жарко и влажно, но не невыносимо. Конечно, так не могло продолжаться долго, ведь это был сезон летних муссонов.

– Скоро должны начаться сильные дожди, – сказал Талли. – Иногда у нас бывают даже тайфуны.

Но все по-прежнему было тихо-мирно. За исключением одного небольшого происшествия. В начале июня Эллиот приказал всем британским торговым судам, желающим оставаться поблизости, отныне использовать безопасную якорную стоянку в Гонконге.

– Правильный ход, – заметил Талли. – Там, конечно, ничего нет, зато он через залив, суда защищены там от тайфуна.

Однако беда пришла именно из защищенного Гонконга, о чем Трейдер узнал, когда однажды вечером в начале июля вернулся в свое жилье.

– Глупость какая-то, – объяснил Талли. – Морякам стало скучно. Они отправились в китайскую деревню на материке. Напились там рисового вина и повздорили с местными. Боюсь, кто-то из деревенских жителей убит. – Талли покачал головой. – Эллиот собирается выплатить компенсацию семье.

– Китайским властям это не понравится, если они узнают.

– Не то слово, – буркнул Талли. – Но осмелюсь предположить, что все уляжется.

Три дня спустя, ближе к вечеру, жители Макао увидели, что на горизонте на юго-востоке скопилась целая орда темных облаков. Вскоре облака, как атакующая цепь застрельщиков, уже неслись к ним, взбивая по ходу воды залива.

Треjder и Марисса, вышедшие на вечернюю прогулку, поспешили туда, где высокий фасад храма Святого Павла смотрел на город. Холм все еще был залит солнечным светом. По мере приближения облаков они почувствовали, как первые порывы ветра внезапно ударили их по лицу.

– Тебе лучше вернуться домой, пока не началось, – сказала Марисса.

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Нет, но...

– Тогда я останусь.

Пока они спускались с вершины холма по широким каменным ступеням, над головой мелькнула серая тень. У подножия лестницы Треjder и Марисса оглянулись и увидели, что высокий фасад старой церкви сияет неземным светом, оставаясь последним светлым мазком в небе, перед тем как его поглотит и поразит могучий шторм.

Треjder и Марисса лежали в постели, а Макао сотрясался и содрогался от ударов молнии, грома и непрекращающегося грохота дождя, молотившего по крыше. Дребезжали ставни. Завывал ветер. Иногда наступало кратковременное затишье, слышно было, как потоки воды мчатся по узкой улице. Треjder и Марисса прижимались друг к другу всю ночь, как если бы были одним целым, и почти не спали, пока ветер не начал ослабевать, и Треjder провалился в беспамятство.

Но перед этим ему в голову пришла мысль: что, если британское правительство не окажет помощь торговцам опиумом и, несмотря на любезную помощь Рида, он разорится? Что, если ему придется выбрать альтернативу, которую он нафантазировал раньше, – поменять образ жизни, странствовать по миру как искатель приключений или осесть в каком-нибудь далеком месте? Может, забрать с собой Мариссу? Ее, конечно, приличной девушкой не назовешь, но разве его теперь это волнует? Она была бы хорошей хозяйкой. А что до их ночей вместе, может ли что-нибудь быть лучше, чем то, чем он сейчас наслаждается? Вряд ли.

Они проснулись утром. За окном облака все так же неслись по небу, но за ними можно было различить солнце. Треjder решил спуститься на авениду де Прайя-Гранде, чтобы посмотреть, как Талли пережил шторм.

На широкой набережной повсюду виднелись разрушения после урагана. Дорожка была усыпана сломанной черепицей, листьями пальм и разным мусором. Еще грустнее выглядела маленькая тележка, лежавшая на боку, постромки, все еще прикрепленные к ней, порваны. Было ли какое-то животное запряжено, когда постромки порвались? Пони или, что вероятнее, осел?

Треjder посмотрел вниз, на волны, которые ударялись о волнорез, образуя шапку пены. Не барахтается ли там животное? Не видно ли туши, плавающей в заливе? Ничего подобного он не смог разглядеть.

Когда он пришел, Талли завтракал и приветствовал Трейдера коротким кивком.

– Надеюсь, вы не беспокоились обо мне, – весело сказал Джон.

– Я же знал, где вы.

– Что ж... – добавил Треjder с некоторой гордостью. – Я пережил свой первый тайфун в Китае.

– Шторм, – хмыкнул Талли. – Тайфуны похуже. Кстати, – продолжил он, – тут вас искал какой-то парень. Нашел?

– Нет. А кто?

Талли пожал плечами:

– Не знаю. Никогда раньше его не видел.

Переодевшись, Треjder отправился на эспланаду, чтобы рассмотреть последствия стихии. Серые облака все еще застилали небо, но в просветах он улавливал проблески синего. Рез-

кий соленый ветер бодрил. Треjder почувствовал приятный прилив энергии и даже не заметил, как ускорил шаг. Он успел отмахать полмили, когда услышал позади себя какой-то звук.

– Мистер Треjder? – спросил по-английски чей-то слегка гнусавый голос, и Джон обернулся, раздраженный тем, что кто-то прервал его прогулку. – Мистер Джон Треjder?

Молодой человек внешне был примерно одного с ним возраста, худощавый, не слишком высокий. На нем было плохо скроенное твидовое пальто, под которым Джону померещился белый воротничок священника. По каким-то причинам, известным только ему одному, незнакомец обмотал продолговатую голову коричневым шерстяным шарфом и завязал узлом под подбородком. Треджеру этот тип не понравился с первого взгляда, хотя, естественно, он был вежливым.

– Вам нужна помощь?

– Я поспешил с вами познакомиться, как только узнал, кто вы, – сказал незнакомец, улыбаясь от уха до уха.

– Ох! И почему же?

– Я ваш кузен, мистер Треjder! – воскликнул он. – Меня зовут Сесил Уайтпэриш. Уверен, мы подружимся!

Он выжидающе смотрел на Джона, а тот в ответ озадаченно уставился на него, а потом нахмурился.

Уайтпэриш. Это та дальняя родня отца. Так же их звали? Треjder ничего особо не знал про них. Опекун упомянул об их существовании однажды, незадолго до того, как Джон отправился в Оксфорд. Якобы его отец и эти люди рассорились давным-давно. Причина неизвестна. Неосмотрительный брак или что-то в этом роде. «Я советую вам не искать их, – сказал тогда опекун. – Ваши родители никогда не искали». Это все, что известно Джону. После этого он забыл об Уайтпэришах.

И, судя по внешнему виду Сесила Уайтпэриша, заявившегося к нему сегодня утром, отец и его опекун были правы.

– Не думаю, что слышал о вас, – осторожно сказал он.

– Ах! Позвольте объяснить. Наши дедушки были двоюродными братьями...

– Очень дальнее родство, – мягко перебил его Джон.

Он не проявлял особого радушия, но на то была веская причина. В Сесиле Уайтпэрише все было неправильно: то, как он одевался, как говорил, как держался. Можно было сказать только одно: Сесил Уайтпэриш не был джентльменом. Джон Треjder, возможно, не был джентльменом в глазах полковника Ломонда, потому что не происходил из дворянской семьи. Зато он умел себя вести.

Если бы Сесил Уайтпэриш учился в приличной школе, проходил подготовку в Судебных иннах или посещал занятия в университете, то знал бы, как себя вести. Таким вещам можно научиться. Но было очевидно, что он даже собственное имя произнес неправильно. Молодые люди в Оксфорде не произносили аристократическое имя Сесил так, как оно написано. Они сказали бы «Сиссель». Но Сесил Уайтпэриш этого не знал. Короче говоря, он не выдерживал критики.

Поэтому, когда Треjder взглянул на своего незваного кузена, его поразила ужасная мысль: что, если каким-то чудом он выправит свои дела, разбогатеет и снова будет ухаживать за Агнес Ломонд и Ломонды обнаружат, что единственной родней Треждера был Сесил Уайтпэриш? В каком свете это выставило бы его? Об этом невыносимо было думать.

– Что привело вас сюда? – сухо спросил Треjder.

– Меня направило Британское и иностранное Библейское общество. Я миссионер. Надеюсь, вы поддержите нашу деятельность.

Треjder задумался, что ответить, и тут ему в голову пришла прекрасная мысль.

– Я занимаюсь торговлей опиумом, – неожиданно бодро произнес Треjder.

– Надеюсь, вы торгуете не только опиумом, – нахмурился Сесил Уайтпэриш.

– Исключительно опиумом! Там деньги.

– Похоже, больше нет, – холодно заметил Сесил Уайтпэриш.

– О, я уверен, что британское правительство поможет нам. – Треjder широко улыбнулся.

Уайтпэриш молчал. Треjder наблюдал за ним. Жизнь налаживается! Если бы он сумел шокировать кузена-миссионера достаточно, чтобы парень больше не захотел иметь с ним ничего общего, проблема была бы решена. Он снова перешел в наступление.

– Макао покажется вам вполне дружелюбным местом, – продолжил Треjder ласковым тоном. – Тут много красоток, хотя не думаю, что вы... – Он осекся, словно засомневался, а потом опять просиял. – Если честно, я завел здесь очаровательную любовницу. Они с матерью живут в маленьком домике на холме. Очаровательное местечко. Мой друг Рид наслаждается ее матерью, а я – дочерью. Наполовину португалка, наполовину китаянка. Чудная комбинация. Такая красавица!

– Мать и дочь? И вы все вместе под одной крышей?

– Ну да. Я только что оттуда!

Забавно, что он назвал миссис Виллемс матерью Мариссы. Но если подумать, она вполне могла ею быть.

– Мне очень жаль слышать это, – серьезно сказал Сесил Уайтпэриш. – Я буду молиться, чтобы вы вернулись на путь добродетели.

– Возможно, однажды, – согласился Треjder, – но пока не планирую.

– Истинная любовь, любовь к Богу, – сказал миссионер, стараясь, чтобы глаза лучились добротой, – приносит гораздо больше радости, чем похоть.

– Не спорю, – согласился Джон. – Вы пробовали плотские утехи, чисто ради интереса?

– Не надо издеваться надо мной, мистер Треjder, – укоризненно посмотрел на него Уайтпэриш.

– Боюсь, в нашей семье дурная кровь, – признал Треjder, а затем с беспощадной логикой добавил: – Возможно, в ваших жилах течет такая же.

Бедный Уайтпэриш замолчал. В социальном плане, как и в других вопросах, он был невинен. Но он отнюдь не дурак и понял, что по какой-то причине двоюродный брат не хочет с ним дружить.

– Думаю, я должен оставить вас, мистер Треjder, – заявил он с достоинством. – Если вы когда-нибудь захотите меня найти, это не составит труда.

Треjder смотрел ему вслед. Ему было жаль, что он так грубо себя повел – не то чтобы у него было что-то общее с этим непрощеным кузеном, – но он не сожалел, что Уайтпэриш решил стереть его из своей жизни.

Если ему выпадет когда-нибудь шанс возобновить ухаживания за Агнес Ломонд, Сесил Уайтпэриш не должен появиться на горизонте. Это точно. Так нужно. А потом он понял, что если откажется от амбиций и сбежит с Мариссой, то вряд ли когда-нибудь встретится с миссионером, и эта мысль не может не радовать.

* * *

Шижун был вне себя от радости. Он пока отлично справлялся. Но сегодняшняя миссия помогла установить совершенно новый уровень доверия с эмиссаром Линем. Когда его так неожиданно избрали личным секретарем великого человека, Шижун получил самый низкий из девяти чиновничьих рангов. Он занимал официальную должность, и ему разрешалось носить серебряный шарик на шляпе, а в особых случаях – большую квадратную нашивку из шелка с изображением райской мухоловки, которая выглядела красиво.

Поскольку он был личным секретарем эmissара Линя, провинциальные чиновники старше его и намного выше по рангу относились к нему с осторожным уважением, поскольку все они понимали, что Шижун пользуется доверием комиссара, а тот подчиняется самому императору.

И в самом деле, Линь нагружал Шижуна работой так, что тот с позволения эmissара нанял своего учителя кантонского языка Фонга в качестве помощника на полставки. В частности, Фонг часто помогал ему убедиться, что он верно понимает слова местных жителей, потому что деревенские порой говорили на диалектах, которые было трудно понять даже горожанам.

Шижун с гордостью написал отцу три письма, сообщая об очередном задании от Линя. Но нынешний вопрос был настолько личным и деликатным – доказательство того, что эmissар делился с ним своими самыми сокровенными секретами, – что Шижун не стал бы писать о таком отцу, ведь письмо всегда могло попасть не в те руки.

Он повернул с улицы Тринадцати Факторий на Хог-лейн и оглянулся, чтобы удостовериться, что за ним никто не следит.

Все лавки были заколочены. Даже маленькая миссионерская больница доктора Паркера переехала на территорию одной из факторий. Он добрался до набережной, тоже заброшенной.

После отъезда британцев в Макао фактории использовала только горстка иностранцев, в основном американцев. Место напоминало город-призрак. Шижун шел вдоль молчаливых факторий, пока не добрался до скромного дверного проема.

Доктор Паркер только что закончил прием китайского пациента, и Шижун попросил разрешения поговорить наедине.

Китайцы никогда не доставляли Паркеру никаких хлопот. Во-первых, он был американцем, а не англичанином и не имел никакого отношения к торговле опиумом. Во-вторых, он лечил их от болезней, которые китайские врачи лечить не умели. В-третьих, он им нравился, так как был хорошим и честным человеком.

– Я пришел от имени эmissара Линя, – объяснил Шижун. – Его превосходительство не желает, чтобы его видели приходящим сюда лично, и не желает приглашать вас к себе. Он предпочитает, чтобы о его болезни никто не знал. – Он сделал паузу и улыбнулся. – В этом нет ничего шокирующего. Он просто хочет держать это в секрете.

– Вы можете заверить его в моей осмотрительности. Могу я спросить, в чем заключается проблема?

– На самом деле, – сказал Шижун, – у эmissара грыжа.

– Что ж, в таком случае я могу кое-что предпринять. Например, установить грыжевой бандаж. Но было бы намного лучше, если бы я сделал это лично, и для него так было бы удобнее...

– Я понимаю и передам ваши слова. Но он надеется, что вы сумеете прислать бандаж. Может ли он что-то исправить?

Паркер обдумал ситуацию:

– Я довольно хорошо представляю его рост и вес. Позвольте мне внести предложение. Подождите до завтрашнего вечера, и я пришлю более полудюжины бандажей. Он сможет примерить, выбрать тот, который лучше всего подходит, а остальные вернете через пару дней. Я упакую их и отправлю завтра после наступления темноты. У меня есть совершенно надежный посыльный. Он доставит посылку, но не будет знать, что внутри. – Доктор улыбнулся. – Но попробуйте убедить эmissара позволить мне осмотреть себя.

Шижун поблагодарил и ушел. Эmissара Линя, казалось, вполне удовлетворило предложение Паркера.

Затем Шижун отправился обедать с Фонгом.

* * *

Ночью Ньо проскользнул обратно в лагерь. Сгустилась тьма, но он так хорошо знал дорогу, что почти бежал, а когда прибыл, то все еще дрожал от волнения.

Лагерь находился всего в десяти милях от Гуанчжоу, но пока оставался надежным убежищем для Морского Дракона и его людей. Половина приехала из соседней деревни, поэтому никто из местных не собирался сдавать их властям. Благодаря тайным взяткам магистрат следил, чтобы деревню оставили в покое, и даже, когда в этом году меры контроля усилились, предупреждал о грядущих рейдах.

И все же это было депрессивное место. Потому что делать здесь было ровным счетом нечего. После того как Линь уничтожил опиум, торговля наркотиками в прямом смысле слова сошла на нет. До них долетали слухи о судах, заходящих в небольшие бухты с дюжиной ящиков, которые им удалось достать, но не в залив. Нет контрабанды – нет доходов. По крайней мере пока Линь победил. Как долго это могло продлиться?

– Всем нужен опиум, – заявил Морской Дракон. – Я мог бы доставлять полную лодку каждый день. Все деревни отчаянно в нем нуждаются. Будем надеяться, что император даст этому проклятому Линю повышение и отправит его в другое место.

– А если следующий эмиссар будет таким же ужасным? – спросил кто-то из его людей.

– Нет! – отрезал Морской Дракон. – Император может направить, кого ему вздумается. Но ни один другой чиновник не сможет сдерживать торговлю. Линь – единственный, кому это удалось. Вопрос заключается в том, сколько еще он планирует здесь оставаться? – заметил он мрачно.

Ньо всегда хотел убить эмиссара, но Морской Дракон только смеялся.

– Это не так-то просто, мой юный друг, – говорил он. – Мы можем застичь его врасплох в один прекрасный день прямо посреди улицы, но он будет не один. Сопровождающие лица, войска... Трудно будет скрыться.

В последнее время Морской Дракон несколько раз отправлял Ньо в город. Это имело смысл. Ньо не только умен, но и благодаря акценту и диалекту, которые сразу же подсказывали любому горожанину, что парень приехал с далекого побережья, никто не стал бы связывать Ньо с Морским Драконом и его людьми. Ньо был этому рад. По крайней мере, передышка от скуки в лагере. Задание заключалось в том, чтобы узнать все, что только можно, о следующих шагах эмиссара Линя и прислушиваться ко всем слухам об опиуме, который можно ввезти контрабандой.

Он знал, что Шижун вот уже несколько месяцев служил личным секретарем Линя. Торговец на рынке показал ему на молодого человека, и Ньо несколько раз следил за Шижуном, чтобы узнать о нем все. В прошлое посещение Ньо, увидев его с молодым Фонгом, выяснил, что тот работает на Шижуна, и подумал, не попробовать ли завести разговор с Фонгом.

Сегодня Ньо видел, как Шижун и Фонг вместе обедали. Затем он проследовал за Фонгом в чайную, где тот встречался со своими друзьями. Удача была на стороне Ньо. Он нашел место за соседним столиком, где мог подслушивать их разговор.

Еще не успев допить чай, Ньо уже знал, как можно было бы убить эмиссара Линя.

* * *

Шижун не сомкнул глаз. Он ворочался на кровати. Главное – не закричать в голос. Как можно было быть таким глупым?

Эмиссар Линь, которому он стольким обязан, просил его только об одном – о конфиденциальности. А он – что?

В момент глупости он рассказал Фонгу о бандаже. Конечно, тот поклялся хранить секрет. Но что в этом хорошего? «Если бы у меня была жена, – подумал Шижун, – я бы сказал ей». Но получилось иначе. Он открылся Фонгу, молодому холостяку, который каждую ночь встречался с друзьями. Так всегда и бывает. Вы открываете секрет другу, берете с него обещание никому не рассказывать, он делает то же самое, и через час все всё знают.

Как он мог быть таким глупым? И таким слабым? Если об этом узнает Линь, он, Шижун, навсегда утратит доверие своего начальника. Ему конец. Крест на карьере на всю оставшуюся жизнь. И он заслужил это. Шижун, закрыв лицо руками, мотал головой и сжимал кулаки в отчаянии.

На рассвете он вскочил. Нужно найти Фонга. Первым делом!

Но Фонга не оказалось в его квартире, и на улице тоже никаких следов. Через час Шижуну пришлось сдать, поскольку его ожидал эmissар Линь.

– Он в дурном расположении духа, – предупредил слуга, когда Шижун вошел в большой особняк.

Эмиссара беспокоила грыжа? Фонг уже проболтался? Линь знает? Внутренне содрогаясь, Шижун вошел в кабинет и испытал величайшее облегчение, когда начальник жестом велел ему сесть, а потом сказал:

– Сегодня, Цзян, британские варвары показали свое истинное лицо!

– Что случилось, господин эмиссар?

– Помните, перед тем как они покинули Гуанчжоу, я потребовал подписать обязательство, что они больше никогда не привезут опиум в Поднебесную?

– Разумеется, господин эмиссар. Некоторые подписали, насколько я помню, включая Мэтисона, но Эллиот отказался.

– Как считаете, они и правда собирались сдержать слово?

– Простите, господин эмиссар, но я думаю, нет.

– Человека нужно считать честным, пока он не проявит свою нечестность. Когда Эллиот отказался подписывать бумаги, я спросил себя: почему он отказывается? Мне пришло в голову, что он, возможно, понимает, что торговцы лгут, и не хочет быть частью постыдной торговли.

– Если позволите сказать, господин эмиссар, – отважился Шижун, – мне кажется, вы приписываете вашу собственную добродетель Эллиоту, хотя он, возможно, недостоин.

– В последнее время, как вы знаете, – продолжал Линь, – произошел позорный случай, когда британские моряки убили невинного крестьянина на нашей земле. Я справедливо потребовал передать виновного нам, чтобы свершить правосудие. Эллиот отказался. Он заявил, что сам будет судить своих людей, но я могу прислать наблюдателя.

– Это дерзость по отношению к Поднебесной, ваше превосходительство.

– Более того, Цзян. Я обнаружил, что в соответствии с их собственными законами эти варвары считают, что если подобное преступление совершено одним из их людей в другой стране, то виновный должен предстать перед судом в той стране, где совершено преступление. Но теперь в Поднебесной, которая намного больше, древнее и нравственнее, чем их родная страна, они отказываются подчиняться своему же собственному закону. Эти торговцы не лучше пиратов. Я понял, что их чиновник не уважает законы, даже собственные. Это недопустимо. Возможно, скоро у меня будет для вас новое задание.

– Я к вашим услугам, господин эмиссар.

Это был знак дальнейшего доверия.

Действительно хорошие новости. Шижун поклонился великому человеку и попятился назад, но тут эмиссар остановил его:

– Бандажи. Их доставят вечером?

– Да, господин эмиссар. – Он снова поклонился и принялся за работу.

На поиски Фонга он смог отправиться только под вечер.

Фонг был в своей квартире. Он выглядел не слишком хорошо. Шижун не стал тратить время зря:

– Скажи, чем ты занимался после того, как мы расстались.

– Встречался с несколькими друзьями. Мы пошли пить байцзю³¹, – робко признался Фонг.

– А потом?

– Мы пошли в чайную.

– Ты был пьян?

– Тогда нет. Позже. – Фонг с грустью покачал головой. – Я проспал полдня. Голова все еще болит.

– Идиот! А теперь подумай хорошенько: ты передал кому-нибудь то, что я рассказал тебе про эмиссара?

– Нет! Разумеется, нет! Никогда...

– Ты лжешь!

– Нет! – жалобно пискнул Фонг.

Он лгал.

– Если Линь узнает, что я открыл тебе его секрет, – сказал Шижун, – мне конец. И если это произойдет, Фонг, я прихватчу тебя с собой. Я уничтожу тебя. Ты понимаешь, о чем я.

Я могу убить тебя. Вот что он имел в виду. Фонг выглядел испуганным.

– Знаешь, что самое смешное? – продолжил Шижун. – Оказывается, у Линя вообще нет никакой грыжи. Вчера вечером китайский врач сделал ему иглоукалывание, и боль ушла. Не будет никаких бандажей. Если ты кому-нибудь проболтался, то убедись, что они узнают об этом прямо сейчас.

Конечно, это неправда, но если повезет, то она положит конец слухам.

Следующим шагом было добраться до доктора Паркера. Если Паркер не станет переправлять посылку с бандажами через посыльного, никто не увидит, как посылка покидает больницу или прибывает в штаб-квартиру Линя. Дополнительная гарантия. Шижун сам заберет бандажи, секретно доставит их и незаметно передаст начальнику.

Тьма сгущалась. Нужно торопиться. Он добрался до улицы Тринадцати Факторий и свернул на Хог-лейн.

В эти дни переулочек обычно был безлюдным, а потому Шижун слегка удивился, увидев нескольких мужчин впереди. При его приближении они двинулись по переулочку к главной улице, не переставая уважительно кланяться, когда он проходил мимо.

Паркер был в больнице. Когда Шижун спросил про бандажи, миссионер явно удивился:

– Мой человек ушел с бандажами пару минут назад. Полагаю, вы должны были встретиться.

– С ним был кто-нибудь еще?

– Нет. Один.

Шижун нахмурился и поспешно выскочил на улицу. Если повезет, он догонит посыльного. Шижун почти бежал по Хог-лейн.

На полпути перед ним возникло страшное видение. Из-за заколоченной лавочки показалась чья-то фигура. Старик был смертельно бледен. Из его головы хлестала кровь. Одной рукой несчастный уперся о стену лавки, а другую прижимал к животу, откуда текла кровь. Он получил ножевое ранение.

При виде Шижуна он издал каркающий звук:

– Помогите...

---

³¹ Байцзю – традиционный китайский алкогольный напиток типа водки.

– Вы от доктора Паркера?! – воскликнул Шижун.

– Да. Прошу, помогите.

Но Шижун внезапно догадался обо всем с пугающей ясностью. Если он прав, нельзя терять время. Шижун повернулся и в панике побежал к главной улице.

* * *

Все пошло не так, как планировал Ньо. Первое разочарование ждало его накануне вечером.

– Может получится, – согласился Морской Дракон, после того как Ньо рассказал ему о доставке бандажей. – Линь ожидает доставку. Посыльный скажет охранникам, что должен увидеться с эмиссаром наедине. Линь распорядится пропустить его. Посыльный вручит пакет. Линь возьмет его. Прежде чем он осознает, что происходит, посыльный зажмет эмиссару рот и вонзит нож ему в сердце. Никто даже не поймет, что произошло. Открыть дверь, поклониться, закрыть дверь, уйти. – Он кивнул. – Опасно, но стоит попробовать.

– Я могу взять это на себя! – взволнованно произнес Ньо. – Я тебя не подведу.

Морской Дракон с удивлением посмотрел на него, а потом покачал головой:

– Человек, который убьет Линя, будет героем на всем побережье. Да что уж, во всем Южном Китае. – Он улыбнулся. – Морской Дракон будет героем, а не ты.

– Но... – Лицо Ньо вытянулось. – Я собирался...

Взгляд пирата, однако, подсказывал, что спорить не стоит, если дорога жизнь.

– Ты же тут главный, – произнес Ньо с грустью.

– Для начала надо как-то забрать пакет у посыльного. На дело пойдут двое или трое. – Морской Дракон задумался. – Если нас заметят, все пропало.

– Я все обдумал, – сказал Ньо. – Он же пойдет по Хог-лейн. Линь распорядился заколотить лавки. Обычно там пусто.

– Хорошо. – Морской Дракон одобрительно кивнул ему. – Берешь на себя посыльного. Вырубаешь его. Затаскиваем его в лавку. Я занимаю его место и несю пакет для Линя.

– Мы с тобой?

– Нет. Они же ждут одного посыльного, – размышлял вслух Морской Дракон. – Вы следуете чуть позади, чтобы никто не заподозрил, что вы со мной. Рассредоточитесь у ворот. Все должно выглядеть естественно. И ждете, пока я выйду.

– А потом что?

– Если я выйду, то ничего. Как только я заверну за угол, разделимся. Все двинутся в разных направлениях, позже встретимся за городом.

– А если они погонятся за тобой?

– Бегите за мной. Притворитесь, что пытаетесь помочь охранникам схватить меня, а сами всячески путайтесь под ногами, чтобы я мог уйти. Затем все так же разделяемся и встречаемся за городом. По силам вам такое?

Утром они дважды отрепетировали все от и до в лагере.

– Если что-то пойдет не так, будьте готовы разбежаться по моей команде, – приказал Морской Дракон. – Но я думаю, все получится!

В тот же день они приехали в город и первым делом наметили пути к отступлению. Здесь им было на руку решение эмиссара о размещении штаб-квартиры на улице Тринадцати Факторий, поскольку улица лежала сразу за городскими стенами, а все восемь ворот запирали на ночь. Даже в крошечной тьме они не окажутся в ловушке в городе, а смогут по дюжине тропинок выскочить в трущобы и на пустырь, который тянулся вдоль реки.

Затем Ньо и Морской Дракон проинспектировали Хог-лейн. На полпути к фактории располагался небольшой проулок, где могли спрятаться три или четыре человека. Несколько

минут незаметной работы по раскачиванию досок лавки, стоявшей рядом с проулком, и у них появилось место, где спрятать посыльного.

– Теперь нам остается только разместить тех, кто будет на подхвате, – сказал Морской Дракон.

Нью нашел место на набережной, откуда просматривался вход в небольшую больницу доктора Паркера. Морской Дракон расположился в дверном проеме в конце Хог-лейн. Двое других их напарников будут ждать в проулке.

– Просигналь, когда посыльный выйдет из больницы, – велел пират Нью. – И я проскользну к проулку.

Потом они разделились. Нью отправился в чайную, а незадолго до сумерек вернулся на набережную.

Первые несколько минут все шло как по маслу. Вокруг не было ни души. На земле рядом с Нью, который спрятался за большим швартовым кнехтом, лежала тяжелая дубинка длиной со скалку для теста. Когда начало смеркаться, он увидел посыльного. Ошибиться было невозможно. Это был довольно пожилой человек, хотя он все еще выглядел бодрым. Посыльный появился с Хог-лейн и стремительно направился мимо пустых факторий к двери Паркера.

Внутри старик пробыл всего несколько мгновений. После чего вышел, слегка наклонившись вперед под тяжестью свертка на спине, который скорее выглядел громоздким, чем тяжелым. Как только старик повернулся к нему спиной, Нью одной рукой подхватил дубинку, вскочил на ноги, а другой махнул белой тряпичей в сторону того места, где прятался Морской Дракон. Нью тут же увидел, как пират словно тень скользнул в проулок. Двигаясь бесшумно, Нью последовал за ним. Когда старик свернул в проулок, Нью крепко прижал дубинку к груди и побежал что есть мочи, чтобы догнать его. Все, он в проулке. Кроме старика, там никого не было. Нью мчался за ним. Старик услышал его? Нью заметил, что старик замешкался. Собирался повернуться? Нет. Нью увидел, как Морской Дракон преградил посыльному путь. Пират вежливо поклонился. Умный парень. Их разделяло всего пятнадцать ярдов. Старик попытался обойти его. Тут Морской Дракон схватил старика за руки, и тот вскрикнул.

А вот и Нью. Он с размаху ударил дубинкой посыльного по голове. Тук! Звук, казалось, заполнил весь проулок. Но он верно рассчитал удар. Старик распластался на земле без сознания. Двое их напарников уже вынырнули из проулка. Они сорвали свертки со спины старика и сунули его Морскому Дракону, затем подняли обмякшего старика и уже собирались запихать его в пустующую лавку, но Морской Дракон остановил их:

– Он видел мое лицо! – Морской Дракон обратился к Нью: – Покажи свой нож! – (Тот послушно вытащил нож.) – Отлично! Убей его!

– Убить? – Нью огляделся по сторонам.

Пусто. Никто ничего не увидит. И все же он колебался.

Если бы на них напал военный корабль, когда они везли контрабанду, он был бы не против убить. Это игра. Все это знали. Мысль об убийстве Линя его тоже никогда не беспокоила. Линь был чинушей с севера, не имеющим ничего общего ни с ним, ни с его народом. Линь пытался разрушить местную торговлю. Пусть он сдохнет! Кому до этого есть дело? Но сейчас перед ним безобидный старик. Просто старый кантонец, у которого, скорее всего, есть дети и внуки, бедолага, выполняющий поручение. Нью не хотел его убивать.

– Он меня видел. Прикончи его! – Морской Дракон уставился на Нью.

Это был приказ. Никто в команде не смел ослушаться. Да и команда не стала бы терпеть того, кто не выполняет приказы. Морской Дракон смотрел на него, и в его глазах светилась смерть.

Нью повернулся и воткнул старику нож под ребра, а потом направил лезвие вверх, чтобы попасть в сердце. Один из подручных, который держал старика, кивнул Морскому Дракону. Они засунули тело в пустую лавку, после чего поправили доски.

И тут в проулке показался Шижун. Нью и не знал, что умеет так быстро передвигаться. Молниеносным движением он схватил сверток с бандажами и швырнул в тень.

– Мандарин, – прошипел он. – Поклонитесь!

Затем он схватил Морского Дракона под руку, крикнул двоим остальным: «Доброй ночи, друзья!» – и степенно двинулся по направлению к Шижуну вместе с пиратом.

Шижун торопился. Он выглядел озабоченным. Нью и Морской Дракон расступились, чтобы он мог пройти, но Шижун едва обратил на них внимание, а остальных, похоже, и вовсе не заметил. Когда Шижун убрался из проулка, Нью сделал знак напарникам принести сверток и помог Морскому Дракону водрузить его на спину.

– Это был секретарь Линя, – пояснил он. – Наверное, хочет удостовериться, что посылку отправили.

– Хорошо! – Морской Дракон проворно зашагал прочь. – Паркер скажет, что посылка уже в пути. За дело!

Они без проблем добрались до штаб-квартиры Линя. Нью с противоположной стороны улицы наблюдал, как Морской Дракон разговаривает с охранниками у ворот, один из которых ушел, чтобы получить распоряжения, и вскоре вернулся, и Нью услышал его голос: «Подожди внутри!»

Пока все шло хорошо. В большой чайной неподалеку зажгли фонари. На улице было достаточное количество прохожих, чтобы Нью и двое его напарников крутились у дома, не привлекая внимания.

Нью беспокоило только одно. Вполне вероятно, что, после того как Шижун уточнит у Паркера, что посылку отправили, молодой мандарин закончит на сегодня работу. Скорее всего, он встретится с друзьями в чайной. Но что, если он вернется в особняк Линя? Паркер же сказал, что посылочный – старик. Если он увидит там Морского Дракона, то сразу заподозрит неладное. Игре конец. Нью проклинал себя. Ну почему он не подумал об этом раньше!

Что делать, если Шижун появится? Подстеречь его на улице? Но как? Убить его? Нож все еще при нем, хотя Нью внезапно понял, что так и не вытер лезвие. Непростая задача под носом у охранников. Тем самым он почти наверняка обречет себя на смерть.

Вернуться к Хог-лейн и попытаться там прикончить Шижуну? Но это означает необходимость покинуть пост, а Морской Дракон приказал ждать тут.

Нью смотрел на ворота и молился: хоть бы все случилось побыстрее. Линю просто нужно позвать Морского Дракона в свои покои. Все случится за считанные минуты. Ну же, пусть пират появится. Безопасно минует ворота. Свернет за угол.

Давай, шептал Нью про себя. Он мысленно молил ворота: откройтесь!

Взгляд Нью был прикован к воротам, а потому он заметил Шижуну, когда было уже слишком поздно.

Шижун мчался что есть мочи и не обратил внимания на Нью, когда пролетел буквально в нескольких шагах от него.

– Открыть ворота! Это господин Цзян! – заорал он.

Охранники узнали его, тут же открыли ворота, и он ворвался внутрь.

– Охрана, за мной! – выкрикнул он, но не обернулся, а потому не заметил, что они замешкались.

Шижун вбежал во внутренний двор и помчался к главному залу.

За дверью справа от главного зала находилась небольшая библиотека, где Линь любил работать. Шижун успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как дверь отворилась, вышел слуга и пригласил внутрь посыльного со свертком. Они не заметили его.

Не говоря ни слова, Шижун как ветер рванул мимо изумленного слуги к двери, которая уже почти закрылась за посыльным, и всем телом навалился на нее. Дверь распахнулась, с силой ударив посыльного в спину, отчего он полетел вперед вместе со свертком.

– Вызовите стражу! – крикнул Шижун изумленному эмиссару, а сам кинулся на злоумышленника.

Пират распростерся на полу, но уже тянулся к ножу. Даже если бы у Шижуна был с собой нож, он понимал, что пират быстро расправился бы с ним и, скорее всего, успел бы убить эмиссара прежде, чем его кто-нибудь смог бы остановить. Поэтому он бросился к Морскому Дракону и обхватил его руками, изо всех сил прижимая руки убийцы к телу.

Если пират высвободит руку, ему конец. Шижун это понимал. Но пусть даже ценой собственной жизни он обязан спасти Линя. Морской Дракон яростно вырывался, пинался, пихался локтями и наносил удары затылком по лицу Шижуна, пока у того не пошла кровь из носа и разбитой губы, но Шижун вцепился в него как одержимый.

Через минуту с лишним четверо охранников и начальник охраны разоружили пирата и связали так, что он не мог двигаться. Только тогда Шижун, весь в синяках и истекающий кровью, разжал руки и, пошатываясь, встал.

Если даже Линя и застали врасплох, он быстро оправился и, указав на связанного бандита, распорядился:

– Заприте его и глаз не спускайте! – Затем он обратился к начальнику охраны: – Заприте внешние ворота и удвойте охрану. Но не поднимайте шумихи. Никто не должен узнать об этом происшествии. Если о покушении станет известно другим бандитам, то у них появится соблазн тоже попробовать.

Тем временем Шижун пытался остановить кровь и вытереть лицо какой-то тряпицей. Вскоре в библиотеке остались только они с эмиссаром. Линь повернулся к нему и торжественно произнес:

– Вы спасли мне жизнь! Вы ранены?

– Пустяки, господин эмиссар!

– Откуда вы узнали о покушении?

Шижун рассказал, как отправился удостовериться, отправлены ли бандажи, и столкнулся с настоящим посыльным.

– Бедняга, наверное, уже мертв, но я не мог с ним остаться. Это могло быть просто ограбление, но я испугался, что это что-то посерьезнее, и побежал что есть силы. Очевидно, успел как раз вовремя.

Линь задумчиво кивнул:

– Похоже, нападавший знал, что мы ждем посыльного. – Он пристально посмотрел на Шижуна. – Вы кому-нибудь об этом рассказывали?

– Нет, господин эмиссар.

– Я был бы удивлен узнать, что доктор Паркер обманул наше доверие, но он мог случайно обронить неосторожное слово.

– Нападавший просто мог спросить посыльного, куда он направляется.

– Вполне возможно, но у меня такое чувство, что покушение было спланировано заранее. Были ли у него сообщники? Нужно допросить Паркера и посыльного, если тот жив. – Он кивнул. – Ну и самого нападавшего. Он нам все расскажет. – Он снова внимательно посмотрел на Шижуна. – Допросы – штука неприятная, но это необходимо. У губернатора есть человек, который знаком с процедурой. Он вас обучит.

– Меня, господин эмиссар?

– Да, Цзян. Вы будете проводить допрос нападавшего.

Применение пыток в Китайской империи строго регламентировалось. Разрешались только определенные процедуры. Чиновник, использовавший метод, который не был санкционирован, считался преступником, и его могли привлечь к ответственности. Многие люди освобождались от пыток, в том числе и те, кто прошел экзамены на чиновничью степень, пожилые люди и беременные женщины.

Только высокопоставленные чиновники, такие как Линь, могли отдавать приказ о более суровых формах пыток. Пытки с целью получения признательных показаний не одобрялись, поскольку хорошо известно, что люди признаются в чем угодно, лишь бы прекратить мучения.

Но дело Морского Дракона не допускало такого смягчения. Нет никаких сомнений в его вине: он пойман при попытке убить эmissара императора. Теперь важно узнать, кто его сообщники и действовали ли они по приказу третьей стороны.

Камера пыток представляла собой пустую комнату с белыми стенами, высоким окошком и земляным полом. Посередине стоял вертикальный столб. К одной из стен жался голый деревянный стол, на котором Шижун заметил какой-то странный предмет из темного дерева.

Он состоял из рукоятки чуть более фута длиной и заканчивался вилкой с пятью зубцами, напоминавшими пальцы мужской руки. Концы зубцов были проткнуты, и в дырку продеты два куска жесткого шпагата, завязанные с каждого конца. На столе рядом с этим орудием пыток лежали два крепких маленьких колышка.

Приспособление выглядело довольно безобидно, подумал Шижун.

В комнату вошли старший офицер городской стражи и его помощник, в белых рубашках и штанах, закатанных до колен. Оба были босыми.

Старшему офицеру, круглолицему полному человеку, который по виду напоминал владельца преуспевающего чайного дома, было лет сорок пять. Его помощник, напротив, очень худой, совсем еще мальчик.

Двое охранников привели Морского Дракона. Он выглядел неплохо. Его заставили опуститься на колени на пол, а косичку привязали к столбу позади него. Затем старший офицер и его помощник встали по обе стороны от преступника. Офицер велел охранникам поднять руки заключенного над его головой. Затем он кивнул своему помощнику, и тот взял со стола орудие пыток. Вместе они просунули пальцы заключенного между зубцами вилки. Вставляя маленькие деревянные колышки в петли на каждом конце шпагата, офицер начал скручивать их, затягивая шпагат, который натягивал деревянные планки по бокам пальцев заключенного. Теперь пальцы были зажаты в тисках. Старший офицер городской стражи отошел, а его помощник держал приспособление за ручку.

– Задайте ему вопрос! – обратился офицер к Шижуну.

– Как тебя зовут?

Пленник уставился на белую стену перед собой, но не ответил. Старший офицер подошел и резко крутанул колышки. Шижун увидел, что пленник поморщился, и понял, что его пальцы, должно быть, сильно сдавлены.

– Еще что-нибудь спросите, – велел офицер, делая шаг назад.

– В этот раз ты должен назвать свое имя и причину, по которой ты покушался на эmissара.

Морской Дракон, казалось, с любопытством изучал потолок.

Повисла долгая пауза.

Помощник вытянул руку. Глядя на пленника со странным ледяным любопытством, он полностью повернул еще один колышек. Шижун заметил, что пленник напрягся всем телом.

– Скажи, кто ты, и я остановлю его, – произнес Шижун, но пират не издал ни звука.

Прошла еще минута. Молодой помощник покрутил и потряс за ручку зажим для пальцев. Пленник скривился, а потом несколько раз судорожно вздохнул. Старший офицер еще сильнее зажал пальцы Морского Дракона, а затем резко ударил по орудию пытки. В этот раз Морской Дракон заорал от боли. Он ничего не мог с собой поделаться. Шижун, которому до сих пор удавалось контролировать свои эмоции, почувствовал, что его кулаки сжимаются, все тело напрягается от душевной боли из-за происходящего. Он заметил пристальный взгляд офицера и быстро отошел в сторону, чтобы уйти из поля зрения пленника. Через мгновение Шижун сумел собраться и снова заговорил.

– Скажи хоть что-то, – мягко предложил он. – Все, что угодно.

Еще до того, как они начали, Шижун знал: если сообщники не будут найдены, заключенный останется единственным, кто сможет рассказать правду, с чего все началось. Старик-посыльный, которого он нашел на Хог-лейн, умер в считанные минуты. Доктор Паркер заявил, что, насколько он помнит, в начале дня он сказал старику, что тот снова понадобится ближе к вечеру, но не давал четких указаний, куда ему предстоит отправиться. Оставался ничтожный шанс, что память подвела доктора Паркера, но это маловероятно. Никто не думал, что он лжет. В результате оставался только заключенный. Что он на самом деле мог знать? Кто-то, должно быть, рассказал ему о посылке, которую Паркер частным образом собирался отправить Линю.

Шижун не мог вообразить, что Фонг сам рассказал что-то убийце, но слух распространился, пока не дошел до него. Догадывался ли заключенный, что утечку секретных данных через Фонга можно проследить до человека, допрашивающего его? Может, да, а может, и нет. Ирония заключалась в том, что единственный способ узнать – допросить его.

Если удастся сломать его, подумал Шижун, я, возможно, подпишу себе смертный приговор.

Есть ли какой-то способ заставить его замолчать? Шижун не знал. Убить? Ужасный выбор. Но не такой плохой, как может показаться. В конце концов, убийцу, даже если он переживет пытки, наверняка казнят.

Шижун посмотрел на старшего офицера и его помощника. Такое впечатление, что они собираются тут торчать вечно. Без сомнения, они подадут Линю собственный отчет обо всем происходящем. Внезапно Шижуну пришло на ум, что в их обязанности входит не только пытать пленника, но и наблюдать за ним, Шижуну.

Ну разумеется! Осознание окатило его лютым холодом. Я подозреваемый, поскольку на меня в первую очередь могут подумать, если речь идет об утечке сведений. Линь может решить, что я участвую в заговоре. Тот факт, что я бросился спасать Линя, – это уловка, или, что более вероятно, это я замыслил убийство, но передумал, меня одолел страх либо чувство вины, и я поспешил остановить покушение в последнюю минуту. А иначе как я мог предположить даже после встречи со стариком, что убийца придет именно в тот момент?

Настоящая правда была буквально на волосок от этих подозрений. Шижун понимал: именно он виноват в том, что слухи расползлись по городу, и вина переполняла его настолько, что он был готов пожертвовать жизнью, лишь бы спасти начальника.

И теперь ничего не оставалось, кроме как допросить этого человека, который, если заговорит, может его уничтожить.

– Обычно они говорят, – сказал старший офицер городской стражи через пару часов.

Он осмотрел пальцы заключенного и продемонстрировал их Шижуну. Они превратились в кровавое месиво.

Плоть отделилась от суставов, и видны были голые кости.

– Он больше не сможет ими пользоваться, – сообщил офицер.

– И что дальше?

– Пресс для лодыжек. Увидите.

У них ушло какое-то время, чтобы принести этот самый пресс. Приспособление, также изготовленное из дерева, имело длину около шести футов. Они поставили его на пол.

– Ого, какой большой! – нервно произнес Шижун.

– Та же идея, но для ног. Этот может их сломать.

Шижун не знал, что имел в виду старший офицер – лодыжки или жертву. Наверное, и то и другое. Основание пресса для лодыжек было толстым, как дверь в тюремную камеру. На одном конце была доска с двумя отверстиями, чтобы удерживать запястья жертвы, как колодки. На другом конце вертикально к основанию крепились три доски, похожие на зубцы на предыдущем приспособлении, но во много раз больше и тяжелее. Вместо грубого шпагата их наверху стягивали веревки.

Морского Дракона уложили на скамью лицом вниз, засунули руки в колодки, а щиколотки закрепили в прорезях между тяжелыми вертикальными досками. Молодой помощник взял толстый колышек, скорее напоминавший длинную дубинку, и стал закручивать им веревку. Пресс издал скрипящий звук. Помощник остановился, обошел вокруг, наклонился к узнику, чтобы посмотреть, как у того дела, а потом вернулся к работе. Пресс снова заскрипел по мере того, как веревки все сильнее затягивались, а доски сжимали щиколотки дьявольской хваткой.

Шижун увидел, как пленник стиснул зубы. Морской Дракон смертельно побледнел.

– Разрушает кости лодыжки, – заметил офицер. – Превращает конечности в месиво, но на это требуется время. Теперь мы можем подождать, – добавил он.

Шижун не догадывался, но сейчас он был так же бледен, как и заключенный. Шижун никогда не видел такой мучительной агонии, и это было невыносимо. Минуты шли. Трижды в течение следующего часа они увеличивали давление, и он трижды обращался к заключенному:

– Говори, и боль ослабнет. Просто назови свое имя.

Тщетно. Наконец Шижун подошел к старшему офицеру городской стражи и шепотом спросил:

– Вы утверждаете, что они всегда начинают говорить? – (Тот кивнул.) – Сколько времени это займет?

– Может быть, часы.

– А что, если он и тогда не заговорит?

– Будем продолжать.

Время от времени мучения заключенного были настолько ужасными, что Шижуну почти хотелось, чтобы он заговорил. Что бы он ни сказал в итоге. Что угодно, только бы положить конец этому кошмару.

Помощник наблюдал за ним с тем же выражением холодного любопытства, которое он проявлял к пленнику. Что помощник знал? О чем он думал? Шижун решил, что ему все равно.

– Почему ты хотел убить эмиссара Линя? – спросил он.

Молчание. Затем, к своему удивлению, он услышал бормотание старшего офицера: «Глупый вопрос. Половина провинции хочет его прикончить». Это было правдой. Но тем самым старший офицер выказал неуважение к эмиссару. Шижун посмотрел на заключенного, чтобы понять, отреагирует ли он. Но тот не ответил. Разумеется, он близок к тому, чтобы сломаться.

Они пытали его всю ночь, но заключенный упорно молчал. К утру, когда он отправился с отчетом к эмиссару Линю, Шижун был полностью выжат.

Линь работал в библиотеке. Он коротко взглянул на него поверх бумаг. Шижун ждал, что эмиссар проявит хоть какую-то жалость к пленнику или как минимум даст им отдохнуть от допроса, однако эмиссар сказал лишь «продолжайте» и снова уткнулся в бумаги.

Вернувшись, Шижун обнаружил, что заключенному дали воды и немного риса, но его тут же вырвало. Глаза заключенного запали.

– Нужно двигаться дальше, – сообщил Шижун старшему офицеру городской стражи. – Он сказал хоть что-то?

Офицер покачал головой. Он устал и испытывал раздражение. Взглянув на человека на драконьем ложе с яростью, он буркнул:

– Пора говорить!

С этими словами он взял клин и тяжелый деревянный молоток. Вбив клин между планками, он со всей силы нанес внезапный жестокий удар, и этот удар отозвался в полуразрушенных костях лодыжки.

Заключенный издал такой душераздирающий крик, какого Шижун никогда раньше не слышал от человека. Один раз им пришлось разбить лагерь в лесу, и он слышал нечто подобное. Какой-то дикий зверь, когда на него напали, издал первобытный вопль, и этот вопль эхом отдавался среди деревьев в темноте. Все в лагере тогда содрогнулись.

И теперь крик заключенного поверг Шижуну в ужас. Даже старший офицер выглядел потрясенным, но, чтобы скрыть эмоции, сердито крикнул:

– Ну-ка, говори, сучий потрох!

Выхватив колышек у своего помощника, он провернул веревку на полный оборот, как будто так можно было навсегда с этим покончить. Мучительный вздох заключенного и последовавший за ним стон были настолько жалостливыми, что Шижун согнулся пополам. Когда он заставил себя выпрямиться, то весь дрожал. Он увидел, что помощник все еще наблюдает за происходящим все с тем же спокойным любопытством.

– Задайте ему вопрос! – велел офицер, но Шижун не смог. – Говори, или я сделаю это снова! – рявкнул он, но заключенный потерял сознание.

Шижуну оставалось только надеяться, что несчастный умер.

Но этого не произошло.

Два часа спустя старший офицер вышел куда-то и через несколько минут вернулся со стопкой свежих досок. Они с помощником вытащили из пазов три вертикальные доски и заменили на новые. Во время этих манипуляций Шижун увидел, что кости пирата раздроблены и из открытых переломов льется кровь.

– Зачем вы меняете доски? – спросил он.

– Эти вымочены в воде. Они тяжелее и плотнее прилегают. – Офицер мрачно посмотрел на Шижуну. – Чтобы довести дело до конца.

Они снова приступили к пытке. Помощник перекручивал веревку, а старший офицер городской стражи орудовал клином и молотком, время от времени оба поскользнулись на темной луже крови на полу. Снова и снова Шижун задавал вопросы:

– Как тебя зовут? Кто твои сообщники?

Он обещал смилостивиться, говорил, что боли больше не будет, но ничего не получил в ответ. Ближе к вечеру пленник периодически терял сознание. Сложно было сказать, что конкретно он слышал, а что нет. Комната пропахла потом и мочой. Шижун тихонько предложил старшему офицеру, что, может быть, более эффективно будет сделать паузу, дать пленнику отдохнуть, а потом начать по новой на следующий день. Но похоже, тот считал делом чести быстро ломать своих жертв. А потому не остановился.

Вечером, услышав, как старший офицер разочарованно ругнулся, Шижун понял, что пленник мертв.

– У меня не бывает неудач, – со злостью пробормотал офицер и с отвращением вышел из помещения, а за ним последовал помощник.

Шижун остался. Он не хотел идти с ними. Пусть старший офицер городской стражи сам доложит эмиссару, что они не сумели выбить признание. Он сел на скамейку и спрятал лицо в ладонях.

– Мне жаль, – наконец произнес он, обращаясь к покойнику. – Прости меня.

Хотел ли он, чтобы мертвец простил его? На это надежды, увы, не было.

– Ох! – простонал Шижун. – Это ужасно.

Молчание.

И тут мертвец вдруг заговорил:

– Тебе повезло. – Еле слышный хриплый шепот.

Шижун вздрогнул и уставился на мертвеца, который, казалось, вообще не шелохнулся. Ему все это почудилось? Должно быть. Более чем вероятно, учитывая состояние, в котором он находился. Он покачал головой, снова обхватил ее руками и с несчастным видом посмотрел на свои ноги.

– Помни... – Звук был такой тихий, что Шижун даже не был уверен, слышит ли он его. – Я им не сказал... ничего...

Затем последовал вздох.

Он все еще жив? Шижун вскочил на ноги и склонился над мертвецом, вглядываясь в его лицо. Никаких признаков жизни.

И не должно было быть. Дело нужно довести до конца. Заключение не должен говорить. В отчаянии Шижун озирался по сторонам в поисках того, чем можно было бы задушить парня, но ничего не нашел. Тогда он закрыл ему рот одной рукой, а второй зажал нос и стоял так, пока тянулись долгие секунды. Шижун оглянулся на дверь в страхе, что кто-нибудь может войти.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он отпустил руку. Теперь парень мертв. Он сразу был мертв. А шепот? Почудилось. Или же с ним общался призрак. Наверняка так и было.

И никто не слышал.

Когда Шижун вошел в библиотеку, эмиссар Линь уже знал о смерти пленника и спокойно обратился к нему:

– Вы выглядите уставшим.

– Это так, господин эмиссар.

– Допрос – штука неприятная. Но к сожалению, необходимая. Если бы этот человек рассказал нам о сообщниках, мы могли бы допросить их и узнать больше.

– Прошу прощения, ваше превосходительство. Я полагал, что мы должны позволить ему прийти в себя и попробовать еще раз завтра, но...

– Да, я понимаю. Но не думаю, что он заговорил бы. Он хотел умереть. Ради его чести, как он это видел.

– Вы считаете, что он входил в тайное общество, господин эмиссар, типа «Белого лотоса»?

– Скорее всего, он был просто пиратом. Эти контрабандисты зачастую выходцы из одной деревни и одного клана... Они скорее умрут, чем предадут своих товарищей. – Линь на мгновение замолчал и мрачно улыбнулся Шижуну. – Но если я прав, я не собираюсь оставлять его сообщников на свободе. Завтра же начну облавы на всех пиратов на побережье.

– На всех, господин эмиссар?

– На всех, кого сможем найти. Полагаю, их будет довольно много, – кивнул Линь. – А пока я этим занимаюсь, у меня для вас еще одно важное задание. Идите и отдохните, завтра утром отчитаетесь.

– Благодарю, господин эмиссар.

Шижун поклонился и уже собирался выйти за дверь, но Линь остановил его:

– Перед тем как вы уйдете, господин Цзян, хочу задать вам один вопрос. – Эмиссар пристально посмотрел на него. – Как вы думаете, почему я приказал вам провести допрос?

– Я не знаю, господин эмиссар.

– Те, кто служат императору, должны взять на себя серьезные обязательства. Генерал знает, что те, кто следует его приказам, могут погибнуть в битве. Губернатор назначает наказания, в том числе выносит смертные приговоры. И он должен организовывать допросы. К этим обязанностям нельзя относиться легкомысленно, они тяжелы. Важно, чтобы вы познали горький смысл ответственности, господин Цзян. Понимаете?

– Да, господин эмиссар.

– И вот еще что... – Линь смотрел на него ужасным взглядом. – Вы должны согласиться, господин Цзян, что еще предстоит объяснить один аспект этого дела: действительно ли убийца заранее знал, что доктор Паркер собирался прислать мне бандажу? Если да, то это Паркер выдал секрет? И если не Паркер, тогда кто? Мы не можем исключить факт, что это были вы. – Линь сделал паузу. – Так ведь?

Подобный вопрос мог бы быть частью экзаменационного сочинения: того самого, которое писали претенденты на государственную службу. Текст должен быть логичным, полным, аргументированным. И справедливым.

– Такую возможность нельзя исключать, – согласился Шижун.

– Я никогда не сомневался в вашей преданности, – продолжал Линь. – Но вы могли неосторожно обронить слово в разговоре с другом. Его повторили. Поползли слухи. Вот откуда может быть источник. – Линь по-прежнему не сводил глаз с Шижуна. – По счастливой случайности меня не убили. Если бы вы стали причиной моей смерти, я уверен, то испытали бы такое сильное раскаяние, которое тяжким грузом давило бы на вас, возможно, до самой смерти. – Линь сделал паузу. – Но вместо этого вы спасли мне жизнь.

Предлагал ли Линь ему возможность признаться? Шижун хотел этого. Он так хотел очистить совесть, молить о прощении человека, которого полюбил и которым восхищался. Но что, если это ловушка? Он не мог рисковать.

– Я понимаю, господин эмиссар. – Шижун склонил голову.

– Предполагая, что вы не были источником утечки, как я уже сказал, проведение допроса – опыт неприятный, но ценный. Если же по случайности источником все же были вы, какой лучший способ осознать всю серьезность содеянного? И наказание за вашу невнимательность было вполне уместно. Ужас допроса, в котором вы только что участвовали, был бы справедливым наказанием и хорошим способом напомнить вам, что в будущем нужно быть более ответственным. Согласны?

Линь догадался. Совершенно точно. Этот великий человек видел его насквозь.

– Да, господин эмиссар, – пробормотал Шижун, повесив голову.

– Отсыпайтесь, господин Цзян. Завтра вы отправитесь в путешествие.

– Путешествие? – не удержался Шижун. – Но куда?

Линь снова поднял голову, словно бы удивившись, что секретарь еще тут:

– В Макао.

* * *

Слухи начали расползаться в начале августа. Джон Трейдер услышал их от Талли Одстока. Не то чтобы он сильно обеспокоился.

Последние пару недель были довольно приятными. Для начала Сесил Уайтпэриш больше не объявлялся с той самой неловкой встречи. Слава Богу по крайней мере за это! Сесил, конечно, все еще торчал в Макао, но держался на расстоянии. Никто из знакомых не подошел к нему со словами: «Я слышал, в вашей семье есть миссионер». Так что, по-видимому, Уайтпэ-

риш потерял желание водить дружбу с двоюродным братом. Трейдеру нравилась его обычная светская жизнь. Марисса была довольна. И хотя военные корабли встали на якорь у острова, Поднебесная, похоже, не проявляла особого интереса к жителям Макао.

Пока не поползли слухи.

– У Линя шпион на острове, – сообщил Талли. – Следите за тем, что говорите. – Он кивнул. – Молчок, Трейдер! Нужна неусыпная бдительность.

– И где он? Мы знаем, кто это?

– Нет, не знаем. Он действует с одной из тех военных джонок, стоящих у дальней оконечности острова.

– Но я не думаю, что он узнает что-нибудь интересное. Ничего же не происходит.

Талли Одсток странно посмотрел на него и тихо сказал:

– На вашем месте я бы не был так уверен.

– Да? Я ничего не слышал.

– Вы слишком заняты с вашей девушкой. – Слова прозвучали неодобрительно. – Только между нами. Торговля опиумом возобновилась.

– Уже? Но мы же ничего не продаем. Кто же торгует?

– Мэтисон. – Талли покачал головой. – Этот чертов Мэтисон настолько богат, что может делать то, что мы делать не в состоянии. С виду весь такой джентльмен, а на самом деле хитрый, как целая стая обезьян.

– И как ему это удается?

– Он управляет судами из Манилы, с другой стороны Южно-Китайского моря. Суда перевозят хлопок, трюмы забиты им доверху. Все совершенно законно. Но там же спрятаны и ящики с опиумом. Самое важное – никаких письменных свидетельств. Если шпионы перехватят переписку с капитанами, то найдут только инструкции касательно хлопка. Это шифровка, понимаете. Каждый сорт опиума обозначается определенным сортом хлопка. Например, «чинц» обозначает опиум «мальва», «уайтс» – опиум «патна» и так далее. Поскольку, после того как Линь конфисковал весь товар, опиум в дефиците, Мэтисон получает бешеные деньги за каждый ящик. – Он вздохнул с восхищением. – Разумеется, если Линь пронюхает об этом, нас ждет адская расплата.

Следующие два дня Трейдер ловил себя на мысли, что смотрит на окружающих новыми глазами. Использовал ли этот глава шпионской сети, кем бы он ни был, китайцев для выполнения своих поручений? Или подкупал местных? А может, он вербовал кого-нибудь типа миссис Виллемс, которая могла услышать что-нибудь полезное? Или Мариссу? Могла ли Марисса заниматься чем-то подобным? Он отогнал от себя эту мысль. Но в любом случае он не расскажет ни ей, ни кому-либо еще то, что узнал.

Два дня спустя, возвращаясь в полдень к себе домой, он встретил Талли. Его партнер стоял на углу вместе с Эллиотом. Они смотрели на большое объявление, наклеенное на стену. Талли подозвал его и жестом показал, что он должен прочесть.

Это было послание от эмиссара Линя. Оно было написано на английском языке, довольно внятное. И тревожное.

– Помните тех матросов, которые в прошлом месяце убили в Гонконге местного жителя? – спросил Талли.

– Да. Но я думал, что родным убитого выплатили компенсацию. Вы вроде как сказали, что все уляжется.

– Что ж, об этом стало известно Линю. Судя по объявлению, он не намерен это так оставить. Требуется выдачи преступника.

– Пока никого не признали виновным! – резко сказал Эллиот.

– Я заметил одну вещь, – сообщил Трейдер. – Линь пишет, что, согласно нашим собственным законам, человек, который совершает преступление на территории другой страны,

попадает под действие законов этой самой страны. С юридической точки зрения все ведь корректно?

– Вы что, хотите, чтобы наших матросов пытали и казнили?! – взорвался Талли.

– Нет.

– Тогда я бы сказал: к черту все прочие законы, кроме наших! Правильно, Эллиот?

– Мы не заключали такого рода договор с Китаем, – твердо сказал Эллиот.

– Судя по тону этого объявления, как мне кажется, Линь уверен, что мы ведем себя плохо.

– Мы установили, что в инциденте принимали участие шестеро, – сообщил Эллиот. – Я проведу разбирательство по букве закона через десять дней и уже пригласил эmissара Линя присутствовать лично или прислать представителя.

– Думаете, его это удовлетворит? – поинтересовался Талли.

Но Эллиот, вежливо поклонившись, уже двинулся прочь.

Суд состоялся через десять дней. Эллиот провел его на борту корабля. Разбирательство растянулось на два дня. Эmissар Линь не присутствовал и представителя не отправил. За ланчем Трейдер услышал новости от Талли:

– Пятеро моряков признаны виновными.

– В убийстве?

– Конечно нет. В массовой драке и умышленном нанесении телесных повреждений. Эллиот оштрафовал почти всех. Их отправят обратно в Англию, где они будут отбывать срок в тюрьме. Вот так-то.

Трейдер не был так уверен насчет тюрьмы. Но сейчас бесполезно об этом беспокоиться. Он должен был увидеться с Мариссой через несколько часов. После ланча с Талли он отправился на прогулку вдоль побережья, намереваясь затем немного вздремнуть.

Был ранний вечер. Трейдер поднялся на холм и оказался прямо под высоким фасадом собора Святого Павла. Было бы неплохо завернуть к старой иезуитской пушечной батарее на несколько минут и полюбоваться на море. И тут Трейдер заметил впереди себя двоих, движущихся в том же направлении, причем он готов был поклясться, что одного из них он даже знает.

Трейдер пошел следом, и, когда они остановились у первой пушки, тот, что помоложе, повернулся, чтобы обратиться к своему спутнику, и Трейдер удостоверился, что это и правда Шижун, секретарь эmissара.

Насколько он мог судить по их прошлым встречам, ему молодой мандарин понравился, но какого черта он тут ошивается?! Стоит ли Трейдеру поговорить с ним?

И тут его внезапно осенило: возможно, Шижун и есть тот шпион, о котором говорил Талли.

Трейдер смутно предполагал, что это должен быть кто-нибудь постарше, но ведь Шижун – секретарь Линя. Если он доказал свою эффективность, эmissар мог поручить ему такое задание. Значило ли это, что Трейдеру стоит избегать Шижуна? Напротив. Тем интереснее побеседовать с ним. Попробовать выяснить, что происходит. Он двинулся вперед. Шижун посмотрел в его сторону. Он узнал Трейдера.

И тут Джон вспомнил – письмо! Письмо Линя королеве Виктории. То самое, которое он обещал передать и о котором напрочь забыл. Оставалось только одно. Он поклонился с улыбкой и сказал:

– Давно не виделись. Я переслал письмо эmissара в Оксфорд. Возможно, в один прекрасный день королева прочтет его.

Они поняли? Трейдер сомневался. Рядом с Шижуном был не господин Сингапур, а какой-то коротышка средних лет, по виду похожий на малайца, хотя его волосы и были заплетены в косичку. Возможно, он говорит по-английски. А может, и нет.

– Я очень сожалению о смерти вашего соотечественника в Гонконге, – вежливо продолжил Трейдер. – Виновных отправили в тюрьму. – Он ждал.

Шижун и его спутник переглянулись.

– Вы понимаете? – спросил Трейдер.

Оба китайца вежливо поклонились, но на их лицах не было и следа понимания, и ни один не удостоил его ответом.

Трейдер, без сомнения, оставил бы тщетные попытки завести беседу и покинул бы их, если бы все трое не увидели, к своему удивлению, что к ним торопится какой-то человек. Этот человек окликнул Джона.

Это был Сесил Уайтпэриш. Он был в ярости. Уайтпэриш грубо проигнорировал двоих китайцев и практически наскочил на Трейдера, словно собирался сбить его с ног.

– Какого черта вам нужно?! – воскликнул Джон с удивлением и некоторой тревогой.

– Я хочу поговорить с вами, сэр! – заорал его кузен.

– Не время и не место, – отрезал Джон.

– Разве, сэр? Позвольте мне судить! Я заходил к вам домой, но не застал. Тогда я догадался, что, возможно, найду вас тут. Без сомнения, вы собираетесь к своей шлюхе!

Изо всех сил стараясь сохранять самообладание, Джон произнес с ледяным спокойствием:

– Этот джентльмен... – он указал на Шижуну, – личный секретарь эмиссара Линя, с которым я имею честь быть знакомым. Я только что выражал ему свое сожаление по поводу убийства одного из его соотечественников и объяснял, что все, кто участвовал в драке, отправлены в тюрьму.

Что бы ни послужило причиной гневной тирады миссионера, слова Джона наверняка послужат предупреждением вести себя вежливо, пока они не останутся наедине. Трейдер взглянул на Шижуну и его товарища. Понимали ли они, что говорил Сесил? Джон надеялся, что нет. Но хотя лица китайцев оставались бесстрастными, они и не думали уходить.

– Может быть. Но я-то говорю о грязной торговле опиумом, в которую, несмотря на все свои обещания, вы и ваши дружки активно вовлечены прямо в этот самый момент.

– Нет, я не вовлечен! – воскликнул Трейдер.

Это было правдой. Он даже жалел, что не вовлечен, но увы. Трейдер мельком взглянул на Шижуну и его спутника. Полоумный кузен вообще отдает себе отчет, как опасно произносить такие слова перед ними? Трейдер проворчал:

– Наш друг – секретарь эмиссара. Не стоит разбрасываться подобными заявлениями в его присутствии, особенно если это неправда!

– То есть вы отрицаете, что вывозите корабли хлопка из Манилы, а на самом деле их трюмы забиты опиумом? – заверещал Уайтпэриш.

Как, черт побери, он до этого дознался?! И почему, ради всего святого, орет об этом на весь белый свет?

– Я категорически отрицаю это. Господом клянусь!

– Честно говоря, кузен Джон, я вам не верю. Я же знаю, что это так. – Уайтпэриш посмотрел на Шижуну. – Что же до наших китайских друзей... когда я размышляю про все то зло, которое мы причиняем их народу, про двуличность наших взаимоотношений, то предпочел бы, чтобы мы извинились, а не продолжали причинять им вред.

– Вы сошли с ума, – презрительно процедил Трейдер.

– Вы не считаете меня джентльменом, – с горечью продолжил Уайтпэриш.

– Я никогда не говорил ничего подобного.

– Но вы так думаете. Хотя в глазах Бога вы, джентльмены, ничем не лучше воров, позорное пятно на чести страны. Я не хотел бы быть одним из вас. А что касается этого человека... – Он указал на Шижуну. – Я хотел бы, чтобы он знал, что не все англичане такие же, как вы.

В британском парламенте есть хорошие люди, честные, высоконравственные, которые очень скоро собираются положить конец вашей преступной деятельности...

Треjder покосился на Шижуну и его товарища. Лица китайцев ничего не выражали.

– Тогда вам лучше научиться говорить по-китайски, – сухо заметил он, – поскольку они не понимают ни слова из того, что вы говорите.

– А им и не потребуется. Вы слышали о молодом господине Гладстоне? Он приобретает все больший вес. У меня есть достоверные сведения, что он будет противостоять вам и вашей грязной торговле в парламенте и привлечет на свою сторону многих членов парламента.

Треjder пристально посмотрел на своего родственника.

В этом и проблема того, что он не от мира сего, подумал Джон. У него неполная информация.

– Вы считаете мистера Гладстона высоконравственным джентльменом? – спросил он.

– Да.

– Он играет важную роль в общественной жизни, что дает ему право произносить морализаторские речи, потому что его отец нажил огромное состояние. Вы знаете, откуда взялось это семейное состояние?

– Нет.

– Работорговля. Его отец сколотил состояние на работорговле. Сейчас она вне закона, разумеется, но всего несколько лет назад этот ваш молодой Гладстон защищал работорговлю в парламенте и выбил крупную денежную компенсацию для своего отца, когда торговлю наконец запретили. Так что я не хочу слушать, как Гладстон читает мне мораль.

Уайтпэриш на глазах сдулся. Ветер больше не раздувал его паруса.

– То, чем вы занимаетесь, все равно зло, – пробормотал он.

И тут Треjder кое-что заметил. Какое-то выражение промелькнуло на лице спутника Шижуну. Что это было – удивление или мимолетная ирония? Через секунду его лицо снова стало бесстрастным. Но значило ли это, что китаец все-таки понимал то, что они говорили?

Треjder не мог рисковать. Ради общего блага необходимо принести в жертву своего надоедливому кузена.

– А теперь, Уайтпэриш, позвольте мне сказать вам кое-что, – яростно начал он. – Вы уже приобрели известность здесь, в Макао. Ваши былые подвиги – не буду смущать вас, перечисляя их, – нечестность, чудовищные пороки известны всему британскому сообществу. И, понимая, что ваше прошлое раскрыто, вы стремитесь отомстить всем нам, распространяя позорную ложь. Да, сэръ, ваш истинный характер известен. Вы законченный лжец, сэръ, и все это знают!

Вначале Уайтпэриш выглядел ошеломленным, а затем его лицо покраснело от гнева.

– Вы еще и краснеете, сэръ! – воскликнул Треjder.

– Да я никогда в-в-в жизни... – заикался Уайтпэриш.

– Вы сбиты с толку. Вас разоблачили как злодея, коим вы и являетесь. Вы выдумали незаконную торговлю, чтобы отомстить остальным. Я могу даже доложить о вас Эллиоту. Я подам на вас в суд за клевету, как и любой другой, чью репутацию вы пытаетесь запятнать.

Он повернулся и пошел прочь. Как он и надеялся, Уайтпэриш крутился рядом, протестуя и оправдываясь всю дорогу. Треjder не отпускал от себя Уайтпэриша, пока они не оказались на полпути вниз по склону, на безопасном расстоянии от секретаря эмиссара. Он надеялся, что уловка сработала.

Он был уже вне пределов слышимости, когда Шижун повернулся к своему переводчику и потребовал:

– Перескажи мне все, что они сказали!

* * *

– Наверное, родится мальчик, – напомнил Младший Сын Мэйлин.

Но она покачала головой:

– Я так боюсь, что это девочка.

Сколько раз они уже говорили об этом? Минимум сотню.

В деревне больше никто не считал, что Матушка задушила ребенка Ивы. Сама Ива ничего подобного не говорила. Младший Сын даже представить такого не мог. Мэйлин тоже так не думала и не хотела так думать. Матушка была так добра к ней всю беременность.

Разумеется, Мэйлин понимала, что свекровь перестанет оказывать ей знаки внимания, если у нее родится девочка. Она не станет винить Матушку. Такова жизнь. Мэйлин представляла, что будут говорить в деревне, если у Старшего Сына дважды не получилось произвести на свет наследника, а теперь еще и у Младшего Сына родится девчонка. Будут судачить, мол, не повезло Лунам. Может, у господина Луна денег куры не клюют, но семья определенно потеряла лицо.

Ах, если бы у Ивы вторым родился мальчик! Мэйлин очень этого хотелось не только ради бедняжки Ивы, но и потому, что у Матушки поднялось бы настроение и она не обратила бы особого внимания, мальчик у Младшего Сына или нет.

Тем временем свекровь стала относиться к ней лучше, чем когда-либо. Иногда, пока Ива работала по дому, старшая женщина сидела и разговаривала с Мэйлин, рассказывала ей об истории семьи, словно бы именно о такой невестке и мечтала.

– Теперь ты любимая дочь, – грустно заметила Ива, – та, у которой будет мальчик.

– А если нет? – спросила Мэйлин.

Ива промолчала.

Примерно за месяц до родов кошмары вернулись. Этот сон снился ей под утро. Тот же самый. Она рожает. Это девочка. Матушка хватает ребенка и выходит из комнаты, а потом Мэйлин внезапно оказывается во дворе, везде ищет младенца, но ребенка нигде нет.

Мэйлин резко просыпалась. Она понимала, что это всего лишь страшный сон, но не могла высвободиться из его пут, дрожала, тяжело дышала... Мэйлин делала несколько глубоких вдохов, успокаивалась и велела себе не глупить.

А потом она поворачивалась и смотрела на мужа. Она различала его черты в слабом свете фонаря, который они оставляли зажженным на случай, если Мэйлин нужно будет встать ночью. Младший Сын улыбался во сне. Ее добрейший муж видел во сне что-то хорошее или это его обычная улыбка? Мэйлин хотелось разбудить мужа, пересказать страшный сон, чтобы он ее крепко обнял и успокоил. Но муж сильно уставал после целого дня работы, и Мэйлин не могла его тревожить.

Поэтому она выждала подходящий момент и рассказала ему утром. Он снова заверил, что ничего подобного никогда не произойдет и в любом случае он будет рядом, чтобы защитить малыша.

Через неделю сон повторился, и Младший Сын вновь утешил ее.

Через пару дней кошмар вернулся в третий раз, но Мэйлин не стала рассказывать мужу. И правильно сделала, поскольку паника прошла, а Матушка была к ней так же добра, как и обычно.

Приближался срок родов. Живот рос, спина болела, и Мэйлин с нетерпением ждала родов. Но Матушка предупредила ее, что первый ребенок часто задерживается.

Господин Лун отправился в город по делам и взял с собой Младшего Сына. Они уехали в полдень и обещали вернуться до полудня следующего дня.

Посреди ночи у Мэйлин вдруг начались ужасные спазмы. Сначала она просто стонала, а потом начала кричать.

Дверь открылась, и на пороге появилась Матушка с зажженной свечой:

– Что случилось, девочка моя?

– У меня какие-то спазмы. Очень больно!

Старшая женщина подошла, поставила свечу на прикроватный столик, велела Мэйлин лежать спокойно и осмотрела ее, а потом молча направилась к двери и оттуда позвала Иву. Мэйлин услышала голос Матушки:

– Приведи повитуху. Живее!

Они были очень добры к ней. Повитуха дала отвар каких-то трав, чтобы облегчить боль, а свекровь не отходила ни на шаг, успокаивая ее. Мэйлин снова и снова спрашивала:

– Вы клянетесь, что Младший Сын вернется утром?

– Обещаю, малышка, – сказала Матушка, а ее суровое широкое лицо вдруг, на удивление, просветлело от нежности.

Если бы знать точно. Мэйлин хотела увидеть мужа больше всего на свете. Если бы Младший Сын был рядом, все было бы нормально. Мэйлин не сомневалась, что рождает девочку. Непонятно почему, но она была уверена.

Рассвело, а Мэйлин все еще рожала. Несмотря на боль, ею руководило одно желание – затянуть процесс. Сможет ли она продержаться до полудня? Каждые несколько минут она кричала повитухе:

– Муж приехал?

Озадаченной повитухе оставалось только говорить, что он скоро будет, а потом прибавлять:

– Не глупи, дитя мое. Ребенок просится наружу. Дыши... Еще... Тужься!

– Нет!

– Девочка рехнулась, – сказала повитуха Матушке.

Интересно, Матушка догадалась, зачем она так отчаянно требует присутствия Младшего Сына? Но природа взяла свое. Как только солнце показалось над горизонтом, ребенок родился. Мэйлин увидела маленький комочек в руках повитухи, а затем, к ее ужасу, младенец оказался в руках Матушки.

Потом Мэйлин с удивлением увидела, как свекровь подошла к ней, ее лицо расплылось в улыбке.

– Как я и говорила, доченька. У нас тут маленький мальчик!

После рождения ребенка нужно было выполнить множество ритуалов. Мэйлин запрещалось покидать дом в течение месяца. Нельзя было мыть волосы, а также руки, ноги и лицо. Ей нечем было заняться. Свекровь взяла на себя все заботы, даже укачивала малыша, если тот просыпался ночью.

Единственной обязанностью Мэйлин, к которой следовало приступить через час после рождения сына, было кормить его грудью. С первого же раза Матушка находилась рядом. Мэйлин приложила ребенка к груди и удивилась, когда ничего не произошло.

– Я что-то не так делаю? – спросила Мэйлин.

– Нет. Прояви терпение! – улыбнулась Матушка. – У твоего мужа ушла пара минут, чтобы все получилось. Вот. Он взял грудь.

Около полудня пришла мать Мэйлин с одеждой для малыша и полотенцами. Это тоже традиция. Подарки были среднего качества, разумеется, но свекровь приняла их с таким почтением, будто их доставили из императорского дворца, за что Мэйлин была ей очень благодарна.

Только один момент омрачил день. После полудня к ней зашла Ива. Она не злилась, но была подавлена.

– Тебе повезло! У тебя мальчик!

– У тебя родится мальчик в следующий раз, – сказала Мэйлин.

– Наверное... – Ива помялась. – Я тебя не ненавижу. Правда. Я завидую тебе, но не ненавижу. – Она посмотрела на спящего ребенка. – Но я ненавижу твоего ребенка.

– Не надо ненавидеть моего ребенка, сестрица! – воскликнула Мэйлин. – Ненавидь меня, если тебе непременно нужно кого-нибудь ненавидеть, но не надо ненавидеть моего ребенка!

Ива сделала глубокий вдох, потом выдохнула и покачала головой:

– Но как?

Через час приехал Младший Сын. Матушка привела его в комнату. Он улыбался ей точно так, как улыбался тогда во сне. А когда он осмотрел ребенка, то его улыбка стала еще шире.

* * *

Иногда Джону Трейдеру казалось, что ему не суждено найти покой в этом мире. На короткое время он обрел покой в Макао благодаря Риду и Мариссе. Но если он надеялся украсть себе немного счастья у Китая, Поднебесная не соглашалась, чтобы ее обманули, и сейчас неумолимый эмиссар Линь собирался выгнать его взашей из Макао, а может быть, и из морских вод Китая.

Через два дня после встречи с Сесилом Уайтпэришем Трейдер услышал от Талли Одстока, что китайцы перекрыли все поставки продовольствия в Макао с материка.

– Какое-то время мы справимся, – заверил Талли.

Но несколько дней спустя пришли более зловещие новости.

– Линь направил в нашу сторону множество солдат по побережью, – сказал ему Талли. – Осмелюсь сказать, это просто демонстрация силы.

Было ли все это мстью за отказ Эллиота передать матросов китайскому правосудию? Или он пронюхал о контрабанде опиума Мэтисоном, возможно благодаря скандалу, который Уайтпэриш закатил в присутствии Шижуня? Трейдер не знал. Но какой бы ни была причина, одно было ясно.

– Линь не доверяет нам и хочет взять верх, – сказал он. – Вопрос в том, как далеко он готов зайти?

В конце концов, в Макао все еще был португальский губернатор, который мог свободно управлять этим островом. У губернатора также имелись войска.

Но люди начали нервничать. Встретив Трейдера однажды утром на улице, Эллиот откровенно сказал:

– Наш друг, португальский губернатор, в ярости из-за перебоев с поставками продуктов и угроз. Его владения – португальская территория, и он готов защищать ее, если придется. У него все в порядке со смелостью. Но я должен позаботиться о безопасности наших соотечественников. Возможно, нам придется уехать.

– И куда мы отправимся?

– В Гонконг.

– Но там нет ничего, кроме якорной стоянки. Мы собираемся разбить лагерь на пляже?

– Нет. Мы можем жить на кораблях. Удовольствие ниже среднего, но мы будем в безопасности. Останемся там на несколько месяцев, посмотрим, что произойдет.

– Значит, надо готовиться к отъезду из Макао, – грустно сказал Трейдер.

Эллиот понимающе улыбнулся. Очевидно, он знал о Мариссе.

– Боюсь, что так. Всему хорошему приходит конец, – спокойно добавил он.

– Но жить запертыми на корабле звучит просто ужасно, – мрачно заметил Трейдер.

Эллиот не стал возражать.

В тот же день суперинтендант сделал официальное заявление, сообщив соотечественникам, что они должны подготовиться к отъезду. На следующий день он уехал, чтобы все организовать в огромной пустой гавани Гонконга.

Двадцать пятого августа эмиссар Линь передал португальскому губернатору Макао, что британцы, находящиеся на острове, должны покинуть его. Прибывающие китайские военные джонки не будут препятствовать их отъезду. Все остальные граждане, включая американцев, могут остаться, если они не занимаются торговлей опиумом.

Джон Трейдер покинул остров одним из последних. Днем накануне отъезда он отправился на прогулку с Ридом. Рид, как американец, мог остаться.

– Мне будет не хватать вашей компании, Рид, – сказал Джон.

– Мы снова встретимся.

– Разумеется. Я должен вам денег.

– Вернете, когда сможете.

– Как вы думаете, что произойдет дальше?

– Опиумная торговля возобновится. Должна возобновиться.

– Почему?

– Потому что в Индии вырос новый урожай. Некоторые суда уже в открытом море. Мне кажется, что уничтожение опиума – пустая трата времени. Линь только что подогрел спрос на следующую поставку. Так или иначе, но все уляжется. Остается только дожидаться, как именно.

– Надеюсь, вы правы, ради нас обоих. – Трейдер помолчал. Они стояли у пушки, глядя на остров и море. – Должен признаться, – грустно заметил он, – я начинаю жалеть, что не торговал чем-то другим. Чем-то, что приносит людям пользу. Чем-то действительно необходимым. – Он вздохнул.

– Торговля чем-то полезным, безусловно, возможна. Большинство людей как раз этим и занимаются. Но торговать чем-то необходимым... – Рид ухмыльнулся. – Другое дело. Это сложно.

– Да?

– Конечно, Трейдер. Вы знаете, как мои предки заработали свои первые деньги? На реке Гудзон в старом Нью-Йорке. Знаете, что это была за торговля? Бобровые шкуры. Покупали у американских индейцев. Для изготовления фетровых шляп. С руками отрывали в Англии. Да и в других странах тоже. Были ли они полезны? Да. Были ли они необходимы? Не совсем. Просто фетр был в моде. Вот и все. Но именно так начинался великий город Нью-Йорк. То же самое с табаком. Разве табак необходим? Нет. Или торговля сахаром? Нужна? Частично. Большая часть урожая сахара идет на ром для моряков британского флота. Как это началось? Люди, владевшие сахарными плантациями, тоже производили ром. Цены падали. Таким образом, мощный интерес к сахару лоббировал британский парламент, чтобы давать порцию рома каждому британскому моряку. Британский флот пил ром и держал цены на сахар на высоком уровне.

– А теперь мы торгуем чаем.

– Точно. Китайским чаем. В чае нет никакого вреда. А потребление чая британцами – одно из чудес современного мира. Разве могут британцы обойтись без традиционной чашки чая? Конечно могут. Очень мало из того, что мы делаем, мой друг, действительно необходимо. – Он кивнул. – Это унижительная мысль.

– Но опиум – это плохо.

– Да.

– И все же вы мне помогаете.

– Вы мой друг, Трейдер. Никто не идеален, – улыбнулся он. – Значит, уезжаете.

- Я беспокоюсь за Мариссу, Рид. Мне жаль, что я бросаю ее.
  - Конечно. Вы собирались жениться на ней?
  - Нет.
  - Подарили ей что-нибудь на прощание?
  - Подарю утром в день отъезда.
  - С ней все будет нормально.
  - Вы и правда так думаете?
  - Я знаю.
  - Вы за ней присмотрите? Позаботитесь?
- Рид посмотрел на него. Промелькнуло ли что-то странное в его лице, когда он улыбнулся?
- Хорошо, – пообещал Рид.

Миссис Виллемс приготовила в тот вечер ужин, а затем Джон Трейдер провел ночь с Мариссой, и они страстно занимались любовью. Он сказал, что не хочет уезжать, и Марисса ответила ему, что знает, но у него нет выбора, и ей грустно. Она выглядела печальной, но плакать не собиралась, а вместо этого храбро улыбалась, и они вновь предалась любви. Трейдер восхищался Мариссой, хотя ему казалось, что он ее так и не узнал по-настоящему.

Подарки Мариссе понравились, а плакала ли она после его ухода, он не видел.

Рид проводил Трейдера до его жилья. Талли уехал накануне. Трейдер заранее упаковал все свои сундуки и чемоданы, и сейчас двое слуг погрузили их на тележку и покатали на пристань.

Трейдер сел в четырехвесельную шлюпку со всеми своими пожитками, пожал на прощание руку Риду, и его доставили к кораблю, стоявшему на рейде Макао.

Поднявшись с багажом на борт, Трейдер обнаружил, что был последним пассажиром, и вскоре после этого корабль был готов к отплытию.

Когда он стоял у борта корабля, к нему обратился дружелюбный моряк:

- Все на борту, сэр?
- Да, полагаю, что да. – Джон уставился через воду на далекую набережную.
- Бывали в Гонконге раньше, сэр?
- Не приходилось.
- Жаль, что с водой все так получилось.
- С водой? С какой водой?
- С питьевой водой в Гонконге, сэр. Вы не слышали?
- Я ничего не слышал. О чем вы?
- Скверное дело, сэр. Китайцы повесили таблички у всех колодцев в Гонконге и на берегу вокруг с сообщением, что их отравили. Я имею в виду колодцы. Не очень-то хороший поступок, да?

– Господи, и что мы будем пить?!

– Не знаю, сэр. Но пока рано беспокоиться!

Итак, Джон Трейдер покинул Макао. Он потерял свою женщину. Он все еще не знал, лишился ли он и своего состояния и сможет ли вообще торговать с Китаем. Может статься, что он вскоре и вовсе умрет в Гонконге из-за нехватки питьевой воды.

* * *

Нью огляделся. В большой камере сидело не менее пятидесяти человек. Он был здесь неделю. Остальные дольше. Все контрабандисты и пираты, которых схватили и доставили туда.

Но дальше ничего не происходило. Будут ли их допрашивать, судить, казнить? Никто не знал. Единственное, что Нью мог сказать точно, – там дико воняло.

Возможно, если бы с ними был Морской Дракон, их бы не поймали. После той ужасной ночи, когда Морской Дракон не смог уйти из штаб-квартиры Линя, Ньо и его товарищи вернулись в лагерь. Днем Ньо снова отправился в город, чтобы выяснить все, что только можно. Он проторчал там три дня, но ничего так и не услышал.

Но затем слух таки просочился. Старший офицер городской стражи рассказал своему приятелю, а тот дальше по цепочке. И вскоре, хотя никаких официальных данных так и не появилось, все триады, владельцы чайных и, конечно же, солдаты из городской стражи знали, что Морской Дракон пытался убить Линя, его поймали, пытали и он умер под пытками, не произнеся ни слова, не назвав даже своего имени. Морской Дракон стал героем на всем побережье. Без сомнения, со временем его имя будет греметь в легендах по всем морям.

Их команда не распалась. Отчасти из-за благоговения перед памятью Морского Дракона, отчасти потому, что им некуда было податься и нечего было делать. Они пообещали друг другу, что будут держаться вместе, а когда все наладится, снова выйдут в море, будут перевозить опиум и зарабатывать хорошие деньги, как они это делали под предводительством их героя Морского Дракона.

Затем, во время облавы на лагерь на рассвете, их схватили всех до единого и доставили сюда. Возможно, если бы Морской Дракон был с ними, они бы выставили лучшую охрану. Возможно, они бы перебили солдат, которые каким-то образом их нашли.

Это настоящая катастрофа. Видимо, ему конец.

Ньо по-настоящему жалел только об одном. О тайнике с деньгами для старшей сестры. Она думала о нем? Конечно думала. И он вспоминал о ней каждый день.

Деньги все еще лежали в тайнике. В тот день, когда нагрянули войска, он намеревался сказать товарищам, что должен навестить свою семью, а затем тайно отвезти сестре деньги. Ньо проклял себя за то, что не сделал этого. И каждый день он пытался придумать способы сбежать не ради собственной свободы, а для того, чтобы отдать деньги сестре и увидеть ее лицо.

Этим утром он как раз придумывал новый способ обмануть охранников и вырваться наружу и тут с удивлением увидел сквозь решетку камеры вдоль одной стены, что в их сторону движется небольшая группа людей. Четверо стражников и какой-то молодой мандарин.

Ньо слышал, как молодой чиновник велел охранникам открыть дверь, чтобы он мог попасть внутрь. Охранники попытались спорить. Им не понравилась эта идея. Но затем молодой человек упомянул имя Линя, и мгновение спустя Ньо услышал поворот ключа.

С того места, где он сидел, Ньо не мог видеть лица мандарина, но тот, казалось, очень быстро справлялся со своей задачей. Он отбирал заключенных одного за другим. Их выводили из камеры и выстраивали в линию.

Мандарин приближался. Ньо увидел его лицо и оцепенел.

Это был секретарь Линя. Ньо сразу узнал его. Он даже знал его имя. Казалось, совсем недавно они столкнулись нос к носу на Хог-лейн.

Сейчас его выведут на чистую воду. Ньо пытался спрятаться за спиной других заключенных.

Но Шижун заметил движение. В мгновение ока он оказался перед Ньо и заглянул ему в лицо.

– Этого, – велел он.

Ньо вывели из камеры и поставили в ряд вместе с другими заключенными, хотя он не знал зачем – на допрос или на казнь.

Гонконг

Октябрь 1839 года

Сомнения Ньо зародились теплым октябрьским днем.

В прибрежных районах у устья Жемчужной реки каждый октябрь спадает полутропическая жара, приходит конец повышенной влажности и долгим летним муссонам. Начинается восхитительный сезон. Небо чистое и синее, легкий ветерок дует над водой. Это похоже на идеальное английское лето, даже менее изменчивое.

Ньо стоял на мысе на оконечности Бога. Сразу за ним терпеливо ждали четверо носильщиков с паланкином с шелковыми занавесками, в котором привезли чиновника, а на небольшом расстоянии чуть дальше, вне пределов слышимости, эmissар Линь и Шижун смотрели через воды залива туда, где совершали маневры двадцать боевых джонок.

Ньо, как и два чиновника, пристально следил за военными джонками, потому что учения гарантировали, что в бою с варварами доблестные моряки Поднебесной уничтожат британский флот.

Шижун был в восторге. Пусть он и подвел Линя во время допроса пирата, но оправдал доверие, собрав разведданные в Макао.

Сегодня, вернувшись на материк, Шижун приготовил для эmissара небольшой сюрприз, который, как он надеялся, понравится великому человеку. Однако сначала нужно понаблюдать за учениями. В Макао он купил голландскую подзорную трубу – небольшую медную трубу капитана дальнего плавания, которой тот весьма гордился, – и теперь с ее помощью внимательно следил за происходящим с самого начала.

Но его мучил один вопрос.

– В заливе находятся британские торговцы, ваше превосходительство. Вы не возражаете, что они видят наши тактические учения?

– Я даже хочу, чтобы они увидели, – ответил Линь и пристально посмотрел на воду. – Это всегда хорошо, Цзян, напугать врага. Посеять сомнение и панику в его сознании. Разрушить его моральный дух. Именно поэтому я сказал варварам, что мы отравили колодцы в Гонконге. Мы дали им понять, что мы можем сделать, если захотим. Сегодня мы покажем им, как легко сумеем сокрушить их в море. – Он указал на военные джонки. – Смотрите, они начинают.

Боевая тактика китайского флота была точной и совершенствовалась на протяжении многих поколений. Если противник владел многочисленным флотом, можно было послать брандеры, чтобы посеять панику. Но главный удар всегда был одним и тем же.

Военные джонки были маленькими, куда меньше крупных и неуклюжих торговых судов. В основном около ста футов от носа до кормы. Но они хорошо маневрировали в прибрежных водах, где патрулировали территорию против местных пиратов.

Военная джонка представляла собой небольшую плавучую крепость, полную солдат. На палубе имелось примерно шесть пушек, цель которых – повредить мачты и снасти противника и замедлить ход вражеских кораблей. На подходе к кораблю противника хорошо обученные лучники осыпали врага градом стрел, чтобы уничтожить строевую команду, а потом пойти на abordаж.

Сегодня пушка стреляла только ватой, а наконечники стрел были тупыми, но Шижун видел, что лучники целятся очень точно, поскольку стрелы с грохотом молотили по палубе условного противника.

– Адмирал Гуань³² знает свое дело, – заметил Линь с довольным видом. – Все корабли выстроены точно в линию. Идеальная координация.

Теперь Шижун видел, как моряки зацепляют вражеские мачты с помощью крюков и тянут корабли в свою сторону. Затем одни перемещаются по бордажным доскам, другие раскачиваются на веревках – и с короткими мечами и ножами в руках они толпой нападают на вражеские корабли.

– Вот молодцы! – воскликнул Шижун. – Давайте поднимайтесь на борт. Они как белки-летяги. – Он засмеялся. – Это правда, ваше превосходительство, что моряки адмирала обучены боевым искусствам?

– Да, многие обучены, – ответил Линь и довольно покивал. – Разорвут варваров на кусочки.

Они наблюдали за происходящим в течение получаса. По окончании учений на палубе показалась крупная фигура самого адмирала Гуаня, когда его джонка салютовала комиссару фейерверком. Линь позволил себе улыбнуться.

И вот настал момент Шижуна.

– С вашего позволения, господин эмиссар, – сказал он, шагнув вперед и подняв медную трубу так, что она вспыхнула на солнце.

Как будто из ниоткуда появились три лодки-дракона, одна впереди, две сзади, гребцы энергично орудовали веслами, причем идеально синхронно. На кормах развевались красные флаги. Когда они поравнялись с эмиссаром, гребцы приветствовали его громкими возгласами.

– Это твои парни? – спросил Линь. – Те, кого ты выгнал из тюрьмы?

– Да, господин эмиссар. У нас уже есть десять команд, и одна на подходе. Я велел им патрулировать побережье, как вы приказали.

– Их действия эффективны?

– Без сомнения.

– Это доказывает два принципа, которые я часто провозглашал, – заявил Линь. – Во-первых, никогда не казни человека, который может тебе пригодиться. А второй?

– Пусть вор ловит вора, господин эмиссар.

– Именно так. Эти бандиты знают каждую бухту на побережье, каждую уловку контрабандистов. Кто бы лучше сгодился на роль береговой охраны?

– Точно!

– Кстати... – Линь покосился на Нью. – А почему этот молодой бандит со шрамом не в лодке?

– Оказалось, он не местный, господин эмиссар. Никто не захотел брать его к себе в команду. Я привлек его для выполнения моих личных поручений, и он отлично справляется.

Ответ, казалось, удовлетворил эмиссара.

– Пора осмотреть форт, – сказал он.

Носильщики несли паланкин с эмиссаром вдоль берега реки, а Нью и Шижун шагали следом.

Нью шел, почтительно склонив голову. Все знали, что Шижун допрашивал Морского Дракона, а потому его все боялись. В первую минуту, когда молодой чиновник указал на него в тюрьме, Нью решил, что Шижун его узнал. Но постепенно стало ясно, что этот занятой молодой человек благородных кровей понятия не имеет, кто это. Для Шижуна Нью был всего лишь одним из безымянной толпы, и пусть даже у него шрам на лице, но у тысяч других тоже есть шрамы. Нью надеялся, чтобы все и дальше так было.

---

³² Гуань Тяньнэй – китайский адмирал династии Цин, участвовавший в Первой опиумной войне.

Если Шижун отдавал ему приказ, Ньо тут же выполнял его. Если задавал вопрос, то отвечал так быстро, как только мог. Он подавал голос только тогда, когда к нему обращались, а это случалось не слишком часто.

Но после успеха своего небольшого представления Шижун пребывал в таком хорошем настроении, что даже соизволил заговорить с Ньо в дружеской манере.

– Итак, молодой человек, что ты делаешь с деньгами, которые получаешь? – любезно спросил он.

– Коплю, господин.

– А для чего?

– Для своей старшей сестры, господин. Ей нужны деньги.

– Очень похвально, – одобрительно кивнул Шижун. – Что ж, сейчас мы увидим одних из лучших солдат империи.

– Знаменных гвардейцев, господин?

– Да, маньчжурских воинов. Не то чтобы наши ханьские солдаты оставляли желать лучшего, но это элитные маньчжурские знаменные. Равных им нет.

– Говорят, хакка тоже отважные воины, – заметил Ньо.

– Правда? Но им не сравниться с маньчжурскими знаменными.

Ньо не ответил.

И действительно, когда они приблизились к форту, то увидели около сотни знаменных, выстроившихся в линию на смотр.

Здесь было две группы. Первые – лучники в кафтанах, затянутых поясами, с колчанами на боку, полными длинных стрел, и с громоздкими луками – все еще были в летних конических соломенных шляпах с шариком наверху. Стрелки в мягких кожаных сапогах и куртках по какой-то причине были одеты в бархатные зимние шляпы, расширяющиеся кверху, – чертовски умный ход, вынужден был признать Ньо, – у каждого из них был длинный тяжелый фитильный мушкет.

Линь выбрался из паланкина и подал знак Шижуну встать прямо за его плечом. Ньо встал рядом с хозяином. Затем капитан стражи выкрикнул приказ, и лучники выпустили стрелы – раз-два-три – на потрясающей скорости. Ньо был под впечатлением.

– Это самые мощные луки в мире, – сказал ему Шижун. – Стрелы настолько тяжелые, что могут пробить двух человек.

Теперь пришла очередь стрелков. Капитан проорал первый приказ:

– Засыпай!

Солдаты быстро достали маленькие пороховницы из рога и насыпали немного пороха на полку.

– Закрывай!

Солдаты быстро защелкнули крышку, встряхнули мушкет и благополучно сдули остатки пороха.

– Заряжай!

Они подняли дульный конец, взяли один из маленьких пакетиков с порохом, которые носили на куртках, и высыпали содержимое в ствол. Затем в него затолкали патрон, а следом небольшой ватный тампон.

– Забивай! – (С помощью шомпола они протолкнули пулю и заряд на место.) – Шомпол на место!

Шомпол был возвращен в специальное гнездо в цевье для будущего использования.

Ньо пристально наблюдал за сложными приготовлениями. Пираты Морского Дракона не пользовались огнестрельным оружием, и он раньше не видел такой подготовки. Шижун посмотрел на него и улыбнулся.

– Похоже на то, как заряжают пушку, – заметил он.

– Подготовить фитиль! – приказал капитан.

Стрелки взяли тлеющий фитиль, который держали в левой руке, и прикрепили его к серпентину над полкой. Затем подули на тлеющий конец, чтобы образовалось крошечное пламя.

– Прицельтесь! – крикнул капитан, и они прицелились. – Открывай!

Большим и указательным пальцем правой руки каждый стрелок откинул крышку полки, чтобы обнажить порох.

– Пли! – приказал капитан.

Спусковые крючки были спущены, замок опустился на открытую полку, порох загорелся, раздался громкий хлопок, и из стволов каждого мушкета вырвались сначала узкие вспышки, а затем столп пламени, за которым потянулся шлейф темно-синего дыма. Только три мушкета не сработали.

– Отлично! – воскликнул Линь и повернулся к Шижуну.

– Великолепно, – поддакнул Шижун и обратился к Ньо: – Ну и что ты думаешь об этом? Ньо нахмурился. Весь процесс от первого приказа до выстрела занял целую минуту.

– Кажется, это слишком долго, господин, – с сомнением пробормотал он и добавил, вспомнив, с какой скоростью перемещался Морской Дракон и его пираты: – Разве враги не нападут на них раньше, чем они подготовятся к выстрелу?

– Что он сказал? – спросил Линь.

Пока Шижун передавал его слова этому важному чиновнику, Ньо съезжился. Как можно было быть таким идиотом? Всего-то нужно было восхищенно воскликнуть: «Чудесно, господин!» – или что-нибудь в этом роде. Эмиссар рассвирепеет и бросит его обратно в тюрьму?

Но он недооценил Линя. Тот гордился тем, что знал, как все работает.

– Вопрос правильный, – объявил он, а потом велел Шижуну: – Объясните ему, что порядок в нашей армии такой идеальный, потому что каждая часть поддерживает другую. Пока наши стрелки заряжают оружие, они защищены стеной пехотинцев, вооруженных пиками. А когда они стреляют, не только шум и дым пугают противника, но и свинцовые пули разлетаются при ударе и оставляют огромную рану. Я видел, как попали в плечо, а оторвало всю руку. Любой удар – и ты, вероятно, умрешь. – Он мрачно кивнул. – Более двухсот лет мир дрожал перед нашими армиями.

Они поднялись на огромные валы из обожженной глины перед фортом с гранитными стенами, и Шижун восхищенно огляделся. Каждая стена была укреплена. То же самое и в форте на противоположном берегу реки. Когда они добрались до береговой батареи, то, глядя на длинную линию больших пушек, установленных на позициях, Шижун пробормотал:

– Великолепно!

Здесь для эмиссара снова устроили демонстрацию. Во-первых, все орудия выстрелили с оглушительным ревом. И они наблюдали, как ядра подняли столп брызг далеко в воде. Мгновение спустя они увидели клубы дыма, за которым последовал рев из батареи почти в двух милях от противоположной стороны. После этого небольшого представления офицер провел Линя и Шижуну вдоль орудий, чтобы произвести смотр артиллерийских расчетов.

Ньо ждал. Но когда Лин миновал половину линии, Ньо бочком подошел к ближайшей пушке и с любопытством посмотрел на нее. Красивое чудище. На внешней поверхности мощного ствола остались глубокие вмятины.

– Выглядит старой, – сказал Ньо старшему канониру.

– Ей больше ста лет, но все как новенькая, – ответил коренастый канонир.

Ньо повнимательнее осмотрел огромную пушку – должно быть, она ужасно тяжелая, – но не увидел никакого механизма для направления огня.

– А как вы целитесь? – спросил он.

– Ствол закреплен. Нет необходимости наводить его. Мы ждем, пока корабль не окажется перед нами. Затем срабатывает вся батарея. И батарея напротив.

– Но до дальнего берега далеко. Достигнут ли пушечные ядра кораблей посередине?

– Выше по течению между двумя следующими фортами канал уже. Мимо них никто не проскочит.

– А что, если лодка-дракон приблизится к берегу под линией огня?

– Войска позаботятся о ней, разве нет?

– Наверное, – размышлял вслух Ньо. – А если вражеский корабль выстрелит в вас из своей пушки?

– Корабельные пушки не такие уж большие. В любом случае им не пробить укрепление. Никаких шансов, – рассмеялся канонир. – Мы разнесем их на куски. Им никогда не прорваться вверх по течению.

– Понимаю, о чем вы, – вежливо произнес Ньо. – Благодарю!

Когда Линь и Шижун вернулись, оба выглядели очень довольными.

– Спросите, что он думает о батарее, – сказал Линь с улыбкой. – Достаточно ли она хороша для него?

Шижун задал вопрос. В этот раз Ньо не стал испытывать судьбу.

– Она просто чудесна, господин!

Линь снова сел в паланкин и обратился к Шижуну:

– Как поживает ваш почтенный отец? Когда вы в следующий раз будете ему писать?

– Сегодня вечером, господин эмиссар.

– Подойдите, когда закончите письмо, я хочу добавить пару слов.

Шижун подошел к библиотеке, где работал великий человек, уже поздно вечером. Но пробивавшийся из-под двери свет подсказал, что эмиссар Линь все еще там.

– Вы просили сообщить, когда я допишу письмо отцу, господин эмиссар.

– Да, могу я взглянуть?

Шижун положил письмо на стол. Это было хорошее письмо. Помимо обычных вопросов о здоровье отца и тети, он коротко рассказал о недавних обязанностях и живописал события прошедшего дня. Никаких слов лести, но было ясно, что он очень уважает господина Линя, и это правда.

Линь прочитал, одобрительно хмыкнул, положил письмо на стол и жестом велел Шижуну сесть.

– Я составлял личное письмо Эллиоту, – сообщил эмиссар и, после того как Шижун поклонился, продолжил: – Прежде чем отправлю, хочу узнать ваше мнение. На днях совершенно случайно утонул британский моряк, а его тело выкинуло на берег.

– Я слышал, господин эмиссар.

– Возможно, было бы удобно, если бы это был труп того самого человека, которого мы требовали выдать нам из-за убийства несчастного местного жителя. Тогда можно было бы закрыть дело без потери лица ни для нас, ни для британцев. Как считаете?

– Очень хитро придумано, – с улыбкой заметил Шижун.

– Император не требует, чтобы мы проявляли глупость.

– Эллиот был бы дураком, если бы не принял ваше предложение, – ответил Шижун. – Но могу я задать вопрос? – (Линь коротко кивнул.) – Наше могущество огромно, и варвары это знают. Теперь вы великодушно предлагаете им еще одну уступку. И все же я не могу не задаться вопросом: у вас никогда не возникает соблазна просто сокрушить британских варваров раз и навсегда?

– Лично у меня? – улыбнулся Линь. – Конечно. Но вы задали неправильный вопрос. Важно желание императора, а не мое. И что император велел мне сделать?

– Остановить контрабанду опиума.
– Верно. Но велел ли он мне развязать войну с варварами?
– Пока нет, господин эмиссар.
– Да, у нас оживленная торговля чаем. Наши крестьяне выращивают чай. Наши хонги продают его. Разве император велел нам разрушить торговлю чаем?

– Нет, господин эмиссар.

– Итак, все очень просто. Британцы могут торговать чаем, но не должны контрабандой провозить опиум, в отношении которого должны подписать обязательство, пообещав подчиниться нашим законам. Эллиот говорит, что их законы запрещают им подписывать. Тогда нужно изменить их законы. Я надеюсь, его королева уже прочитала мое письмо, и если она справедлива, то запретит торговлю опиумом и незамедлительно прикажет британским торговцам подчиниться. Тогда проблема решена, а моя работа выполнена. – Он помолчал. – Пока торговля чаем продолжается?

– Да, господин эмиссар. Сейчас чай перевозят американские корабли.

– Именно так. Американцы и другие варвары, которые подчиняются нашим законам, могут подняться вверх по реке и купить чай. А вот британских торговцев не пускают. Чай, конечно, попадает в Британию, но британские торговцы не могут везти его. Американцы и другие торговцы используют все доступные суда, отправляют чай и извлекают прибыль, оставляя британских торговцев в дураках. В этом им некого винить, кроме самих себя.

– Верно ли, ваше превосходительство, что американцам разрешили подписать менее строгие обязательства, которые не вынуждают их подчиняться нашим законам?

– Документы составлены на их родном языке, поэтому я не могу сказать. – Хитрый чиновник слабо улыбнулся. – За исключением негодяя Делано, американцы почти не занимаются контрабандой опиума, так что на самом деле не имеет значения, что они подписывают.

– Господин эмиссар, вы думаете, что британцы настолько жадны, что из-за этого нападут на нас?

– Кто знает... – ответил Линь, на этот раз с искренним недоумением. – Мне еще предстоит понять их моральные устои.

Он снова взял письмо Шижуну и, окунув кисть в чернила, выбрал подходящее место на листе, быстро написал несколько иероглифов и вернул письмо Шижуну, который прочитал приписку:

*Удачлив начальник, секретарю которого доверяют. Счастлив отец,
сына которого хвалят.*

Совершенное китайское двустипение: одно предложение параллельно другому, каждое слово в идеальном балансе со своими собратьями. Что касается элегантной каллиграфии, каждый мазок кисти показывает чистоту души и чувство справедливости автора. Когда Шижун прочел послание и подумал, какую радость оно принесет отцу, у него на глаза навернулись слезы. Он поклонился в пояс, чтобы выразить уважение и скрыть слезы.

* * *

– Чертов Гонконг! – проворчал Талли, когда они с Джоном Трейдером стояли на палубе корабля, который уже несколько недель был их домом.

Талли повторял эту фразу каждое утро. Гавань Гонконга с крутым Пиком являла великолепную перспективу, но картина не доставляла Талли Одстоку никакого удовольствия.

– По крайней мере, мы получаем еду с материка, – сказал Трейдер. – И китайцы не отравили колодцы.

– Лучше бы отравили, – буркнул Талли и, выпучив глаза, пристально посмотрел на воду, где британские корабли стояли на якоре вот уже несколько недель. – Я бы лучше умер, чем и дальше тут торчать.

Треjder не мог его винить. Всем было скучно.

– По крайней мере, мы в безопасности, – попытался успокоить он.

– Скорее, мы в безвыходном положении. Прикованы к скале! – Одсток кивнул в сторону Пика. – Смотрите! – Он с яростью простер короткие ручки в сторону якорной стоянки. – Семьдесят британских кораблей на якоре. И я, черт побери, не могу воспользоваться ни одним!

– Нам нужно терпение, – рискнул высказаться Треjder.

– Нам нужен чай! – прорычал Талли, затем немного помолчал. – Вы видели, что сегодня утром мне пришло письмо? От отца из Лондона. – Он вынул письмо из кармана. – Вам стоит прочесть.

Почерк Эбенезера Одстока по-прежнему оставался отрывистым, но казалось, что возраст уже начал брать свое.

– Мне жаль, что у него такие плохие зубы, – сказал Треjder, и Талли в ответ только фыркнул. – И его нога. Он пишет, что с трудом добирается до офиса, даже с палкой. – Талли снова фыркнул; Треjder прочел вслух: – «И я боюсь, что мозги уже не так хорошо работают».

– Старый черт! – хмыкнул Талли.

– «Учитывая нестабильность торговли с Китаем в настоящее время, – продолжил читать Треjder, – ожидается дефицит чая, цены могут взлететь до небес. Я буду благодарен, мой дорогой сын, если ты пришлешь весь чай, какой только сможешь, при первой же okazji».

– А я не смогу, – почти причитал Талли.

Треджеру казалось странным, что грубоватый торговец средних лет все еще так боится отца.

– Пока мы разговариваем, в Кантон привозят весенний урожай из отдаленных районов, лучший чай. Джокер продаст мне столько, сколько я смогу купить. Я расплачусь серебром. У меня даже есть судно, которое можно использовать. Но я не могу подняться вверх по реке, потому что мне не разрешено подписывать обязательства перед Линем.

– А нельзя закупить чай через какого-нибудь американского купца?

– Я пытался. Все в деле. Загружены доверху хлопком на продажу, а обратно поплывут с чаем. Но, увы, не для меня.

– Я полагаю, что нам нельзя подписывать чертовы обязательства. Обещать не возить опиум? Ну то есть не только сейчас, разумеется.

Талли потряс головой:

– Мне не нравится Эллиот, но в одном он прав. Нам надо держаться вместе. Мы сказали Линю, что британские торговцы не могут подписывать никаких документов, которые переводили бы их под китайскую юрисдикцию. Нельзя такого делать! Сами себе отрубим ногу. Как только мы подчинимся китайскому закону, мы у них под колпаком навеки. Любой китайский судья сможет нас пытать и повесить по собственной прихоти. – Он мрачно покачал головой. – Ничего не поделаешь. Придется сказать старику, что я не смогу достать ему чай.

– Уверен, он поймет, – сказал Треjder.

– Ты его не знаешь.

– Думаю, у меня есть одна идея, – заметил Треjder после короткой паузы.

На следующее утро маленькое суденышко с пустыми трюмами, высоко сидящее на воде, вышло из тени возвышавшегося Пика Гонконга и направилось через залив.

На полпути Треjder увидел вдали китайскую военную джонку, а через час появилась лодка-дракон. Но ни джонка, ни лодка не приблизились к его суденышку. Глядя через воды в сторону холмов Макао, Треjder задавался вопросом: увидится ли он снова с Мариссой?

Треjder вспомнил смутную неловкость, когда расставался с Мариссой, – любовник, который не обещал вернуться. Возможно, у нее уже появился другой. А если нет? На него нахлынули воспоминания: гладкая кожа, прикосновение ее волос к его рукам, ее запах. Что было бы, если бы они снова встретились? Что случилось бы?

Незадолго до полудня он увидел сияющий на солнце фасад собора на вершине холма. Ему все равно придется подняться туда, чтобы найти Рида, если американец все еще на острове, а это наверняка так. Его добрый друг не исчез бы за горизонтом, не сообщив Трейдеру об этом.

К тому времени, как они бросили якорь, к ним уже плыла четырехвесельная лодка. Менее чем через полчаса Трейдер был на набережной и собирался было подняться на холм, когда, к своему удивлению, увидел американца всего в каких-то пятидесяти ярдах.

– Никак молодой Трейдер пожаловал! – Американец подошел к нему и протянул руку. – Что привело вас сюда, мой друг?

– Хотел повидаться с вами. Как раз собирался к миссис Виллемс.

– Ох! – По лицу Рида скользнула легкая тень, или ему показалось? Если так, то она мгновенно исчезла, сменившись широкой ухмылкой. – Ну, меня вы уже нашли.

– Миссис Виллемс здорова?

– Да.

– А Марисса?

– Сейчас ее нет на острове. Уехала проведать родню.

Они уселись в португальской таверне, и Трейдер объяснил, что ему нужно.

– Итак, вы хотите, чтобы я выступил в роли американского торговца, заключил сделку с китайским торговцем, которого вы называете Джокером, и отправил чай из Вампу на этом судне в Гонконг? За что Одсток мне заплатит.

– Очень щедро.

– Вы даете мне корабль и оплачиваете товар.

– Именно.

Рид затянулся сигарой.

– Дело в том, что я мог бы немного поработать. – Он усмехнулся. – Макао – приятное место, но я заскучал.

– Тогда вам стоит принять мое предложение, – воодушевил его Трейдер.

– Я мог бы получить здесь бумаги от губернатора, в которых говорилось бы, что я добросовестный американский коммерсант. Это не проблема. На днях я оказал ему услугу. Нам, конечно же, придется поднять американский флаг. Может быть, изменить название. – Он задумался. – «Леди-янки». Как вам? У вас есть команда и капитан?

– Нормальная китайская команда. Помощник капитана сможет управиться с судном, и он знает здешние воды.

Рид покачал головой:

– Вам нужен капитан. Но не волнуйтесь. У меня есть кое-кто на примете.

– И где же он?

– Прямо здесь, смотрит на вас.

– Вы и правда были капитаном корабля?

– Много раз. Заплатите мне обычную ставку капитана вдобавок к остальному, и по рукам.

– Договорились!

– Тогда давайте получим бумаги от губернатора прямо сейчас.

Офис губернатора находился на авениде де Прайя-Гранде. Было приятно снова пройти по красивому изгибу большой эспланады. Трейдер почти ожидал, что сейчас увидит Талли Одстока, совершающего дневную прогулку по набережной.

У губернатора Рид объяснил свою миссию помощнику, который провел их в приемную. Но ждать пришлось недолго. Через несколько минут помощник снова появился в дверях:

– Губернатор сейчас вас примет, господин Рид.

Четверть часа спустя Рид вышел, размахивая бумагами, и выглядел он счастливым.

– Все, что нам нужно. Пора идти! – бодро воскликнул он.

– Мы собираемся к вам? – спросил Трейдер, когда они вышли на Прайя-Гранде.

– Не мы, а я. Вы – нет, – твердо сказал Рид. – Вам лучше немедленно вернуться на судно.

Пусть люди напишут новое название на носу, а я пока соберу вещи. Мы отплывем до вечера.

Пока один из членов экипажа выводил краской буквы названия «Леди-янки», которые он написал мелом, Трейдер смотрел через залив на Макао, где высоко на холме сиял в солнечном свете фасад собора, и думал о Мариссе.

– Мы готовы, – сообщил Трейдер, когда наконец приехал Рид. – А я сойду на берег. Будет несложно найти лодку, которая отвезет меня из Макао в Гонконг.

Рид взглянул на него с любопытством.

– Трейдер, вы нужны мне в Кантоне, – твердо сказал он. – Вы знаете этого китайского торговца Джокера. Скажете ему, что со мной можно иметь дело. Иначе я откажусь.

Трейдер был недоволен, но решил, что здесь особо не поспоришь.

Однако, когда они плыли той ночью по заливу, Джон осмелился спросить:

– Как там Марисса?

– Нормально.

– У нее новый возлюбленный?

– Не ваше дело! – отрезал Рид, а через минуту добавил: – Когда бросаете юную особу, Трейдер, то не возвращайтесь. Так им только больнее.

Утром в Боге Рид предъявил свои бумаги и подписал документ, гарантирующий, что он не везет опиум. Два чиновника быстро осмотрели трюм и дали Риду разрешение продолжить путь. Еще до полудня они с Трейдером сошли на берег в Вампу, а ближе к вечеру направлялись от кантонских факторий к дому старого Джокера.

Торговец был рад их приходу.

– Господин Трейдер! – просиял он. – Давно не виделись. Ваш друг хочет чай?

На следующее утро он настоял на том, чтобы отправиться с ними в Вампу и убедиться, что в трюм загрузили весь чай, который только может увезти их судно.

Талли, осмотрев груз, остался очень доволен. Он одобрительно хмыкнул, пожал руку Риду и похлопал Трейдера по спине.

– Вот уж не думал, что ты так быстро обернешься, – признался он.

– Мы покинули Макао в тот же день, – объяснил Трейдер. – И из Вампу поплыли прямо в Гонконг.

Талли полностью устроили условия, о которых договорились Рид и Трейдер, и он заплатил Риду на месте.

– Не хотите ли сплавать еще за одной партией? – спросил он американца.

– Как только вы пожелаете!

В тот вечер они все вместе обедали на борту корабля Талли. Затем Рид сказал, что хочет поговорить с Одстоком наедине, поэтому Трейдер, поднявшись на палубу, любовался закатом. С того места, где корабль стоял на якоре, он мог видеть море за россыпью островов. Высоко над ним темно-зеленые вершины Пика ловили красные лучи солнца, которые потом становились

оранжево-зелеными, затем сгущались в индиго, и наконец, когда появился Рид, опустилась темнота.

– Вернусь на корабль, – сказал Рид. – Завтра мы перегружаем чай на судно побольше, а затем я поплыву в Вампу еще за одной партией.

– Я еду с вами?

– Нет, вы нужны Одстоку здесь. Доброй ночи!

После того как он ушел, Треjder некоторое время оставался на палубе. Ночное небо ярко освещали звезды. Он снова подумал о Мариссе. Очень хотелось увидеть ее. Может быть, даже не поговорить с ней, а просто посмотреть. Треjder сомневался, сможет ли он под каким-нибудь предлогом ускользнуть в Макао.

Наконец он спустился. Талли лежал в гамаке, но все еще не спал. В свете лампы Треджеру показалось, что пожилой мужчина задумчиво посмотрел на него. Но Талли ничего не сказал, поэтому Треджер закрыл глаза и заснул.

Следующие две недели прошли достаточно спокойно. Рид совершил еще два рейса в Вампу за чаем, а во время второго рейса он также смог привезти партию хлопка.

Рид был занят, Треjder – нет. Трижды он спрашивал Талли, можно ли ему навеститься в Макао, и каждый раз получал отказ. В итоге, как и все остальные, Треjder был вынужден проводить большую часть времени взаперти на борту, хотя они с Талли навещали своих знакомых на других кораблях в поисках сплетен, развлечений и, конечно же, новостей, но новости были в дефиците.

– Факт в том, что новостей не будет, – пробурчал Талли. – И скажу вам почему. Мы в безвыходном положении. Это просто дело принципа. Китайцы говорят: «Пока вы в Китае, подчиняйтесь нашим законам». Мы отвечаем «нет». Все остальное – обман. Линь заявляет: «Мы забудем о том деревенском жителе, которого вы убили, если вы просто согласитесь подчиниться нашим законам в будущем». Чушь! Эллиот только что сказал Линю: «Вы можете осмотреть наши корабли, убедиться, что на борту нет опиума, прежде чем разрешить нам подняться вверх по реке. Но мы не подчиняемся вашим законам. Не подпишем обязательства». Еще одна чушь!

– Я слышал, – сказал Треджер, – что некоторые британские суда заходят в реку, и, если Линь согласится пропустить их после проверки, они помчатся в Вампу и первыми приобретут самый лучший чай.

– Знаю. Я называю их Оптимисты. Они могут торчать там, сколько им вздумается, но Линь не купится на это. Это дело принципа. Подпишите обязательство. Соблюдайте наши законы или уберите к черту.

– Эллиот просто тянет время, не так ли?

– Полагаю, в ожидании военно-морского флота, – пожал плечами Талли, – если Лондон решит его отправить.

Но новостей из Лондона не было. Ни слова.

Был ясный солнечный день, когда дюжина молодых людей, которым надоело сидеть взаперти на кораблях, решили подняться на вершину Пика.

Джон Треджер был одним из них.

Миновав россыпь рыбацких хижин у кромки воды, они вскоре оказались в густом лесу, покрывавшем холм. Сначала дорога не составляла труда, кроме того, большинство вооружилось какими-то тростями.

Еды и вина у них было ровно столько, чтобы устроить пикник на вершине.

Но постепенно тропа становилась все круче. Джон даже немного вспотел. Он улыбался, радуясь возможности размяться. Они двинулись по тропе, огибающей большой холм, и примерно через час, преодолев около двух третей пути, натолкнулись на большие скалы. Там Трейдер и его спутники остановились, чтобы посмотреть на воду, плескавшуюся в тысяче с лишним футах внизу, а их лица обдувал легкий ветерок.

На последнем участке пути растительность поредела, под ногами вместо тропы были сплошь камни и корни деревьев. Идти было нелегко, но они довольно быстро добрались до вершины и с благоговением смотрели с высоты тысячи восьмисот футов над водой на великолепную панораму Гонконга.

Наконец кто-то подал голос:

– Я знал, что это прекрасная гавань, но только отсюда действительно видна рука Создателя.

Это правда, подумал Трейдер. Даже сам по себе канал обеспечивал защиту высокому скалистому острову от материковой части Китая. Но когда муссонные штормы обрушивались на широкий вход в залив, канал превращался бы в адское место, если бы не благословенный защитный барьер на западе, всего в нескольких милях между Гонконгом и заливом. Это был вытянутый в длину остров, тоже с высокими горами, который зигзагообразно пересекал воду, как китайская ширма. Он носил название Лантау и образовывал западную стену охраняемой гавани Гонконга.

Но Создатель сделал больше. На полпути вдоль пролива огромный китайский материк высунул драконий язык – широкий низменный мыс, известный как Коулун, который разделял пролив пополам, оставляя узкий проход. Суда, направлявшиеся на восток через этот проход, заходили в другую, меньшую гавань, известную как залив Коулун, где могли переждать даже тайфун.

Неудивительно, что Джон Трейдер сказал:

– У португальцев есть Макао. Возможно, мы могли бы занять это место.

Пикник закончился, и они как раз собирались снова спуститься с холма, когда Трейдер заметил кое-что странное. Среди огромного скопления судов на огромной якорной стоянке в Гонконге было всего два корабля Королевского флота. Оба были небольшими. На «Волидже» было двадцать восемь орудий, по двенадцать с каждой стороны, плюс еще четыре на квартердеке, что позволяло называть его фрегатом. «Гиацинт» был всего лишь шлюпом, вооруженным шестнадцатью пушками и парой девятифунтовых пушек в носовой части.

Внимание Трейдера привлекла шлюпка, которая привезла кого-то к «Волиджу». Шлюпка подождала немного, чтобы пассажир поднялся на палубу корабля, а потом поплыла к «Гиацинту», где оставалась в течение нескольких минут. Трейдер увидел, как «Волидж» снимается с якоря. Вскоре его примеру последовал «Гиацинт», и оба корабля устремились к заливу.

Обращаясь к своим товарищам, Трейдер спросил:

– Какого черта два военных корабля уплывают в такой спешке?

Но никто не знал.

Спустя несколько часов Талли принес новости.

– Не знаю почему, – простонал он, – но если приходит беда, то всегда как гром среди ясного неба.

– Говорите, что какое-то британское торговое судно приплыло прямо из Лондона, проигнорировав инструкции Эллиота?

– Да. Через Бомбей. Заходит в Кантонский залив и, не останавливаясь, просто плывет к Богу. Когда китайцы говорят капитану, что он должен подписать обязательство Линя, он подписывает проклятую бумаженцию, словно это просто билет на спектакль, и плывет в Вампу.

- Возможно, капитан не понимал, что делал.
- Все-то он знал. Только плевать хотел. И вышиб почву у нас из-под ног. Всему британскому флоту, Эллиоту, британскому правительству и всем нам.
- Можно сказать Линю, что это ошибка.
- Ерунда! Линь ответит: «Вы заявили, что ни одно британское судно не может подписать этот документ. Вы солгали мне. И если капитан, прибывший прямо из Лондона, может подчиняться китайским законам, то вы тоже. Конец истории». На его месте я бы тоже так сделал.
- И что теперь?
- Эллиот направил «Волидж» и «Гиацинт» в залив. Якобы чтобы защитить Оптимистов, но на самом деле, чтобы удостовериться, что им в голову не взбрело то же самое и они не подписали эту бумагу.
- А Линь что будет делать?
- Кто знает? Скажет подписывать или убираться. Надеюсь, мы откажемся. Может перекрыть нам доставку продуктов. Ему такое по силам. Или отравит колодцы. Одному Господу известно.
- Грядет сражение?
- Талли задумался.
- Если оставить в стороне тот факт, что у Эллиота всего два боевых корабля, у него нет полномочий развязывать войну. – Он помолчал. – Я не уверен, что такими полномочиями обладает Линь.
- Значит, пока боевые действия не предвидятся.
- Ох, я бы так не говорил. Войны как бунты. Могут начаться по ошибке.

* * *

Нью стоял перед дверью Шижуня. Был вечер, и фонари горели. Три дня они провели с канонирами на позициях, чтобы быть под рукой. А теперь час уже почти пробил.

Увидев приближающегося эмиссара Линя, Нью открыл дверь, чтобы сообщить о его приходе. Линь прошел внутрь, и Шижун почтительно поднялся из-за стола, за которым писал. Нью закрыл дверь, но на этот раз остался в комнате, поскольку хотел подслушать их беседу, но, похоже, ни эмиссар, ни Шижун его не заметили.

– Завтра утром? Уверены? – резко спросил Линь.

– Уверен, господин эмиссар. Две мои лодки всю дорогу преследовали их. Встречный ветер все еще замедляет варварские военные корабли, но к рассвету мы увидим их с мыса. Командует капитан Смит, но мои люди считают, что Эллиот на борту.

– Хорошая работа. – Линь помолчал. – Я ошибался, предлагая Эллиоту компромисс по поводу убийства. Зря я вообще вел с ним переговоры. Его действия показали истинную природу. Он уверял, что британские капитаны не могут подписывать обязательство. И теперь мы знаем, что это ложь. Он презирает правду. Он презирает закон. Он всего лишь пират, и мы будем действовать соответственно. – Собираясь уходить, Линь взглянул на стол. – Что вы писали?

– Копировал поэму великого Юань Мэя³³, господин эмиссар.

– Хорошо, – кивнул Линь. – По возможности в спокойные моменты нужно заниматься каллиграфией. Именно так император восстанавливает свое равновесие и здравый смысл. – Он задумчиво посмотрел на Шижуня. – Когда все закончится, вам следует вернуться к учебе и снова сдавать экзамены. Однажды вы сможете занять высокую должность. Но экзаменационная

---

³³ Юань Мэй (1716–1797) – китайский поэт, ученый и писатель.

система – совершенно справедливо – единственный путь, который ведет на вершину карьерной лестницы.

Эмиссар ушел. Ньо видел, что Шижун его слова очень тронули.

Вскоре после рассвета Шижун стоял рядом с эмиссаром Линем на мысе и смотрел в медную трубу на беспокойные серые воды залива. Ветер с силой ударял ему в спину.

Слева, недалеко от того места, где был уничтожен опиум, находился готовый к бою флот адмирала Гуаня, чуть дальше – караван британских торговых судов, ожидающих, чтобы их допустили в Вампу, а вдали видны были «Волидж» и «Гиацинт», медленно движущиеся к ним по заливу.

Линь протянул руку к трубе, смотрел в нее в течение минуты, затем повернулся к Шижуну:

– Отправляйтесь к адмиралу Гуаню и передайте: если варвары хотят поговорить, скажите им, что мы не ведем переговоров с преступниками. Мое предложение отменяется. Варвары должны немедленно выдать настоящего убийцу. Ни одно британское судно не будет торговать, пока капитан не подпишет обязательство и не согласится подчиняться нашим законам. Возьмите с собой в качестве переводчика господина Сингапура. – Он сделал паузу. – Если варвары нападут, адмиралу разрешено уничтожить их. Это все.

– Господин эмиссар... – Шижун взглянул на него с надеждой. – Могу я остаться на борту корабля адмирала Гуаня? Вдруг он отправит меня с ответным сообщением.

– Вам хочется поучаствовать в боевых действиях. – Линь еле заметно улыбнулся. – Можете остаться, если не мешаете адмиралу.

Ньо ждал с маленькой лодкой-драконом. Чтобы добраться до военной джонки адмирала, не потребовалось много времени. Поднявшись на борт вместе с господином Сингапуром, Шижун передал сообщение. К его радости, адмирал разрешил ему остаться на борту.

– Подплыви к берегу и подожди! – крикнул Шижун Ньо. – Я подам сигнал, когда ты мне понадобишься. Если начнется битва, – добавил он, – тебе будет хорошо видно.

Адмирал Гуань, без сомнения, был очень видным мужчиной: настоящий китайский воин старой закалки. В свои шестьдесят Гуань все еще был красив и держался прямо, как шомпол. У него было большое сильное лицо, тонкие свисающие усы, а глаза казались мудрыми и бесстрашными. Гуань славился своей учтивостью и сейчас отнесся к юному мандарину как к равному.

– Надеетесь увидеть бой, господин Цзян?

– Если будет бой, то я не хотел бы пропустить его, – ответил Шижун.

– Не питайте особых надежд. У меня шестнадцать полностью вооруженных военных джонок и дюжина брандеров. Британцы были бы круглыми идиотами, если бы напали на нас.

В этот момент Шижун увидел господина Сингапура, печально стоящего чуть дальше на палубе. Он был похож на увядший цветок.

– Наш переводчик не рвется в бой, – сухо заметил адмирал Гуань.

Прошло несколько часов, прежде чем два британских военных корабля подошли достаточно близко, чтобы послать бот с тремя парами гребцов к военной джонке адмирала. На борт поднялся молодой британский офицер, который отдал честь, а за ним грузный человек, двигавшийся куда медленнее. Он на достаточно приличном китайском представился как Ван Бускер, миссионер.

Адмирал кивнул, и господин Сингапур на своем лучшем английском передал официальное послание от Линя. Морской офицер слегка нахмурился и ответил, что будет трудно выдать властям какого-либо виновника убийства несчастного китайского крестьянина, поскольку их всех отправили в Англию.

– Тем не менее, – продолжил он, – я немедленно передам ваше послание и вернусь к вам снова с дальнейшими предложениями.

Он вежливо поклонился и удалился.

– Что думаете об этом? – спросил адмирал Гуань Шижун, провожая взглядом бот. – Тут не о чем говорить.

– Интересно, не мог ли наш переводчик в надежде сохранить мир смягчить сообщение? Адмирал Гуань мрачно посмотрел на господина Сингапура, но ничего не сказал.

Когда через час офицер и Ван Бускерк вернулись, адмирал приказал Шижуну:

– Озвучьте миссионеру, что именно сказал эмиссар Линь, слово в слово.

Когда Шижун сделал это, стало ясно, что Ван Бускерк прекрасно его понял, а господин Сингапур выглядел встревоженным. Затем миссионер передал сообщение офицеру на английском языке. Офицер слегка поморщился и охнул.

Теперь заговорил по-китайски Ван Бускерк:

– Вы позволите мне, адмирал, как наблюдателю, кое-что сказать? Суперинтендант Эллиот хочет добиться по возможности компромисса. Но два военных корабля, которые вы видите, находятся под прямым командованием капитана Смита, бесстрашного флотоводца, как и вы. И если Смит сочтет, что нашим судам угрожает опасность, то потребует, чтобы Эллиот разрешил ему вступить в бой.

– Он пират, как Эллиот? – коротко спросил адмирал.

– Эллиот не пират, сэра.

– Это вы так говорите, – заявил адмирал Гуань, давая понять, что дальше слушать не намерен.

После отбытия делегации остаток дня британские корабли не двигались.

В тот вечер господин Сингапур подошел к Шижуну.

– Адмирал мне не доверяет, – сказал он с грустью. – И варвар-миссионер все равно говорит по-китайски. Я должен подать заявление об отставке и попросить разрешения адмирала уехать.

Когда Шижун передал сообщение адмиралу, этот достойный человек только хмыкнул:

– Он боится сражения. Скажи, что покидать корабль запрещено. В прошении отказано.

Позже, когда они вместе ели в каюте адмирала, Шижун спросил старого командира, что, по его мнению, будет дальше.

– Если враг силен, – ответил Гуань, – он атакует. Если враг колеблется, значит он слаб. Каждый китайский командир знает это. Варвары колеблются, потому что понимают, что проиграют бой. – Он кивнул и добавил: – Но я скажу вам кое-что интересное: битву можно выиграть, не вступая в битву.

– Каким же образом, господин адмирал?

– Покажу вам утром.

Солнце уже поднялось, когда адмирал сделал свой ход. Шижун стоял рядом с ним и смотрел, как весь флот из двадцати восьми кораблей – военных джонок и брандеров – вошел в залив к британским торговым судам.

– Мы собираемся встать между торговцами и военными кораблями, – объяснил адмирал Гуань. – Оттуда мы можем послать наши брандеры, чтобы сжечь их в любое время, когда захотим.

– Но на самом деле вы ничего такого делать не будете.

– Верно. У британских военных кораблей остается только два варианта. Они должны либо напасть на нас, либо уплыть вместе с торговыми судами.

– То есть вы вынуждаете их сражаться или унижаться и можете выиграть битву, не сделав ни единого выстрела.

– Точно.

В течение следующих пятнадцати минут, пока китайский флот медленно двигался по заливу, все молчали. Глядя в подзорную трубу на юг, Шижун не обнаружил никакого движения со стороны британских кораблей. Он заметил, что в их направлении плывет какое-то судно, но с такого расстояния не было видно, под каким флагом.

Он был весьма удивлен, когда адмирал внезапно повернулся к нему и заметил:

– Император не посчитал бы, что мы действуем безответственно. Вы согласны?

Шижуну и в голову не приходило, что такого стойкого старого вояку могут мучить сомнения. Он, конечно, все понимал. В запутанной бюрократической системе Поднебесной ни один человек не смог бы подняться по карьерной лестнице до самого верха, если бы не овладел тонким искусством угадывать намерения императора и защищать его с тыла.

– Мы же не нападаем, господин, – сказал он.

– Но кто-то может решить, что мы провоцируем варваров на бой.

На мгновение Шижун задумался, а потом заговорил, тщательно подбирая слова:

– Эмиссар Линь ясно дал понять, что Эллиот доказал, что является пиратом, и поэтому с ним следует обращаться как с пиратом.

Адмирал кивнул, затем помолчал. Снова посмотрев в подзорную трубу, Шижун увидел, что над приближающимся кораблем развевается британский флаг, и продолжил следить за его продвижением.

– Это интересно, – пробормотал он и обратился к адмиралу: – Приближается британское торговое судно, господин адмирал. Но оно направляется не к другим торговым судам, а прямо в сторону Бога. – Шижун протянул адмиралу свою подзорную трубу.

Гуань некоторое время разглядывал судно.

– Вы правы. Итак, еще одно из Великобритании готово соблюдать закон и подписать обязательство.

Шижун собирался было согласиться, когда внезапно из «Волиджа» вырвался клуб дыма, а затем последовал отдаленный грохот.

– Вы это видели?! – воскликнул Шижун. – Эллиот только что выстрелил в нос торгового судна. – Он смотрел с удивлением. – Торговое судно поворачивает назад.

– Хорошо, – резко кивнул Гуань. – Если это не пиратство, то тогда я не знаю, что это.

Он посмотрел на Шижуну в поисках подтверждения.

– Эллиот – пират, господин адмирал. Он только что доказал это.

Они бросили якорь, тщательно выбрав место, и тут появился бот. Как и прежде, в нем прибыли молодой офицер и голландский миссионер. Шижун подошел вместе с господином Сингапуром к борту.

Посланники в лодке даже не просили разрешения подняться на борт и решительно проигнорировали господина Сингапура. Ван Бускерк запрокинул голову и крикнул Шижуну по-китайски:

– Капитан Смит требует, чтобы вы немедленно уплыли! Вы угрожаете британским торговым судам.

– Но мы ничего не сделали, – ответил Шижун.

– Так вы уплывете или нет?

– Нет.

Пару минут спустя гребцы уже орудовали веслами, и бот двигался обратно к «Волиджу». Прошло полчаса. Ничего не происходило. Приближался полдень.

– Как я и думал, – сказал адмирал. – Они слабы. Слабы.

Но в полдень британские военные корабли перешли в наступление. Адмирал отдал распоряжение своим кораблям выдвинуться навстречу противнику.

Бояться особо было нечего. Когда «Волидж», а за ним «Гиацинт» двинулись в их сторону, Шижун и представить себе не мог, что они далеко заплывут: два варварских корабля против шестнадцати военных джонок, не считая брандеров.

Военная джонка адмирала размерами превосходила остальные. На широких палубах имелось по шесть пушек с каждого борта, там же в ожидании приказа находилось почти двести моряков, вооруженных до зубов. Над ними на верхней палубе, откуда открывался хороший обзор во всех направлениях, стояли Шижун с адмиралом.

Когда «Волидж» приблизился к первой военной джонке, его встретили пушечным огнем, китайцы стреляли очередью, целясь в паруса и такелаж. Затем на британские палубы обрушился дождь стрел, словно рой мух, налетевших с неба.

«Волидж» двигался быстрее, чем ожидал Шижун. Очевидно, пушечных ядер было недостаточно, чтобы замедлить его продвижение. Шижун попытался в подзорную трубу рассмотреть, какие потери понесли британцы. Хотя «Волидж» собирался вступить в бой, казалось, что на палубах почти нет солдат. Как они собирались брать их суда на abordаж?

Затем «Волидж» произвел бортовой залп.

Шижуну не доводилось видеть, как стреляет британский военный корабль. Совсем не похоже на стрельбу отдельной пушки с борта китайской военной джонки: сначала яркая вспышка, затем облако дыма и мощный рев, подобный удару грома. Когда дюжина пушек разом выстрелила, то они целились не в оснастку или палубу, а в корпус корабля и в уязвимую точку около ватерлинии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.